

Матвей Осенин

Я знаю тридцать имен девочек

Волшебнице Татьяне с любовью и признательностью.

Я написал эту книгу о любви и сексе на спор. Пospорив с очаровательной и умной женщиной, что смогу это сделать. Все условия спора я не могу вынести на суд общественности. Замечу только, что ответная книга, написанная моей замечательной оппоненткой, по-своему хороша. Только раза в четыре длиннее. Довольно масштабный роман моей оппонентки содержит дюжину трупов, море мистики, несколько историй неземной любви и безумной страсти, но в нём нет ни одной сколь либо интересной сексуальной сцены. И нет настоящего объяснения в любви.

Надеюсь, моя прекрасная спорищица позволит мне добавить что-нибудь привлекательное и остренькое в следующую часть саги. Там есть, над чем пофантазировать.

Ты позволишь, моя дорогая? Ведь я выиграл?

Все события и лица, описываемые в этом романе - вымышлены.
Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

Для начала о себе любимом

Я не хвастаюсь своими победами. К чему? Распалить зависть мужчин? Возбуждать в них низменные страсти? Меня это как-то не забавляет. Все эти рассказы других слишком часто напоминают подростковое меряние цензурками в сортире. Главное не в размере члена, и не в том, что ты про него болтаешь. Мне незачем никому ничего рассказывать. Мои победы – для меня, для моего удовольствия, а если мои друзья видят меня с очередной красоткой, они вольны сами делать выводы. Странность человеческой породы в том, что обычно выводы делаются в мою пользу.

У такого подхода есть и чисто женский эффект – я знаю, по меньшей мере, трех девушек, которые открыто заявляли о том, что я с ними переспал, хотя в действительности они мне были не интересны.

Я не бабник. И не люблю, когда на меня вешают какой-нибудь из литературных ярлыков. Прежде всего потому, что те, кто пытаются приклеить ко мне хлесткое определение, обычно не в курсе, что за ним кроется. Ловелас долго обхаживал некую закомплексованную скромницу, и, получив очередное «нет», попросту опоил её, да и изнасиловал. И я не понимаю, почему мужчин, умеющих найти подход к женщинам, сравнивают с этим странным типом.

Казанова – довольно занудный писатель, в его описаниях интимных болячек и надоевших родинок есть что-то извращённое. Примеривая на себя его подвиги, всегда

нужно помнить, что он писал о них в весьма почтенном возрасте. И у меня есть подозрение, что большинство из них – выдумка, потворство неизжитым комплексам.

Дон Жуан как персонаж, сделавший соблазнение женщин чем-то вроде хобби по-выходным, лично мне тоже не вполне понятен, хотя... в этом смешиваются два увлекательных для мужика занятия – и охота, и секс.

Я ни на кого не охочусь. Я общаюсь, стараясь получить от интересного знакомства все – и не только собственно секс. Это и чужие знания, интересы, мнения. Это человеческие судьбы и истории. Мои женщины облагораживают меня. Я учусь у них, я восхищаюсь ими. Но не следует думать, что я только забираю. Нет, я отдаю им не меньше. Я люблю поиграть в Пигмалиона, превращая скромницу-студентку в сексапильную секретутку, а вздорную капризную красотку в послушную девочку. Те, кого я оставляю, не рыдают у разбитого корыта – они идут покорять сильных и значимых мужчин, на которых до встречи со мной боялись даже посмотреть. И обычно моим избранницам это удается.

Я все еще жду, что однажды в меня ударит молния. Или я увижу глаза, от которых не смогу оторваться. Или вдруг где-то зазвенят колокольчики. Ну и тому подобная чушь всегда может приключиться – поскольку в нашем мире возможно все. Некоторые мои друзья утверждают, что с ними это случалось. У некоторых – даже не один раз. Но меня небеса пока таким манером не благословили. Нельзя сказать, что я жду этого с нетерпением, но все же подчас мне становится интересно – как оно там, в мире волнений и вздыханий. С одной стороны, я абсолютно уверен, что смогу завоевать ту самую волшебницу, с другой – надеюсь, что смогу испытать нечто новое, так как у искушенности есть обратная сторона, имя которой – пресыщенность. Женщинам все труднее меня удивить.

Я - здоровый молодой мужчина в самом расцвете сил. И отношу секс к трем основополагающим потребностям в жизни. Другие две – еда и сон. Недостаточность любой из этих потребностей приводит к проблемам со здоровьем – как у мужчин, так и у женщин. Поэтому я сознательно нарушаю некоторые принятые в нашем обществе правила. Хотя некоторые мои поступки и вызвали осуждение знакомых и даже приводили к проблемам в общении, крайне далеком от сферы моей личной жизни, по прошествии ряда лет мое имя стало синонимом определенной вседозволенности. Я этим стараюсь не пользоваться. Большинство моих связей не афишируются.

Я не избегаю девственниц. Мне все равно – есть опыт у женщины или нет. Если есть – мы узнаем, насколько он интересен, если нет – будем открывать новые ощущения вместе. Но в девственницах есть одно преимущество – их сразу можно слепить под себя, внушив нужные тебе шаблоны и правила. В качестве ответного приза – ее восторги. И если я оказываюсь первым у девственницы – ей в определенном смысле повезет, потому что большинство женщин вспоминает свой первый сексуальный опыт со стыдом, страхом или, по крайней мере, с неприязнью. Я уверен, что раскрытая мной женщина будет хороша в постели для выбранного ею впоследствии мужчины.

Я не сторонюсь отношений с замужними женщинами. И несколько не переживаю из-за того, что какой-то бедный муженек оказался с рогами. Слишком часто ограниченность мужских представлений и куча гнусных табу, заложенных с детства, становится могильным памятником женской сексуальности в браке. Если я помогаю чьей-то жене обрести уверенность в собственной привлекательности в постели – браку это зачастую только на пользу.

Моногамии я не очень понимаю, но готов признать, что в мире множества вероятностей и таким отношениям отведено разумное место. Не готов только согласиться, что это единственно возможный достойный образ жизни. Уж честнее отвергнуть институт брака в принципе, чем сделать несчастной и несвободной какую-то конкретную женщину.

Официальная полигамия в этом смысле не лучше, потому что даже паре сложно поддерживать баланс отношений. Что уж говорить о замысловатых фигурах, когда женщин много (спятить можно) или она одна, а мужчин несколько (это и вовсе клиника).

У меня были сексуальные отношения с девочками-подростками. Возможно, кому-то мои слова покажутся циничными, но девочки сами этого хотели. Если цыплёночек одевает короткую юбочку, ничего не прикрывающие стринги и отправляется с мужчиной в ночной клуб – к утру он будет «съеден» по правилам и без.

Это не означает, что я набрасываюсь на несовершеннолетних. Женщина вызревает для секса, и пока она не готова – с ней нечего делать. Одной нужен мужчина каждую ночь, начиная с момента, когда ей исполнилось шестнадцать, другая должна вырасти до двадцати, и больше пяти свиданий в месяц ей никогда не будет нужно.

Я встречался с женщинами-инвалидами. Обычно тема сексуальности инвалидов несет в себе некий нездоровый оттенок. Но я не понимаю, в смысле секса какая разница между здоровой женщиной без ужасов в жизни и такой же женщиной, но попавшей в ДТП (к примеру) несколько лет назад и потерявшей руку (опять же к примеру)? Я долгое время общался и спал со слепой от рождения женщиной. И это был чудесный чувственный опыт, хотя знаю, что многие считали, будто меня пробило на жалость. Некоторые штампы общества столь его ограничивают, что непоправимо уродуют.

Мне не останавливает чужой (и уж тем более свой) ребёнок в животе симпатичной мне женщины. Более того, я люблю беременных женщин. Они фантастически красивы, очень женственны и невероятно сексуальны. Второй триместр беременности, когда первые страхи, токсикозы, мнительность и неуверенность позади, а новая жизнь в так ощутимо выросшей матке натягивает кожу живота, делает очень многих женщин поистине неотразимыми. Они ничего не боятся, они раскованы и вместе с тем трогательно беззащитны. Совершенно особое ощущение – чувствовать экстаз любовницы и знать, что в этом участвует ещё одно маленькое существо.

Некоторые женщины именно во время беременности вдруг понимают, что у них есть сексуальные потребности, о которых они и не подозревали. Иногда эти потребности проявляются только во время беременности. Страх забеременеть частично парализует сексуальность многих женщин. В то же время уже беременными они сравнительно легко пускаются во все тяжкие, включая измены и некоторые извращения-лайт. Исследование того, на что готова беременная подружка – весёлый и увлекательный процесс. С беременными не скучно.

У мужчины в сексе с беременной женщиной есть, конечно, свои правила и ограничения, но по мне это всё равно стоит того. У них такие нежные, чувствительные сосочки...

Я всегда сам забочусь о контрацепции. И разбираюсь в разных методах и средствах предохранения от нежелательной беременности. Я знаю всё о циклах своих постоянных подруг и могу иногда по их поведению даже спустя годы угадать, какая сейчас у них гормональная фаза. В вопросах контрацепции я не верю на слово женщинам – их лепет о «безопасных днях», «выпитых таблетках», «гормональных проблемах» всегда может оказаться враньём. Им природой положено хотеть ребенка. Они и хотят.

И очень многие из них хотят с помощью ребенка манипулировать мужчиной, требуя от него внимания, денег или любви.

У меня есть дети. Иногда мои бывшие подруги сознательно хотят забеременеть, чтобы родить ребенка своим дорогим супругам, которые упираются пройти простую процедуру проверки спермы. Мужчины считают, что унизительно удостоверится в качестве своего семени. У них всё хорошо по определению. Женщинам обычно жаль тратить жизнь на пустые уговоры. В итоге несколько моих отпрысков растут в счастливых семьях и называют папами других мужчин, чему я очень даже рад.

Иногда контрацепция дает сбой. Моя позиция в этом случае предельно проста – я готов признать ребенка и помочь женщине материально, но все эти глупости с женитьбой – не для меня. Женщинам этот расклад категорически не интересен. Поэтому парочка моих подруг уже с моим ребенком в животе находили себе мужей и благополучно рожали вроде бы от них. Почему-то женщины считают, что я – отличный любовник, но обязательно буду плохим отцом. Я не спорю. Зачем?

Я против аборт – когда речь идёт о моем потенциальном ребёнке. И всегда стараюсь уговорить подругу родить. Тем не менее, по крайней мере, двое моих малышей не родились. Это поставило крест на моих отношениях с несостоявшимися мамашами. Мне не понять, что заставляет женщин делать такой выбор в мирное время, когда им предлагается возможность спокойно выносить и вырастить ребенка, не беспокоясь о материальной стороне дела.

Да, я не буду вставать к детской кроватке по ночам, и даже больше – большую часть времени я буду держаться от этой кроватки подальше. Но почему бы мамаше и самой не встать к этой кроватке, если всю работу по дому делает домработница? Произносится много слов о любви к детям, а потом в виде заботы о будущем конкретного ребенка - его попросту убивают. Подлое решение.

О, разумеется, бедная беременная женщина рискует своим здоровьем. Но, обсуждая страсти из-за токсикозов, часто почему-то забывают о том, что мужчина, обеспечивая себе, жене и ребенку нормальный защищенный быт (на протяжении как минимум 3-4 лет), подчас испытывает не меньшие нагрузки.

Я часто наблюдаю, как необоснованные претензии женщин становятся фатальными для отношений внутри пары и разрушающими личности и мужчины, и женщины. Обычно в таких случаях говорят, что мужчина оказался слабаком, что он сбежал от проблем с ребёнком. Обычно мужчины не боятся проблем с ребёнком, они бегут от шантажирующих их своим животом, а затем и их же ребёнком стерв.

Беременность беременностью и гормоны гормонами, но слишком часто женщины даже не пытаются обуздать свою натуру. То есть, когда у мужчины стояк на картинку в журнале – он самец, гнусное животное, не способное обуздать свои гормоны. А когда она беременная, и у неё мозги гормонами заклинило – это нужно терпеть девять месяцев и ни-ни, ни слова ни о каких компромиссах. Она в этом случае не самка, она – женщина. Жаль, но этот порочный круг очень сложно разорвать – мать втолковывает глупости дочери, та повторяет их своей. А потом разные мошенницы собирают с несчастных деньги за снятие «родовой порчи».

Официально я отец всего одного ребёнка. Его мама занята заграничными вояжами (она работает в туристическом бизнесе) и поиском принца. Поэтому моего сына растит в основном бабушка со стороны мамы. Она не чаёт во мне души, и воспитывает внука в стиле «Твой папа очень умный, он всё умеет и всё может». Нормальное воспитание, я считаю. И хотя я не часто вижу своего «законного» отпрыска, я уверен, что наше общение намного полноценнее и важнее для мальчика, чем ежедневное раздражение, для сброса

которого используется ребенок. Слишком часто я наблюдаю в домах друзей, как любящие консервативные родители от души и с большой любовью калечат все мечты и таланты собственного ребёнка.

Мой ребёнок – не для решения моих проблем. Не для удовлетворения моих детских амбиций. Не для потворства нынешней моде на тщеславие. Ребёнок – маленькая личность. И я уверен, что именно мое уважительное, неизменно дружественное и полное внимания к тому, что же хочет сам мой ребёнок, отношение поможет стать ему самостоятельным, самодостаточным – и счастливым.

Буду ли я учить своего сына общению с женщинами? Не знаю. Доживу – подумаю. Определенно я предостерегу его от нескольких банальных женских уловок. Но вот послушает ли он? Каждый из нас склонен многое проверять на собственной шкуре и учиться только на собственных ошибках.

Ещё двое детей будут называть меня папой, хотя их матери предпочли поставить прочерк в графе отца. Об этом я напишу.

Дважды женщины ввалили мне о своей беременности, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Ничего хорошего не вышло. Нет ничего гнуснее женщины, манипулирующей своей утробой. Тем более, когда проще простого с помощью теста проверить, а есть ли та означенная беременность. Я не стесняюсь попросить своих любовниц сделать тест прямо при мне, начиная с собственно процедуры сбора мочи. Как только в ход идет излишняя чувствительность, стеснительность и прочая белиберда – я начинаю подозревать обман. И придумки насчет «у меня вдруг случился выкидыш» (насмотрятся, дуры, бразильского мыла, и лепят сериал из своей жизни, не понимая, что проверить всё проще простого) никак не способствуют развитию отношений. Я просто говорю «бай» и вычеркиваю номер телефона из своей памяти.

Однажды мне попытались впарить чужого ребенка. И это был как раз тот случай, когда знание интимных особенностей женщины позволило мне заподозрить, а потом и доказать обман. Забавно, что моему примеру последовал и следующий потенциальный папаша – с тем же результатом, что он не является отцом. Хитрая мамаша просчиталась. Приди она не ко мне, а сразу к нему – обрела бы и долгожданное замужество, и отца для своего «сына полка».

У меня нет предпочтений в цвете волос, глаз, роста, сложения фигуры женщины. Это абсолютно неважно. К тому же женщину всегда можно уговорить измениться – и зачастую такие изменения им только на пользу. Но у меня есть строгие правила по части гигиены и ухоженности. Нет ничего страшного в грязи или чумазости, если они уместны. У меня был случай фантастического секса на природе – когда грязные во всех смыслах мужчина и женщина после двух недель тяжёлого похода без всяких там душей или бань несколько часов миловались прямо посреди леса. Это стоило того. Но если жительница большого города выпархивает утром из своей благоустроенной квартиры с грязной головой и в грязном вчерашнем белье – она неряха и лентяйка. Зачем мне такая?

Я не бедный человек. И не богатый. Скажем так: обеспеченный. Почему в контексте любви и секса это важно?

Во-первых, у мужчины должен быть свой дом. Сколь бы ни были интересны сексуальные эмоции на природе, в подъезде и в салоне машины, у мужчины должно быть место, куда привести женщину. Я с удовольствием приду в гости к подруге, но и в этом случае я должен вернуться на ту территорию, которая по определению моя. Нет ничего

хуже для свободы самовыражения в сексе, чем мама под дверью или ребёнок в соседней комнате. Я знаю, что на моей территории никто нам не мешает.

Во-вторых, женщины корыстны по природе. В разной степени и с разной степенью хитрости. Это заложено в них. Роскошь иметь ребёнка предполагает, что женщина должна быть обеспечена на те три-четыре года, которые посвящаются только малышу, и в которые она не может полноценно заниматься чем бы то ни было. Отсюда женское стремление непременно выйти замуж. Отсюда требования подарков.

Я не люблю откровенно корыстных женщин, но с пониманием отношусь к тому, что от меня ждут некоего материального вклада в отношения. Я никогда не плачу за секс. Но иногда я делаю особо близким или значимым возлюбленным дорогие подарки.

Подчас подарки важны не в смысле денег, а в смысле моего внимания к конкретной женщине в каких-то определенных обстоятельствах. И для ряда женщин внимание важнее денег. Некоторые мои возлюбленные всё еще не расстаются с моими брелочками и носят мои дешёвые колечки, подаренные десятилетие назад. Потому что для них эти вещицы ценны памятью о значимом переживании.

В то же время я никогда не позволяю женщинам платить в ресторане или оплачивать путёвки в поездку. Я могу себе позволить свозить подружку в Париж (и не умереть от пуль кредиторов). Это что-то вроде моего бахвальства и знака широты души. Иногда, наблюдая, как мучительно двое в ресторане сначала делят счет, в потом каждый ковыряется в своем кошельке, я ловлю себя на жалости к этим бедолагам. Зачем вести девушку в дорогое заведение, которое тебе не по карману?

В ранней молодости, когда мои возможности были на несколько порядков скромнее нынешних, я водил самых высокопоставленных и самых воображалистых красоток в простые уличные кафешки. И ни одна не осталась недовольна. Важно не место, где ты общаешься с женщиной. Важно, как ты общаешься, что говоришь и делаешь.

Я всегда говорю женщинам о любви. Каждой. Часто и помногу. Люблю, любимая, любовь моя – женщины слетаются на звуки этих волшебных слов, как пчёлки на мед. Даже если это секс на один раз, если это случайное спаривание по случаю – всё равно это немножко любовь. От меня не убудет сказать несколько ласковых слов. А вот моей подружке будет приятно. Она подарит мне не просто природную страсть, а чуть-чуть больше, маленький кусочек души. И это уже будет не животный инстинкт. Это будет нечто особенное.

Я совсем не понимаю мужчин, которые не умеют признаваться в любви или говорить комплименты. Разумеется, многие мне говорят, что я вроде как с талантом к этому родился. Но ведь и научиться труда не составляет. Тонны разных любезностей написаны прогрессивным человечеством. Выбрал пару вечеров да и выучил несколько ласковых слов. И женщинам приятно, и свои мозги потренировать не мешает.

У каждой моей подружки есть своё особенное имя. Я могу не помнить – Оля она или Лена, но никогда не перепутаю Косичку с Балериной, а Графиню с Марми. Нарекая каждую из своих возлюбленных своим и только мне понятным именем, я словно устанавливаю свои права на неё. Иногда данное мною имя въедается в женскую душу настолько, что и спустя несколько лет мне достаточно только произнести его, чтобы получить всё, и даже больше.

Ещё я люблю говорить женщинам – «моя». Это доисторические собственнические инстинкты. И это утверждение нужно не только мне, но прежде всего самой женщине. Подавляющее большинство из них испытывает потребность быть чьей-то. Даже мимолетные одноразовые отношения перестают быть тупым перепахом в сортирной кабинке, если ты по-особому назовешь партнёру своей.

В моих заметках нет никакой хронологии, никакого порядка. Это просто кусочки, выхваченные из жизни. Я не веду дневников, не записываю имена партнёров, я в принципе даже не знаю, сколько их было. У меня нет телефонных книжек. Нужные номера женщин я помню наизусть, а ненужные – не нужны.

Для книги о любви и сексе тридцать мне показалось вполне подходящим числом, поэтому я написал то, что больше всего запомнилось, и так, как мне это видится теперь. Возможно, что-то воспринималось со стороны иначе – пусть тогда те, кто со стороны, напишут об этом в своих книгах и мемуарах.

Итак, поехали...

Балеринка

Начать лучше с самого грустного.

Когда меня обвиняют в разных смертных грехах и грозят скорым адом (обычно – вовсе не из-за женщин), я всегда мысленно защищаюсь образом моей Балеринки, моей танцующей девочки. Где-то в раю есть ангел, который, быть может, не бросит в меня камень.

Нас познакомил её брат, уверенный, что чистая сестричка сделает из меня образцового семьянина. Если в женской логике есть свои вполне понятные правила, хотя подчас их сложно сформулировать, то мужская логика часто грешит полным абсурдом. Как иначе назвать отчаянное сводничество родного человека со случайным знакомым, причем с заведомо известным отношением к институту брака вообще?

Когда люди болтают о балеринах, они обычно прежде всего обсуждают солисток, а все остальные девчонки в пачках на сцене – так, для фона, кордебалет. Балеринка была одной девчонкой из того самого кордебалета, и даже не из первого ряда. В балет она попала, в общем-то, случайно. Так, что называется, звёзды сложились. Долгое время Балеринка по инерции училась, потом также по инерции попала в театр, какое-то время механически танцевала, понимая, что таланта на звёздную карьеру не хватает, а работать и работать не хватает силы воли.

К моменту нашей встречи хрупкая и нежная женщина с невероятным взглядом огромных карих глаз находилась в психологическом и житейском тупике. Возраст всё ближе подбирался к отметке «тридцать». Робкие попытки вырваться из пут балетной жизни провалились одна за одной. Несколько мужчин, клюнувших на романтический образ девочки в пуантах, разочарованно слиняли, распознав в Балеринке довольно заурядную и ленивую особу, склонную слишком часто сетовать на судьбу.

Я распознал всю скучность этого знакомства примерно на его пятой минуте и быстро сделал ноги. Чтобы снова встретить грустный карий взгляд буквально через неделю. После ещё нескольких «случайных» встреч я плюнул и решил, что проще будет её послать, переспав с ней.

Первые несколько свиданий проходили весьма обыденно. Но однажды, в порыве хоть как-то разнообразить простые и безыскусные встречи, я уговорил Балеринку на танец с обнажением. Она немного выпила, подрызгалась в душе, ещё немного выпила. И я стал свидетелем чуда.

Я отношусь к сенсуалам – то есть к тем людям, для кого из всех чувств важнейшим является осязание. Ни красивые картинки, ни жаркие речи не пробуждают во мне столько эмоций, сколько прикосновения. Я люблю обнимать своих женщин, ощущать кожей их трепет, волнение, возбуждение. Возможно, именно поэтому я равнодушен к зрелищам вроде стриптиза. Зачем паяться на равнодушных профессионалок, когда город вокруг полон нежных чувственных женщин, с которыми можно познать все смертные грехи?

И всё же то, как танцевала для меня Балеринка, медленно и легко разоблачаясь, избавляясь от одежды – так и осталось в моей жизни непревзойденным мастерством танца, стриптиза и чувственного зрелища.

У неё не было надуманных жестов и провокационных поз. Она не кривлялась, не манерничала, отключивая попку или развратно демонстрируя интимные прелести. Она просто раздевалась, танцуя, и в этом было столько эротического очарования, что я не всегда мог дожидаться окончания действия. И буквально доходил до дрожи в жажде быстрее прикоснуться к полуобнаженной женщине.

По моему настоянию Балеринка ушла из балета. Несмотря на все вопли родственников и гневные тирады брата, который вдруг резко изменил своё мнение обо мне. Я нашёл Балеринке отличную работу репетитора по танцам. И шикарную подработку в одном ночном клубе. Нет, вовсе не стриптизёршей. Танцовщицей небольшого эстрадного балета. Балеринке сразу дали главные партии в двух ярких номерах, и за пару месяцев она избавилась от комплекса «я во втором ряду кордебалета», обретя уверенность в себе и вдруг увидев новые стороны жизни большого города.

Её эротические представления для меня стали более мастерскими и отточенными. Она, уже не стесняясь и не задумываясь, дразнила меня и доводила до иступления. Даже просто движениями рук. Даже чуть выставленной из-под куска ткани босой ножкой.

Увы, скоро я понял, что некоторая унылость образа мыслей Балеринки никуда не делась, лишь трансформировалась в чуть более сложный уровень нытья. Для очередного скачка требовалось очередное усилие. Моё усилие. Сама Балеринка вовсе не осознавала, что произошедшие перемены – вовсе не результат действия неких высших сил, а элементарная попытка изменения надоевшей рутины.

Не знаю, почему Балеринка не была религиозна, в ней церковь явно потеряла истинно верующую, склонную в каждом проявлении мира усматривать чью-то великую волю. Чью-то, но не свою.

И всё же, даже отдавая самому себе отчет в том, что я слишком уж подсел на красивое зрелище обнажения танцующей женщины, я не мог прервать эту связь. Вновь и вновь я поддавался собственному желанию ощутить неконтролируемое вожделение к Балеринке.

А потом она объяснилась мне в любви. Много женщин делали это и до, и после неё, но, пожалуй, она единственная любила меня таким, какой я есть. По-настоящему любила – и всё прощала, и принимала меня любым, и верила, что мы вместе навсегда.

Я изменял ей, хамил, я позволял себе исчезать на недели и месяцы. Я чуть издевательски звал её в любое время дня и ночи, заставляя срывать представления и бросать все дела. И я тяготился её чувством. Проще секс без мечтаний о счастливом совместном быте и застиранных вместе пелёнках.

Я и сейчас так считаю, но любовь Балеринки теперь кажется мне неким недопонятым вовремя даром, тем волшебством, которое надо было впитать без оглядки на собственных тараканов в голове. Может, мне это только кажется.

Однажды, проведя с ней очередную невероятную ночь, полную танцев и шёлковых платков, в которые она любила заворачиваться, чтобы потом скидывать по одному, я высадил её у подъезда её дома и небрежно пообещал, что как-нибудь обязательно позвоню.

Но больше я её не видел. И никогда не увижу. Я не знаю, когда и как она ушла. Знаю, что это случилось – случайно, глупо. Я не пошел на похороны, и многие меня за это осудили. А я не хотел видеть её иной, чем в те наши жаркие ночи. Не хотел верить в то, что её нет. И ещё долго, увидев случайно кусочек балета в зомбоящике, я представлял, что она где-то там, во втором ряду одинаковых девочек в пачках.

Я сознательно и не очень заводил и завожу романы с танцовщицами, балеринами, стриптизёршами – но все эти романы оказывались и будут оказываться нескладными и короткими. Никто не сравнится с моей танцующей девочкой.

Недавно я всё же пришел на то кладбище и нашел её могилу – заброшенную, никому не нужную. Я поставил ей памятник. Скромный, простой, без глупых эпитафий. Только одна картинка летящей вверх девочки в пуантах.

Прости меня, Балеринка.

Косичка

Косичка относится к тем женщинам, которые на скаку отрывая слону хобот, закидывают его в горящую избу, и лишь затем начинают думать, а что это такое они сейчас сделали. А то и не начинают, уверенные, что раз они это сделали, то это и нужно было сделать.

Я встретил её в детском летнем лагере, куда меня случайно занесло. Человек, который был мне нужен, уехал инспектировать этот самый лагерь, и я, спеша уладить кое-какие свои дела, ломанулся туда же, зная, что смогу его перехватить.

Я успешно просочился мимо охраны, но на полпути к зданию администрации был перехвачен хорошенькой девочкой с длинной, куцой и лохматящейся косой, горделиво выложенной вперёд на едва наметившуюся грудь. Из-под выбеленной чёлки на меня сверкнул гневный взгляд, а затем полненькие губки исполнили сложную речь, ни слова из которой я не понял, поскольку был заморожен собственной сексуальной реакцией на эту малолетку.

Малолетке оказалось хорошо за двадцать. Обычно я не прокалываюсь настолько с определением возраста женщин, но с Косичкой прокалывались абсолютно все. У неё спрашивали паспорт продавцы алкоголя. Менты заботливо спрашивали, не заблудилась ли она, отстав от родителей. В кассах ей пытались продать детские билеты.

В лагере Косичка ревностно сеяла вечное и доброе в головах неразумных малышей. Искренне надеюсь, что малыши, особенно те, что курили за туалетами и тискали девчонок на заднем ряду во время киношек, вынесли из воспитания Косички правильное наблюдение: есть женщины, у которых в принципе отсутствует представление о логике. О любой логике. Хоть мужской, хоть женской, хоть правильной, хоть искривленной. В мире женщин, подобных Косичке, логики нет вообще.

Но всё это я узнал позже, а тем вечером я отдался своим инстинктам самца в дощатом домике времен счастливого послевоенного строительства светлого будущего. Скрипело в этом домике всё. Кровать. Доски пола. Шкаф. Стол. Стены. И я абсолютно уверен, что тогда под крышей зажал маленького мышонка, который полночи пытался рассказать миру о своей печальной судьбе.

Мне это не мешало. Но Косичка никак не могла абстрагироваться от звуков, уверенная, что весь лагерь благодаря этим звукам в курсе того, чем она тут занимается. Полагаю, лагерь был в курсе благодаря тому, что у нас (да и не только у нас) распространено весьма однозначное представление о том, что могут делать мужчина и женщина вдвоём ночью. Но всё же полноценного кайфа не получилось. Лишь осенью, когда сезон воспитания детишек в лагере сменился сезоном работы методиста в детском саду, начались наши неистовые встречи, полные страсти и тотального непонимания друг друга.

Одно время я подозревал, что за инфантильностью Косички и недоразвитостью её мозга кроется какой-нибудь мрачный медицинский диагноз, но нет, она просто была такой от природы. В точности такой же была её матушка, с которой я случайно свёл знакомство, а из слов этой матушки следовало, что она сама – вылитая бабуля Косички. Генетика. Такая вот специфическая штука.

Секс с Косичкой был хорош по трём причинам. Во-первых, эти отношения не требовали никаких дополнительных «приседаний» и «реверансов», обычно именуемых ухаживаниями. Во-вторых, Косичка была достаточно опытна, и можно было трахать её так, как хотелось в тот или иной момент, не тратя время на обучение и уговоры. В-третьих, внешняя детскость её облика позволяла немного пофантазировать на табуированную в нашем обществе тему влечения к малолеткам, причём фантазии эти были абсолютно безопасны как для малолеток, так и для общества.

Мои встречи с Косичкой были немного омрачены сознанием того, что я – не единственный фантазёр, в постели которого Косичка демонстрирует тот принцип, что для хорошего траха мозги не обязательны. Она редко отказывала мужчинам, и время от времени я узнавал, что она нашла очередного «принца».

Несчастливыми «отказниками», лишёнными благосклонности Косички, становились в основном пожилые дядьки, чьи фантазии, о которых Косичка мне иногда рассказывала, оказывались весьма занимательными и находящимися за гранью здравого смысла. Но и те мужчины, которые были готовы довольствоваться классическими представлениями о сексе, не становились с Косичкой счастливыми.

Я стал свидетелем трёх попыток Косички выйти замуж.

Влюбиться в очаровательную девочку легко. Спать с ней и заниматься сексом приятно. Готовит она хорошо, дом содержит в чистоте, так чего ещё желать от жены? Вопреки воплям множества страдалец насчёт отсутствия в мире достойных женихов, женихи у Косички находились как-то сами по себе и один достойнее другого. Загвоздки с брачной тележкой начинались в тот момент, когда женихи пытались обсуждать с суженой тонкости свадебной церемонии и дальнейшего совместного быта.

Первый жених, крупный представительный мужик, директор и хозяин небольшой конторки по импорту-экспорту, невежливо исчез после того, как Косичка выдала ему сагу о полётах в космос в качестве ответа на вопрос о том, надо ли им в спальню покупать ковёр. Это была, наверное, его сто пятнадцатая попытка как-то пообщаться с милой девочкой на простые темы.

Второй из известных мне претендентов на руку Косички, смазливый учитель физики, смылся после того, как узнал о том, что хомяки на досуге тайком приходят стадами в города, чтобы прыгнуть с крыши, разбиться и прибавить работы несчастным дворникам.

Третий обиделся на замечание милой о том, что он лысый болван. Это была вроде бы шутка. В ответ на его вопрос о том, какой салат на свадебный стол заказать.

Мне нравилась простота Косички, с которой она рассказывала мне о своих незадачах с другими мужчинами, и я не сразу раскусил, что это не от естественного отношения к сексу, а от отсутствия логики в принципе.

Прекратил я свои отношения с обладательницей куцой косы после собственного попадания в капкан антилогии. Я купил нам обоим путевку на уикенд, раз пятнадцать переспросив Косичку относительно того, хочет ли она поехать, может ли, и не возникнет ли в последний момент каких-нибудь проблем. Проблемы возникли. Косичка попросту не приехала на вокзал. Ехать один я не хотел, и добиться вменяемого ответа, почему же был так злостно кинут, так и не сумел. Косичка заспанно открыла мне дверь, мило улыбнулась пухлыми губками и сказала, что сегодня не тот день.

А я понял, что очень даже тот. День сказать «пока», и закрыть эту тему.

Графиня

Графиня – одна из самых чудесных женщин, что я встречал – искренняя, открытая, свободная в своих проявлениях. Природа одарила её врожденной сексуальностью – наверняка в средние века её ждала бы весьма печальная участь, если даже в наше время о

ней слишком часто говорят, что она «приворожила», «околдовала», «зачаровала». При весьма заурядной внешности и непропорциональной фигуре Графине нет надобности ни в каких ухищрениях для привлечения мужчин. Достаточно просто оказаться рядом – и вы хотите её, наплевав на тысячу рядом стоящих красавиц.

В момент знакомства с Графиной я был ещё сравнительно юным и неиспорченным. Я просто стоял рядом с этой шикарной женщиной и тихо млел от одного ощущения, что она находится поблизости. Когда она улыбнулась мне и предложила встречу, я вполне себе стал похож на тех героев женских романов, чьи души окрылёнными воспаряют в небеса.

Я сразу прозвал её дом замком, и впоследствии мы часто встречались у неё, в высоком и неуклюжем доме, который выстроил её муж-архитектор по собственному проекту. Графиня не жила с мужем, но между ними сохранилась нежная духовная близость. В какой-то момент они предоставили друг другу сексуальную свободу, пожертвовав гордостью, но сохранив любовь, и оставшись друг для друга самыми близкими друзьями.

В замке было одно-единственное достоинство – шикарная мансарда, светлая, тёплая и просторная. Именно там мы и проводили время за простыми и экзотическими сексуальными опытами, чаепитиями и разговорами обо всём на свете. Ей нравился мой юношеский цинизм, мне нравилась её открытость и способность превращать даже серьёзные философские беседы в сексуальную прелюдию.

Графиня очень многому научила меня в сексе. И вообще в жизни.

Связь юноши и взрослой женщины часто воспринимается куда более скандально, чем вариант старца, тискающего юную грудь неопытной девушки. Вроде как пожилому дядьке можно слюни пускать при виде хорошенькой молодой попки, а вот сексуальные реакции дам в возрасте на молодых парней – это фу, это неприлично, это распущенность, это низзя.

Между тем, такие отношения дают очень многое и паре, и каждому из любовников. Графиня была абсолютно свободна в сексе, знала, чего хочет, и мягко учила меня тому, как доставить ей удовольствие наилучшим образом. В то же время она умела свести меня с ума и объясняла простыми и доступными словами многое из того, чего я сам себе сформулировать не мог. Проговаривание сексуальных тем с партнёром – достаточно прочный и мощный мостик близости, которая даёт особую эмоциональную отдачу в сексе. Графиня научила меня говорить о сексе. И говорить так, чтобы быть понятым.

В разговорах о сексе между мужчиной и женщиной есть три вида языковых шифров. Первый и наиболее распространённый – подмена названий и определений некими сюсюкающими и не имеющими отношения к теме словами. И как только женщины не называют мужской член. Молоточек-долоточек, дубочек-ясенёчек, палочка-выручалочка и прочие зайчики-смешарики обычно позволяют в итоге понять, о чём идёт речь, но в таком подходе есть неочевидная, но действующая на мужское подсознание неприятность. «Дубиночку» начинают воспринимать как колотушку, «штопрчик» как нечто вкручивающееся, а разные «крендепупсики» и вовсе грозят комплексами неполноценности. И надо заметить, что собственные органы женщины часто называют намного грубее, дебильнее и шаблоннее. Это тоже может иметь обратный эффект типа «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт».

Одной из вариаций таких подмен являются «нефритовые жезлы» и «пещеры страстной неги», известные из восточной литературы. Это красивый и возбуждающий способ поговорить о сексе. Но, увы, очень немногие способны проявить собственную фантазию в создании действительно красивых и образных названий. И очень многие не в состоянии даже просто запомнить образцы, щедро предоставленные поколениями предков.

Второй подход к общению на сексуальные темы – медицинская терминология. Смесь латинских терминов, зачастую выговариваемых нелепо и неправильно, хороша для обхода всех противоречий других способов, но только в том случае, если партнёры правильно понимают друг друга. Опять же, иные дамы так увлекаются латынью в порыве ни в коем случае не назвать «это» членом, что подчас забывают, а к чему они начали вообще изучать мёртвый язык, причём в очень специфической плоскости.

Наконец, третий способ – лепим правду-матушку на языке нецензурщины. В целом, этот способ неплох, хотя ограничен по базовому словарному набору. Проблема только в том, что большинство слов и понятий матерной речи применяются в столь широких вариациях и в столь разнообразных сферах человеческой деятельности, что восприятие мата в первичном смысле обозначения половых органов и сексуальных действий давно утрачено, и вместо обсуждения парой сексуальных тем получается как в том учебнике: какая *** завела нас в этот *** лес?

У мата есть ещё чёткие социальные границы. Всё же большинство женщин определённого уровня образования, достатка, социального положения обычно не матерятся, и мат в их изложении звучит смешно и неестественно. А мужчине в разговоре с такими особами приходится волей-неволей «фильтровать базар», чтобы не шокировать даму некоторыми оборотами (они в массе своей не шокируются, а притворяются шокированными, но этот театр может быть весьма утомителен).

Благодаря Графине я освоил разговоры на темы секса в самых различных вариациях, и сейчас обычно комбинирую те или иные подходы, предпочитая всё же естественный и простой язык называния вещей и явлений своими именами. Член – это не писипупенька. Влагалище – не пасть огненного дракона (в такое и лезть-то боязно). Секс – это секс, и незачем придумывать, что это «взламывание тайника юной ангельской девы дьяволом-соблазнителем» (нет, разочек поиграть в такое можно, но не более того).

В общем, говорить о сексе надо, и научить юношу этому могут или более взрослые мужики (большинство из которых и сами этого не умеют), или опытные дамы, понимающие ценность общения и важность слов для получения сексуального удовольствия по высшему разряду.

Графиня открыла мне природу многих сексуальных реакций женщин. В частности, почему для многих из них так важно снять с себя ответственность за секс, как и почему женщины готовы переспать с первым встречным, зачем мужчине быть умным в постели, и почему женщины так любят притворяться блондинками.

Если начать обо всём этом распространяться, объёма в пару томов для этой книги не хватит. Желающие найдут все необходимые рецепты в литературе любых стран и народов мира. Веками мужчины пишут для своих братьев рекомендации, советы, наставления по части общения с женским полом, но каждое следующее поколение всё равно начинает наступать на давно известные грабли.

Это абсолютно симметричная ситуация. Женщины тоже преуспели в создании учебников типа «Как покорить мужчину своей мечты с одного взгляда», и это не мешает молодым дурочкам совершать списком все те ошибки, что выделены в учебниках жирным шрифтом. Полагаю, так природа заботится о продолжении рода человеческого.

У Графини грустная история юности, о которой сейчас уже никто не знает. В шестнадцать лет она была изнасилована компанией подвыпивших друзей отца. Сам отец спал в уголке облёванной тушей, а его дружки «немного развлеклись» с беззащитной девочкой. Увы, в нашем мире такие преступления совершаются чаще, чем принято думать. И родители Графини были первыми, кто начал жужжать ей в уши о том, что ничего такого и не произошло. Они держались за свой статус мелких шишек и боялись

огласки в небольшом городке, а она думала только о том, как проще и безболезненнее уйти из жизни.

Трижды она пыталась это сделать. Я не знаю подробностей, но знаю, что судьбоносная встреча с будущим мужем сохранила эту замечательную женщину для мира. Графиня сбежала из дома вместе со случайно встреченным бродягой, который пообещал убить её. И впоследствии все их ссоры кончались его неизменным мягким вопросом: «Перейдём к убийству?» Родители же Графини проявили твёрдый характер и вычеркнули «неблагодарную проститутку» из своей жизни. Каждые пару лет она делала попытку восстановить отношения, но нарывалась лишь на оскорбления и закрытые двери.

Узнав об этом, я предложил Графине сотню совершенно невероятных способов примирения. В них фигурировали разбойники в масках и с саблями, фантомасы и добрые волшебники, умные доктора и бестолковые незнайки. Все эти идеи очень веселили мою добрую фею, что меня тогда немного обижало. Сейчас я знаю, что смысла долбиться в такие закрытые двери нет. Надо просто пожать плечами и сказать себе «не понимаю». Только и всего.

Графине я обязан и наукой покруче, чем любые сексуальные выверты. Именно она первой подсказала мне, что если я хочу добиться чего-либо в этой жизни, то надо сразу начинать работать на себя. Незачем тратить время на чужой бизнес, незачем делать деньги для других, незачем привыкать прыгать по чужой указке. Я последовал её совету, и довольно долгое время, даже после того, как наши сексуальные отношения прервались, рассказывал ей о том, как идут дела. Я не однажды прогорал, я конфликтовал с сильными мира сего, я оказывался в шаге от тюрьмы, не считая одной откровенно криминальной истории, которая могла стоить мне и головы. Но она неизменно хвалила меня и иногда помогала добрым словом, замолвленным в нужных местах.

Я расстался с Графиней из-за её дочери – злой пятнадцатилетней малолетки. Испорченная баловством отца девочка всерьёз решила, что может тягаться с матерью – и начала довольно агрессивную атаку на меня всеми приходящими в её неуравновешенную голову способами. По правде сказать, лекарством от такой дури в чуть более старшем возрасте является жёсткий секс – получать от него удовольствие малолетки обычно не умеют, а попросить пощады им и в голову не приходит. Но я редко прибегаю к таким методам, и уж тем более мне не хотелось огорчать Графиню, оттрахав её самовлюбленную дочку. Я попрощался, наврав что-то про встречу с той самой, единственной. Её это не обмануло, но она меня отпустила.

Сейчас Графиня уже бабушка.

Она по-прежнему обладает удивительной сексуальностью. И – о да! – мы встретились с ней недавно за границей. Она была совершенно одна, я – совершенно свободен (разве можно думать о делах в таком раскладе?) Три дня и две ночи в маленьком отеле я буду долго хранить в своем сердце как нечто необыкновенное.

Вы прекрасны, Графиня. Целую ручки.

Марми

В имени Марми соединились мармелад и мрамор. Я познакомился с ней в интерьерном салоне – она продавала изделия из камня и все время поедала мармеладные дольки, которые ей дарили клиенты, коллеги, любовники. Я не обратил на неё особого внимания, зато она заметила меня.

Безалаберная, неаккуратная, рассеянная – это лишь некоторые из эпитетов, которые приходят мне в голову при мыслях о Марми. Она не умела готовить, не могла поддерживать элементарную чистоту и порядок в квартире, могла остаться вовсе без

чистой одежды и белья. Её это не напрягало – мужчинам предлагалось принимать её такой, какая она есть.

У Марми была старая хрущевка, которую она переделала в одну большую студию, где даже туалет огораживался лишь толстым стеклом, причем достаточно прозрачным для того, чтобы из комнаты видеть всё, что происходит внутри. Студия часто была захламлена, но большая круглая кровать легко застилалась большими чистыми простынями, и это было единственное, что Марми не ленилась делать в смысле ухода за собственным домом.

Сексуальная притягательность Марми для меня оказалась неожиданной – притом, что она абсолютно ничего не делала сама. Она выходила из душа, укладывалась на кровать и позволяла мужчине делать со своим телом всё, что ему заблагорассудится. То есть совсем всё.

Именно с Марми я обрел опыт в некоторых сексуальных играх на самой грани разумности (а может и немного за этой гранью). Её можно было сворачивать в экзотические позы, изобретать разные упражнения с верёвками и наручниками, её можно было даже бить. При этом она отнюдь не была мазохисткой, просто считала, что сам факт того, что она отдалась мужчине, должен возносить его в небесные дали, и он автоматически должен обеспечить ей удовлетворение. Это была такая своеобразная лень. Зачем что-то делать самой, когда все могут делать другие? Может и странно, но это работало.

Каюсь, одно время я балдел от её тела, от этой вседозволенности, от её способности испытывать оргазм в самых невероятных положениях. Однажды я прилично отшлепал ее по большой круглой мягкой заднице. Периодически я увлекался и оставлял на ней синяки типа ущип и засос. Я сам её брил во всех местах. Я сделал ей маленькую татуировку. Я проколол ей пупок – и мог бы проколоть все остальное, что только можно, но тогда я был ещё чуточку стеснительным и не решился на более интимные эксперименты.

Марми смеялась над всеми моими придумками. И кончала. Свёрнутая в трубочку и вывернутая самым неестественным образом она кончала, обеспечивая меня сознанием собственной крутости и несравненности.

Лишь постепенно я стал понимать, что далеко не всегда хочу и могу быть единственным «паровозом». Мужчины тоже любят побалдеть, ничего не делая. Предложение «Милый, я открою ротик, а дальше ты уж как-нибудь сам» нисколько не отвечает моим представлениям о хорошем минете. И если поначалу я был охрененно собой доволен, то потом до меня стало доходить, что в рамках отношений, заданных Марми, мне тесно и неудобно.

Вторым минусом этой связи стала территориальная привязанность Марми к одной-единственной круглой кровати. Любительница мармелада допускала секс только в своей родной спальне – и боже упаси, ни в коем случае не на природе или в неподходящем месте. Ведь не может же она спокойно разложиться под каким-нибудь кусточком?

Побороть территориальный комплекс я смог, почти насильно вытаскивая Марми из «заточения» родной квартиры и доводя её до умопомрачения в самых невероятных местах. Я заставил её извиваться в мольбах о пощаде на крыше тридцатизэтажного дома. В пригородном лесочке я уложил её на муравейник и, зализывая укусы, довёл до иступления. Я трахнул её прямо на её рабочем месте, раскорячив между стендами с образцами камня. Но получить от неё хотя бы понимание того, что не всегда всё работает в одну сторону, мне так и не удалось.

Почувствовав моё недовольство, Марми сделала несколько крайне странных попыток удержать меня. Это были шикарные скандалы. С матерными ругательствами, с причитаниями и стенаниями, с рыданиями в голос и заламыванием рук. Право, жаль, что

официальной профессии плакальщиц на похоронах уже нет. Марми стала бы в таком театре непревзойденной звездой.

Но потом она сама дала мне повод к расставанию. Я не храню верности своим возлюбленным. Хотя всегда оставляю их в уверенности, что они единственные и неповторимые. В принципе я вполне допускаю, что и женщина может встречаться не только со мной, но знать об этом в большинстве случаев не хочу. Марми и в этом смысле оказалась неряхой. Однажды я застал в её квартире ещё одного её любовника – и распрощался с ней в тот же день.

Дюбель

Деловая железная тетка с цепким взглядом проницательных глаз и только что не лязгающими острыми зубами. Такой мне предстала Дюбель во время первого знакомства. Я в составе стада мужчин, воображающих себя крутыми бизнесменами, пришёл торговаться относительно стоимости лакомого куска бизнеса, в продаже которого Дюбель выступала посредником и гарантом.

Я захотел её сразу. Было безумно интересно, какой эта стерва может быть в постели, и есть ли то, что заставит её стать умирающей от желания женщиной. Прозвище просто пришло мне в голову – такое короткое резкое строительное слово со спрятанной мягкой «ю» внутри. Лишь много позже я узнал, что собственно дюбель – это не гвоздь или шуруп, это деревянная или пластмассовая фиговина, в которую вбивается или вкручивается нечто железное. Такие вот ассоциации получились – почти по Фрейду.

Сделка не состоялась, но у нас завязалось довольно плотное деловое общение, поскольку у нас были некие общие интересы в одной из прибыльных бизнес-сфер.

Дюбель поначалу увивалась от всех моих мужских подъездов и подходов. Поняв, что получить желаемое с наскока не получится, я перевел роман в затяжные отношения, когда мужчине вроде бы ничего и не надо. Я сделал из неё такой вариант друга в юбке. Мы ходили на премьеры, вместе съездили за бугор на выставку (и я жил подчеркнуто не то, что в другом номере – в другой гостинице), я консультировал её по некоторым вопросам, в которых разбираюсь. Но я никак не демонстрировал своего отношения к ней, как к женщине. Купилась она в итоге слишком примитивно – я позволил ей увидеть себя в объятиях длинноногой красотки в отпадном вечернем платье. И ревность в одну неделю загнала деловую стерву в мою постель.

Измучению моему не было границ. Я был готов к экспрессии, к силе, к властным замашкам, но Дюбель оказалась робкой и закомплексованной девочкой, толком не понимающей ни своего тела, ни своих желаний.

Старые шаблоны воспитания всё ещё калечат слишком многих женщин нашего мира. Даже находя в себе силы и способности стать директорами больших компаний в бизнесе, который традиционно не терпит даже упоминания о слабом поле, женщины подчас не в силах вырваться из навязанных стереотипов о том, что и как они должны делать в сексе. Дюбель стала для меня ярким и выразительным примером подавления собственных потребностей и желаний в угоду глупостям, которые когда-то ей наговорила мама.

Девочки должны быть скромными. Девочки не должны говорить о том, чего хотят. Девочки не должны трогать себя. Девочки должны выйти замуж и покорно замирать в супружеской постели, тихо и молча пережидая время, необходимое их мужу для выполнения супружеского долга.

Дюбель следовала этим заветам. А как же, ведь десятки и сотни поколений её бабок следовали им. И счастливыми были. И детей помногу рожали. И песни по праздникам пели. И втолковывали заветы счастья дочерям и внукам.

В действительности, в любой среде, среди любого народа и любых культур были и есть сильные характеры и чувственные натуры, которые плевать хотели на все ханжеские установки. Но Дюбель тогда ещё не доросла до таких плевков.

Открытие её своеобразной сексуальной наивности стало для меня и приятным сюрпризом, и немного утомительным мороком. С одной стороны, готовая к экспериментам, но пугливая и застенчивая любовница позволяет мужчине изрядно позабавиться, и так, и сяк подчиняя её, заставляя её краснеть и мучиться ложным стыдом, но в то же время получая всё, что только взбредёт в голову. С другой стороны, быть всё время экспериментатором надоедает. Иногда хочется просто трахнуться и при этом не думать ни о каких сложностях. Как ни странно, именно сочетание двух этих факторов позволило мне подобрать ключик к сексуальным потребностям Дюбель.

Мы с ней вместе пытались подкупить одного важного чинушу. Она говорила, а я выступал своего рода «иконкой стиля», парадно отсвечивая чуть сзади дорогим костюмом и золотыми безделушками. У меня репутация человека, верного своему слову, и моё присутствие должно было убедить чинушу в том, что все оговоренные им условия будут выполнены. Увы, сумма отката, названная чинушей, оказалась космически нереальна.

Мы с Дюбель выбрались в лабиринт коридоров и кабинетов, я толкнул пару первых попавшихся дверей, наткнулся на пустую приёмную, затащил в неё женщину, завалил её на стол лицом вниз, задрал юбку и выразил все свои чувства в энергичном сексе без каких-либо оглядок на желания партнёрши. Я знал, что она не откажет, даже если я не буду ласков. Но оказалось, что именно этого партнёрша и хотела. Её разум тоже требовал отключки от печальной реальности.

Тихо постанывая, Дюбель очень ловко и мощно двигалась, обрета, наконец, полную свободу в своих природных проявлениях. Её заводили и возбуждали поглаживания и лёгкие шлепки попы. Она вздрагивала и сладострастно изгибалась, когда я дотягивался и тянул её за соски. На первый оргазм ей потребовалось секунд десять. Ещё через полминуты она кончила снова. Я не спеша наслаждался её животным экстазом, доведя её в итоге до той степени подчинения, когда за одно мужское движение женщина продаст не то, что душу, а и самого господ бога вместе со всеми райскими чертогами.

Мы повторили всё это через день, получив положительный вердикт вышестоящего чинуши, которого вполне удовлетворила та сумма, которую мы могли предложить.

Дюбель наконец-то совместила себя – жёсткую деловую женщину и себя – страстную сексуальную женщину. Исступление, с которым она мне тогда отдавалась, меня иногда даже пугало. Мне казалось, что такое сложно выдержать. Но она, кажется, не замечала ни чисто физиологических проблем частого и подчас жестокого секса, ни собственной усталости и морального опустошения. Примерно так же умирают долго голодавшие люди, получившие возможность вдоволь наесться.

Какое-то время я встречался только с ней, потому что видел в её откровенных приглашениях что-то вроде вызова собственным мужским силам. Сил этих, по правде сказать, на остальных баб попросту не хватало.

Но потом бурный всплеск чувств и гормонов успокоился. Дюбель окончательно устала, начала допускать ошибки в делах, в какой-то момент одна из таких ошибок обошлась ей в некую сумму в иностранной валюте, и она постепенно стала учиться находить баланс между делами и удовольствиями.

Обретение этого баланса открыло в наших отношениях долгий период сложностей. Дюбель решила, что хочет выйти за меня замуж. Некоторые шаблоны воспитания ну никак не преодолеть.

Быстро разведясь с безвольным червяком, который числился её супругом, Дюбель начала в наших разговорах нет-нет, да подбираться к теме совместного будущего. Увы, деловая хватка подводила её в тонких женских играх. Она была слишком прямолинейна,

подчас её намёки выглядели как некие распоряжения подчинённому, который никак не понимает её приказов.

С иронией понаблюдав за её ужимками, я отказал ей напрямик, честно указав в качестве главных причин невозможности брака её деловой статус, руководительские замашки и довольно значительное состояние. Мне не нужна жена. Мне не нужна жена-командирша. И уж точно мне не нужна жена, подсчитывающая и свои, и мои доходы, сравнивая, насколько больше она преуспела. И не потому, что я боюсь проиграть в соревновании. Если мне потребуется, я выиграю, но я просто не вижу ни малейшего смысла в таких соревнованиях. Когда я имею женщину, я выигрываю единственно важное природное соревнование. Соревнование самцов за самочек. И сама самочка, сделав выбор в мою пользу, уже признала меня победителем. Всё остальное – глупые химеры цивилизации.

Признавая логичность моей точки зрения, Дюбель, тем не менее, рванула по типичной женской стезе попыток привлечения внимания мужчины к себе всеми возможными способами.

Меня испытывали холодностью. Дюбель переставала мне звонить, а потом вдруг объявлялась, чирикавая что-то о том, что ей было не до меня. Я вежливо сообщал, что тоже был очень занят.

Меня испытывали деловыми провокациями. Дюбель вдруг заявляла, что я забыл о некоем важном контракте, а, значит, я не могу обойтись без её внимательного наставничества в бизнесе. Я её искренне благодарил, поскольку многому научился на том примере. Подстава сработала только один раз, и больше я в такие ловушки не попадался, пусть это и злило Дюбель до крайности.

Меня испытывали ревностью. Дюбель нашла какое-то эскорт-агентство и последовательно показала мне весь ассортимент продажных красавцев оттуда. Меня это здорово веселило, потому что нет ничего забавней раздражённой женщины, пытающейся всеми способами унижить или разозлить мужчину, а у неё ничего не получается.

Наконец, меня бросили. Это был красиво и звучно. Хрусталь кокался с мелодичным звоном. Фарфор разлетался на кусочки с громким стуком осколков, рикошетирующих о стены. Матерные обороты, которым позавидовал бы любой боцман, плыли по воздуху волной экспрессии и мощного сексуального запала. Я скрутил буянящей деловой женщине руки полотенцем сзади, завалил её на парадный стол в её же торжественной гостиной и поимел на прощание в весьма грубой манере. Ей это, разумеется, понравилось. И она сделала ещё несколько тщетных попыток спровоцировать меня на секс переводом керамики на черепки.

К чести Дюбель то, чего я немного опасался, так и не случилось. После разрыва личных отношений она не стала воевать со мной в сфере бизнеса, хотя могла бы, и я мысленно готовился к изменению орбит своих деловых интересов. Немного позже это всё равно произошло, и на несколько лет мы с Дюбель оказались разнесены жизнью в разные стороны.

А потом я случайно столкнулся со смутно знакомой женщиной в одном из коридоров очередного пристанища чинуш. У неё было настолько усталое выражение лица и неряшливая одежда, что я удержался от какой-нибудь язвительной подколки на тему того, что мы можем прямо сейчас кое-что повторить. Просто предложил свою помощь.

Я, вообще, стараюсь не разбрасываться такими предложениями. Знаю, что любая помощь чревата проблемами, испорченными отношениями и финансовыми потерями. Но устоять иногда бывает слишком сложно. Что поделать, люблю поиграть в доброго барина. Или даже в батюшку-царя. Если не в... сами знаете кого.

Ни барин, ни царь помочь Дюбель не могли.

Она скоропалительно и глупо вышла замуж. Её новый супруг закономерно оказался таким же червяком, как и предыдущий. Осознав, что жена не будет оплачивать

ему порше, клубных девок и трёхмесячный отдых на тёплых островах, он свалил прежде, чем жена успела сообщить ему о беременности. Она развелась, мужественно вылежала последние месяцы беременности, родила, но теперь жизнь казалась ей сплошным тупиком.

Она разрывалась между разваливающимся бизнесом и слабым шестимесячным ребёнком. Оставить бизнес на управляющих значило отдать его на окончательное разграбление. Оставить болезненного ребёнка на нянь значило усугубить его проблемы со здоровьем. Дюбель металась в офис, мучительно высчитывая минуты и боясь звонков из дома. Дюбель не спала ночами, пытаясь укачивать люльку и читать контракты одновременно.

Я не знал, что ей посоветовать. Моё предложение – выбрать что-то одно – было воспринято в штыки. Но потом с подсказки одного умного человека она это всё-таки сделала.

Дюбель продала весь свой бизнес сразу. Главному и злостному конкуренту, с которым много лет воевала, которому строила мерзкие подлжки, от которого то и дело получала разные гадости, и которого побаивалась даже чисто физически. Конкурент выложил за её компании сумму в полтора раза больше рыночной цены. Жажда насладиться победой над жалкой проигравшей женщиной оказалась сильнее здравого смысла. Потворство собственным слабостям стоило этому вообще-то очень неглупому мужчине пары лет отчаянной и зверской работы по сохранению объединённых производств и торговых сетей. И, полагаю, он недооценил интереса определённых структур к бизнесу такого уровня, на который вышел. В итоге пришлось поделиться.

Дюбель же почти на три года отошла от всех дел, искренне и с каким-то фанатизмом погрузившись в мелочные детские проблемы, которые изумляли меня степенью значимости, которую она в них видела. И благодаря её младенцу я впервые испытал две интересных мужских эмоции, которых никак не ждал, но которые оказались важным житейским опытом.

Первая эмоция – трогательная нежность, которую испытываешь, глядя на улыбку крохотного несмышлёныша. Беспомощность человеческих детёнышей явно задумана природой для пробуждения в нас этакое сознания своей силы. Так и тянет одной лапой обнять самочку, другой прижать к себе детёныша и гордо выпрямившись, оглядеть торжественным взглядом окрестные пальмы. Дескать, видали, какой я самец?

Вторая эмоция – невыносимость привязки ко всем этим будничным и пустяковым делам. Невозможно изо дня в день говорить об одном и том же. Сколь бы важным ни был ребёнок для женщины, она не должна превращаться в говорильную машину с тремя-четырьмя пластинками о молоке, кашках, игрушках и несравненности именно её ребёнка. Я был знаком со многими женщинами, кто успешно избегал этой ограниченности взглядов и интересов в период младенчества их детей, но Дюбель это не удалось.

Мы возобновили сексуальные отношения на новом, более спокойном уровне. Она больше не пыталась давить на меня. Я лишился возможности дразнить её бизнес-темами. Мы встречались, проводили время вместе, и вроде неплохо проводили, но прежнее неистовство из наших отношений ушло. Мы сознавали это, но ей не хотелось искать нового любовника, мне не хотелось очередного боя посуды, и мы затягивали давно назревший разрыв.

А потом Дюбель вернулась в мир бизнеса. Как автор четырёх книг, как владелица консалтингового агентства, как успешная предпринимательница в совершенно новой для себя сфере деятельности. И заехав однажды за ней в её новый офис, я вдруг обнаружил в кабинете ту самую деловую тётку с железной хваткой и острым взглядом проницательных глаз.

Говорят, нельзя войти в одну реку дважды. Но в одну женщину можно.

Распластавшись на собственном столе, она кончила секунд за пятнадцать. А потом ещё разок через три-четыре минуты. Я получил свою часть эйфории от чувства победы и торжества самца.

Иногда я заезжаю к ней и сейчас. Стройная и сильная Дюбель распоряжается, чтобы её не беспокоили, поворачивается ко мне спиной, выгибается, задирает юбку – и мое либидо плавно отключает мозги от всего остального.

Виола

Девушку со скрипкой, Виолу, я обхаживал по всем законам романтического жанра. Сначала просто встречи, букеты-конфеты и прочее. Затем посиделки в кафешках, походы на выставки, случайное тисканье в толпе людей и потом неловкие смущалки по этому поводу. Лишь уверившись в том, что я готов следовать правилу хоть какого по счёту свидания, Виола снизошла до робких поцелуев. А потом решила посмотреть на экзотических рыбок в моём аквариуме. Банально, конечно, но работает. (Аквариум у меня на тридцать литров, живёт в нём пяток барбусов, но барышни неизменно восхищаются моими способностями аквариумиста.)

Ухаживал я за Виолой даже не ради обольщения. Она, в целом, была довольно средней девушкой. Одевалась в странные болтающиеся и развевающиеся одежды, которые ей не шли, поскольку подчёркивали довольно упитанную попу и совсем прятали маленькую грудь. Читать не любила, смотрела сериалы и мало интересовалась тем, что происходит в мире. И даже вроде бы творческая работа в оркестре, когда-то казавшаяся ей пределом мечтаний, воспринималась ею как некое ремесленничество по «пилению» дорогого инструмента.

Всё это было довольно уныло, но одна черта Виолы сразила меня наповал. Виола врала. Автоматически врала всегда и обо во всём.

Спросишь, почему опоздала, и услышишь страшную историю, в которой фигурируют безумные милиционеры и потерянные дети. Невинно поинтересуешься, почему поцарапана рука, и проведешь полчаса в странном триллере про сбежавших из зоопарка тигрят и одинокого зеленого попугая. Сделаешь замечание, чтобы не ковырялась в носу, и получишь в ответ сагу о маленьком мире волшебных созданий, которые живут у нас в носоглотке.

Но больше всего мне нравились сказки, которые Виола рассказывала в постели. Эротические фантазии этой врушки уже в первые четверть часа доказали мне, что я ничего не знаю о женских заскоках в области секса.

Какие там феи и рыцари, какие принцессы и разбойники... Виола слагала саги об инопланетянках, которым нужно сразу пять мужчин, а это создаёт проблемы, потому что кто в какую дырку лезет – решает муж-инопланетянин, а он ревнует жену и всегда выбирает не тех и не туда. Виола придумывала легенды о матери мира, которой во сне сто раз овладел прародитель деревьев, и от этого произошли папоротники, ёлки и цветы. Виола рассказывала криминальные истории о подземном мире, где в моде секс между синими палочками и зелёными трубочками. Наконец, Виола сочиняла многосерийные эпопеи про одиноких улитов, странствующих по космосу в вытянутых ракушках и трахающих целые галактики.

Я хотел быть улитом и трахал галактику Виола с особенным чувством космического мужчины.

Я начал убеждать Виолу в необходимости записывать сказки и превратить очевидный литературный талант в кусок хлеба и любимую работу. Пару раз я записал её байки на диктофон, а потом всучил их родной тётке, которая хотя и занимается печатью этикеток, но является куда более близким к издательскому бизнесу человеком, нежели я. Тёткины друзья писанину вполне одобрили. Увы, Виола оказалась не в состоянии хотя бы

одну историю довести до конца. Каждый раз она придумывала к своим сказкам новый конец, а на следующий день, перечитав это новое, начинала переписывать всё с самого начала.

И всё же редакторы и издатели, почувствовав непринуждённость творчества Виолы, а значит и её потенциал в написании целых серий сказочной белиберды, столь охотно употребляемой в качестве интеллектуальной пищи дамами всех возрастов, начали понемногу учить и шлифовать этот алмаз сказочной мысли. Полагаю, совместными усилиями мы вполне смогли бы возвести на отечественный литературный небосклон новую писательскую звезду.

Но тут рассеянная неженка Виола на одном из концертов приглянулась чиновнику весьма высокого полёта. Некогда в детстве у его бабушки была любимая открытка, выставленная на пианино в рамочке – девушка-ангел с маленькой скрипочкой в руках. Год за годом подрастающий мальчонка смотрел на скрипочку и зомбировался причудой старой бабульки. Бабулька умерла, открытка исчезла, прошло ещё три десятилетия, а потом – бац! – и в мозгах выросшего мальчонки что-то замкнулось, совместив позабытую вроде картинку и живую девушку.

Чиновник начал ухаживать за Виолой в режиме быстрого штурма и резвого натиска. Оторопев, девушка стала избегать навязчивого кавалера, что только зацементировало интерес кавалера таким «умру, но получу эту девушку». Умирать не потребовалось. Цветы, конфеты, правила свиданий, робкие поцелуи, показ птичек, живущих у чиновника дома (пара волнистых попугайчиков) – и Виола сдалась.

Я понял, что это произошло, но не стал ничего предпринимать. Мне было интересно послушать, что она наврёт, и посмотреть, как она поведёт себя дальше. Наврала она про то, что пошла в салон красоты, но встретила караван верблюдов, которые шли из цирка на киностудию, но заблудились, и ей пришлось залезть на первого слона, чтобы показать им Великий Шёлковый путь.

Разрывать отношения со мной из-за романа с другим мужчиной Виола не стала. Сделала вид, что всё так и должно быть. Сегодня она у меня. Завтра у чиновника. Мне было смешно, а чиновник ничего не узнал.

Вероятно, двойная жизнь врушки могла бы продолжаться до бесконечности, но если я пытался развить талант Виолы, то чиновник враньё своего ангела категорически не одобрил. Он начал отучать её врать. И в столь любимых мною сказках начали вдруг появляться паузы, пустоты. Виола начала задумываться, а логично ли то, что она болтает, а не сказала ли она чего-нибудь некорректного, а не проскочила ли в её байке какая-нибудь политическая аллюзия. Паузы сбивали её и получалось действительно нелогично. А уж увидеть в болтовне Виолы политическую аллюзию мог только сильно ушибленный на голову человек. Я узнал, что у чиновника в молодости была серьёзная травма головы, вероятно, с тех пор он такой, во всём видит одни аллюзии.

Постепенно наши отношения с Виолой разладились. А её связь с чиновником пришла к счастливому брачному ритуалу. Чиновник сделал Виоле предложение. Ангел понравился его маме, и это стало решающим фактором в его решении повести её к алтарю. Поскольку счастливый жених незадолго до этого разменял пятый десяток лет, полагаю, его маму устроил бы даже крокодил. А симпатичная и творческая девушка, мямлящая что-то о детях и желании во всём потакать мужу, должна была пробуждать в той маме желание срочно запереть это сокровище под замок и не выпускать больше никогда. (Да, я знаю, что часто мамы нелогично делают ровно противоположное.)

Обычно я устраиваю своим постоянным девчонкам что-то вроде прощального вечера. Иногда даже и без секса. Это что-то вроде разумной точки в отношениях: спасибо, было здорово, давай выпьем и повеселимся на прощание. Но с Виолой не получилось. Она не смогла придумать сказку. Я не смог веселиться за двоих. Получилась не точка, а какое-то смазанное пятно.

Изредка я встречаю Виолу. В ресторанах или на каких-нибудь статусных мероприятиях. Она неизменно с мужем и в сопровождении охраны. Она не машет рукой, не кивает, не здоровается – мы незнакомы. Но иногда я ловлю её рассеянный взгляд и, улыбаясь, подмигиваю. Она отворачивается.

Я рад, что ей так повезло. Но изредка я немного грущу о пропавшей девушке со скрипкой. Нынешняя Виола слишком уж хороша и декоративна, но в ней нет волшебной непосредственности и душевности талантливой сказочницы. И я уверен, что теперь она врёт куда более правдоподобно и... скучно.

Карамелька

У Карамельки были сахарные грудки. Белые, налитые, молоденькие грудки с аккуратными тёмными сосочками, напрягающимися просто по одному моему слову. Чудесные грудки самого подходящего размера – не большие, но и не маленькие, удивительные грудки совершенной формы, подобных которым я больше не встречал. Почестному, я только волевым усилием заставил себя запомнить лицо Карамели, потому что единственным, что меня в ней занимало, были грудки.

Уникальную драгоценность я бы и вовсе не увидел, если бы не настойчивость самой Карамели, твердо вознамерившейся именно со мной наставить рогов своему любимому мужу. Муж был намного её старше, и женился на ней исключительно в потворстве своим педофильским наклонностям. Только так можно объяснить брак между семнадцатилетней первокурсницей, носящей юбочки в клеточку и гольфики, и сорокалетним доцентом, читающим студентам что-то там из области философии.

В пору моего знакомства с Карамелькой этот брак очевидно и закономерно переживал острый кризис. Карамель выросла из гольфиков и простого миссионерского секса, пусть и приносящего все нужные физиологические реакции. Ей хотелось звёзд с неба. Увы, ранний брак и жизнь в заведённой колее семейной жизни превратили её в довольно унылую женщину, на которую я долгое время попросту не обращал внимания.

Отчаявшись найти во мне понимание своих проблем, настырная Карамелька предприняла смелую атаку – просто вторгнувшись в мою квартиру и скинув с себя все шмотки, она буквально запрыгнула в мою постель. И вот тут я обалдел. Чудо сахарных грудок сразило меня наповал. Я сразу сделался тем негодяем, которого во мне искала обладательница волшебного бюста, и отделал её по полной программе. Мы начали встречаться – как только у неё появлялась возможность.

Благодаря желанию потискать Карамельку, я оказался вовлечён в круг довольно широких знакомств в странных кругах искусствоведов, театралов, историков и прочих людей, которые не рисуют сами, не ставят сами спектакли, не могут удержать простой меч, но много обо всем этом пишут и говорят. Определённая фальшь таких занятий накладывала отпечаток и на Карамель – иногда она не столько хотела самого секса, сколько хотела думать и размышлять о нём.

Карамель с детства носила плотные лифчики с массивными бретельками и застёжками – фасона «мама купила на распродаже». Единственным сравнением, пришедшим мне в голову, когда я был допущен лицезреть потенциально волнующее зрелище груди Карамельки в этом уродстве, была ножка Эсмеральды в испанском сапоге. Пришлось задарить девочку разнообразным бельишком, чтобы избежать таких потрясений в будущем. И всё же больше всего я любил, чтобы она не одевала никакого белья – совершенная драгоценность не нуждается в обрамлении.

Некоторые облики Карамельки я запомнил почти фотографически. Помню какую-то национальную рубаху с вышивкой и длинным разрезом спереди на шнурочках. Вытачки были маловаты, и соски слишком тёрлись о ткань, а тонкий ситец желтоватого

цвета только подчеркивал белизну груди. Каюсь, я разодрал эту рубаху зубами и был близок к лёгкой форме каннибализма, так мне хотелось поскорее впиться в сахарную плоть.

Ещё помню свободную футболку – она то прилипала к грудкам, чётко вырисовывая идеальные формы, то болталась, пряча их за складками ткани. И каким же кайфом было запустить свои шаловливые ручонки под эту футболку – чтобы извести грудки длинными ласками. Это было на каком-то литературном собрании, все сидели такие чопорные, строгие, и внимали словам о высоком, а я специально устроился сзади так, чтобы никто не видел, чем собственно я занят. Как же изнемогли её соски от моих приставаний, как дрожали упругие полушария от страха и восторга, когда я стискивал их, и какой откровенно животный секс был потом в крошечном кабинете Карамельки прямо на полу.

Летом Карамель носила облегающие топики. И именно тогда я понял, что такое ревность. Обычно я не испытываю отрицательных эмоций, даже узнавая, что моя очередная возлюбленная предпочла другого. Ну, предпочла, так предпочла. Значит, пора искать новую подружку, с которой всё будет еще лучше и замечательнее. Но взгляды мужчин, поедавших грудки Карамельки взглядами, выводили меня из себя. Я хотел быть единственным причастным к этому чуду. Дошло до того, что я и мужа-зануду начал ревновать к грудкам. Хорошо хоть, он по осени снова начал читать лекции. Дни постепенно стали попрохладнее, топики сменились кофточками, и накал моих собственнических чувств поутих.

Первым откровением моих отношений с Карамелькой стало понимание того, почему так сладостно изводить ласками связанную подружку. Свободная Карамель всё время норовила обнять меня, поцеловать, обвить руками, ногами. Не то, чтобы это было плохо – я был всецело заиклен на её груди. Мне не нужны были её посредственные поцелуи, я хотел лизать, сосать, кусать её совершенную грудь. Первое связывание получилось практически случайно – я взял её в костюмерной, прямо в каком-то платье средневековой дамы с длинными шлейфами рукавов, и чтобы эти шлейфы не мешались, намотал их на её руки и на стойку с вешалками. И вдруг понял, что это то, чего мне давно хотелось. Я кончил три раза подряд, не переставая теревить, гладить, мусолить, тискать сахарные грудки Карамели. Она злилась неделю. А когда снова позвонила в мою дверь – её уже ждали длинные шелковые шарфы и меховые наручники.

В целом, я не поклонник всех этих интим аксессуаров. Лично мне достаточно воображения. Я могу представить свою любовницу в том виде, в каком захочу – и для этого вовсе не обязательно в реальности одевать её в какой-либо костюм или воспроизводить аутентичную обстановку. Если уж хочется жёсткости, есть дофига поз и положений, в которых мужчина может контролировать женщину без дополнительных прибамбасов, и это только больше заводит – она чуть сопротивляется, а ты даешь ей понять, что она бессильна.

Но с Карамелью я шёл по тонкому льду – она была уверена, что я без ума от неё, от её умных речей, от её сексапильных шуток, а в действительности у меня был роман не с ней, а с её грудью. Такое вот извращение. И я отдался ему со всем пылом, на который был способен. Я пеленал подружку в сложные коконы, оставляя свободными только грудь и местечко между ног. Я играл в диких индейцев и сорвавшихся с катушек аборигенов Австралии. Понятия не имею, что эти народы предпочитают в сексе. Карамелька же наверняка и по сию пору уверена, что в основном ласкают грудь. Я внушал ей игры с превращениями в экзотических животных, и полюбил странный секс, когда плоть грудок зажимает с двух сторон твой напряженный член. В-общем, несколько месяцев я был совершенно чокнут на одной идеальной груди.

Кончилось всё так же внезапно, как и началось. Страсти туманят разум. Скорее всего, увлеченный ласками сосочков и белой кожи, я был неосторожен. Карамелька забеременела. Обнаружив сей факт, она решительно разорвала все наши отношения.

Оно и к лучшему. Немного погрузив, я привел мозги в относительную норму.

Спустя три года Карамелька снова позвонила мне – и я сразу пригласил её приехать. Я едва мог дышать, пока стаскивал с неё глупое пальто и какие-то шмотки. И был наотмашь шокирован. То, что предстало моим глазам, оказалось чудовищным. Вместо сладких полусфер из крепкой белой плоти я обнаружил расплывшиеся бесформенные груди, болтающиеся из стороны в сторону. Они по-своему были хороши, и у другой женщины в другом контексте встреч я, возможно, счел бы их прекрасными. Если бы это не была моя Карамель с некогда безупречными сахарными грудками...

Из её сбивчивой речи я понял, что у неё все прекрасно, она по-прежнему очень любит мужа, у неё родилась прекрасная девочка, которую она целый год кормила грудью, муж начал строить загородный дом. Вот только она тоскует по всем тем штучкам, которые я с ней проделывал.

Женщины часто довольно открыто предлагают себя, хотя им и кажется, что это незаметно. Карамелька и вовсе не понимала, почему собственно она не может просто вынырнуть из ниоткуда и использовать меня для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Это было вторым и последним откровением наших встреч – я вдруг представил себе, как связываю располневшую Карамелищу, а потом шлёпаю, щипаю, бью, терзаю её некогда божественную грудь – и эта мысленная картинка садистского секса мне весьма понравилась.

От греха подальше я выпроводил Карамель восвояси. Может, она и нашла утешение в чьих-то других объятиях, но моя совесть в данном случае чиста. Нехорошо, когда такие вещи мужчина творит с матерью своего ребенка, кто бы там ни числился отцом.

Льдинка

Холодная и недоступная Льдинка занимается автоматизацией производств. Если бы она стала актрисой, ей дали бы три оскара за любой фильм с типажом снежной королевы. Но она числится системным интегратором. В чём конкретно заключается её работа, она не смогла мне объяснить, и я полагаю, что разные компании переманивают её друг у друга исключительно ради её красоты. Мужским коллективам просто необходимо видеть такую неземную девушку, чтобы творить сложные программы и собирать разные девайсы в интеллектуальные системы с должным уровнем творческого вдохновения. Арктическая же недоступность красавицы предотвращает мужские конфликты, чреватые сбоем и творчества, и производства. Карьера и зарплата Льдинки плавно растут, а хедхантеры утверждают, что одно её присутствие в офисе повышает производительность мужчин процентов на тридцать.

На красоту Льдинки я купился сразу. Правильные и приятных пропорций черты лица, высокий лоб, прямой носик, милая улыбка и холодный равнодушный взгляд огромных и широко распахнутых глаз заставили меня этак бодро подпрыгнуть, распустить хвост и начать песню токующего тетерева. Надеюсь, это был первый и последний раз, когда я дал столь очевидный повод для ржачки над собой собственным подчинённым. Ребята уже успели проверить и простые, и замысловатые подходы к красавице, после чего бесхитростно организовали тотализатор с самыми разнообразными ставками за и против меня. Я поставил крупную сумму на себя и был уверен, что сорву банк.

Но даже и без банков я был исполнен решимости растопить сердечко ледяной девы. Я начал за ней ухаживать так, как самые романтичные кавалеры в рыцарских романах не ухаживают за своими прекрасными дамами. Я завалил её цветами и

подарками, я приглашал её на самые крутые концерты и мероприятия. Я катал её по городу и закармливал изысканными деликатесами и сладостями.

Большинство женщин, даже не расположенных к сексу в момент первой встречи, даже исполненных неприязни к мужчине, после столь активного и решительного натиска начинают понемногу уговаривать себя, что столь красивый роман просто не может оборваться на самом интересном месте. Живём один раз, так почему бы не погрузиться в пучину страстей, раз уж так сvezло? И даже если это приключение на один раз, отчего бы и не испить эту чашу до дна? Но Лыдинка сохраняла всё ту же холодность и на первом свидании, и на двадцать пятом.

Я начал терять терпение и последовательно применил всё, что только приходило мне в голову, для форсирования темы совместного сексуального досуга. Но несмотря на все мои усилия ледяная девочка упорно отказывалась понимать и принимать мои намёки и домогательства. К холодности и равнодушию в общении добавлялась и зажатость в физических контактах. Стоило обнять её за талию, как она сразу деревенела, строго прося, чтобы я её не трогал. Попытка подхватить её на руки едва не кончилась моим фиаско. После решительного и отчаянного отпора кулаками она вдруг расслабилась и замерла, в результате чего я её едва не уронил. Откровенное лапание груди, которое я предпринял в надежде спровоцировать её хотя бы на оплеуху, вызвало лишь отстранённость и двухнедельный отказ от встреч.

После периода раздражения пришло любопытство. Я люблю разгадывать искривления женских мозгов, а в Лыдинке это искривление носило характер какого-то тотального, но абсолютно непонятного дефекта.

Она, очевидно, не хотела порывать со мной. Она быстро и сразу соглашалась на встречи, она иногда звонила с пустыми вопросами типа «Как у тебя дела?», она проявляла наблюдательность и отличную память в том, что меня касалось. Она помнила о моих делах, о том, что я люблю или не люблю, и не будь она такой холодной, я бы заподозрил, что перестарался, и она крепко в меня влюбилась. Но нельзя же влюбиться и при этом застывать при поцелуе парализованной статуей с крепко сжатыми губами?

Мои первоначальные подозрения о том, что она стала жертвой сексуального преступления, что холодность – следствие пережитого страха, пришлось отвергнуть, как несостоятельные. У меня есть опыт преодоления таких страхов, и я знаю, что женщины не упустят возможность если не стереть совсем плохие воспоминания, то хотя бы заслонить их нежными и чувственными переживаниями с ласковым мужчиной, особенно если они понимают, что могут откровенно рассказать этому мужчине о постигшей их беде.

Лыдинке нечего было рассказать. Её холодность была каким-то злым колдовством, чарами, сил разрушить которые у меня не хватало. И в качестве очередного «следственного мероприятия» я напросился к ней в гости.

Обычно я не стремлюсь к знакомствам с родственниками. У меня своих столько, что при некоторых звонках родни я лихорадочно сверяюсь с длинным списком в специальном файле. Опасаюсь, что какой-нибудь ушлый чел по примеру одной известной комедии пролезет ко мне в сколь-либо юродные братики без всяких на то оснований.

Знакомство с женщиной, которая произвела на свет Лыдинку, убедило меня в том, что иногда бывает полезно взглянуть на чужих семейных тараканов с близкого расстояния.

Холодная красавица-мама и равнодушная красавица-дочка казались отражением друг друга в зеркале. Но с первых же слов становилось ясно, что авторитет мамы в этом доме непререкаем, а дочка является лишь молчаливой и бесправной тенью, чьё единственное предназначение в жизни – ухаживать за мамой и обеспечивать ей комфортный быт.

Ради дочери мама пожертвовала отношениями с любимым человеком, который бросил её из-за беременности. (Это ведь пузо виновато, что мужик козлом оказался.) Ради

дочери мама бросила свою великую карьеру актрисы. (Я потом навёл справки: мама работала в театре ассистенткой, то есть девочкой на побегушках.) Ради дочери мама отказалась от личной жизни, потому что кто же из мужиков возьмёт даже самую красивую женщину с приплодом. (Кому из мужиков нужна баба, собственного ребёнка ни во что не ставящая?) И так далее.

Мама мучилась, рожала и, надрывая все жилы, растила дочь не для того, чтобы та оказалась неблагодарным чудовищем. Мама заслужила покой и спокойную жизнь. Мама то, мама сё. И тому подобное.

Я знаю достаточное количество примеров домашнего насилия над детьми, в том числе физического и сексуального, но, пожалуй, именно Льдинку и её маму можно назвать одним из самых вопиющих примеров дикого и жесточайшего насилия. Я не знаю, как именно красивая девочка превратилась в прислугу и придаток мамы, но та встреча с этой мамой закончилась моим позорным бегством. Я боялся, что сорвусь и наkostenю мерзкой бабе. Может, и надо было это сделать.

Загадка Льдинки не очаровывала меня больше, я честно объяснил своим ребятам, что к чему, вызвав изрядное уныние и разочарование в нашей весёлой и довольно дружной компашке.

Но я не люблю проигрывать. И я пошёл ва-банк. Под предлогом посещения модного спектакля, я привёз Льдинку на «интерактивное эротическое шоу». Если говорить прямым языком, это было не шоу, а костюмированные порнографические сценки, которые являлись главной заманухой клиентов в одном дорогом борделе. «Лауреаты международных театральных фестивалей» разыгрывали фантазии клиентов борделя совершенно буквально, иногда в режиме индивидуального просмотра, иногда для небольших групп «заинтересованных культурой граждан». Граждане могли в любой момент принять участие в действии или хотя бы подойти и потрогать «лауреатов» и «лауреаток». В этом и заключался «интерактив».

Владельцем борделя был мой знакомый, некогда вполне себе обычный парень с нормальными моральными устоями. Ему «подвезло» влюбиться на отдыхе в Турции в шалавистую «наташу», которая в итоге и женила его на себе, и развратила, и организовала на его деньги «бизнес». Поначалу я посмеивался над этой семейной парочкой, полагая, что надолго их не хватит, но время шло, шалава превратилась в редкостную мегеру с крайне негативным отношением к миру, мой знакомый уверовал в то, что любая девка – тупая вагина, единственное предназначение которой – удовлетворять мужиков. Разговаривать стало не о чем, и даже больше, после разговора со счастливыми супругами хотелось помыть руки. Или даже принять душ.

Немного отступлю от темы. Наивным читательницам, исполненным энтузиазма в познании своего сексуального «я», полезно знать, что некоторые «актрисы» бордельных театров да и просто бордельные девки оказываются в сомнительной роли подстилок без своего осознанного согласия. Некий парень ухаживает за девушкой, однажды приглашает её провести «эксперимент», она едет с ним, выпивает что-нибудь «бодрящее», а потом оказывается в главной роли сценки про «обряд инициации девочки в племени кумба-тумба». Пяток мужиков «инициируют» её коллективно несколько часов, а ей вроде бы всё равно. Или ей это даже нравится (зависит от компонентов бодрящего коктейля). Её могут попросить сказать на камеру что-нибудь вроде того, что она счастлива и согласна на всё. Она говорит, и потом ни один человек не поверит в то, что она была обманута.

Утром или даже через несколько дней парень, восхищаясь её сексуальностью и замыливая ей мозги прочей словесной чушью, отвозит её домой. Или сразу, или через какое-то время он благополучно сваливает в поиск следующей доверчивой подружки.

Даже если девушка вдруг начинает возмущаться, ей грозят публикацией её порнографического видео в интернете. И рассылкой сообщения об этой записи по всем её контактам в электронной почте и социальных сетях.

Некоторых слабых духом девушек подчиняют психологически и используют «на максимальную отработку». Некоторых и попросту сажают на наркотики. Фантазии же отдельных дурачков насчёт того, что такое «приключение» может быть интересным опытом – лишь химера недоразвитого разума. Проституция – грязный бизнес по торговле людьми. Люди в нём рассматриваются исключительно как товар, приносящий деньги.

Девчонки продаются и покупаются. А зачем платить, если можно украсть?

Я не собирался ни продавать Льдинку, ни красть у неё то самое девичье сокровище, столь строго охраняемое. Я хотел выбить её из привычной колеи и попытаться угадать, какие именно сюжеты возбуждают её. Льдинка не была знакома с порнографией в принципе, и натуралистическое представление должно было пробудить её любопытство. Возможно, вызвать отвращение или неприятие. Может быть, насмешить или расстроить. Любая эмоция была лучше, чем ничего.

Я знаю, что порнушка без извратов обычно возбуждает женщин. Многих возбуждают именно извраты, хотя они никогда не согласятся попробовать их на себе. Часто женщин возбуждает вид другой обнажённой красивой женщины, а вот даже к самым фактурным самцам они могут оставаться куда более равнодушными. Почти всех женщин возбуждает зрелище того, как другую женщину ласкает мужчина. Причём именно ласкает – целует, трогает, гладит. Чужая прелюдия легко становится их собственной. И я надеялся, что хотя бы приблизусь к этой прелюдии.

Для начала мы приобщились к живой иллюстрации из жизни средневековья. Два дюжих мужика вывели на свет простоволосую девушку в одной длинной тонкой рубаше до щиколоток. Сделав вид, что приковывают ослушницу к заднику, изображающему древнюю каменную кладку, мужики немного похватили девушку за разные части тела и удалились. Им на смену появился этакий придворный щёголь и занялся разными упражнениями вокруг прелестницы.

С моей точки зрения в реальности такие щёголи просто имели прикованных девок без лишних церемоний, если конечно не брезговали антисанитарными условиями, грязным видом и специфическим запахом лишённых ежедневной ванны красоток. Но в сценарии шоу предполагалась неземная страсть красотки, сходящей с ума от приставаний кавалера. Она изобразила эту страсть со всем пылом, на который была способна. И в какой-то момент выдержка мне изменила, я захихикал, вызвав недовольные взгляды других зрителей.

Льдинка казалась равнодушной ледяной статуей.

Мы посмотрели зарисовку из жизни гарема, где две невольницы ублажали третью ради того, чтобы мужик в тюрбане, изображающий султана, поимел её с громкими и неприятными звуковыми эффектами. Я знал в своей жизни всего одну воющую в постели женщину, но и тот вой был приятной музыкой в сравнении с той какофонией, что издавали хором невольницы.

Льдинка осталась холодно-невозмутимой.

И сравнительно милая порнушка про барина, совращающего крестьянку, и мрачноватая групповушка вымышленных рок-звёзд и их фанатов, и пиратская пирушка с обниманием девчонок в кринолинах так и не дождалась какой-либо реакции напрочь заледеневшей девы. Я понял, что с меня хватит. Упрямство – штука хорошая, но надо уметь убивать в себе барана, штурмующего запертые ворота.

Прошло несколько месяцев, и Льдинка мне позвонила. Её мама неожиданно уехала за границу, оставив дочь «следить за домом». Обстоятельства, которые этому

способствовали, остались для меня неизвестными, но, честно говоря, я не особенно рвался их выяснять. Я и на встречу с Льдинкой согласился с неохотой. Побаивался, что ей потребовалась какая-нибудь помощь в житейских делах, а мама, всегда всё знающая, не оставила инструкций на этот счёт.

Помощь не требовалась. Чудом спасшийся живой кусочек внутри напрочь заledenелого существа увидел в отъезде мамы знак судьбы. И быстро продал мне всё, что только ещё оставалось от его души.

Была пятница, и я украл Льдинку тем же вечером. Заехав к холодной девочке на работу, я посадил её в машину, закрыл двери и увёз её за двести километров, в домик моего хорошего приятеля. Тихая русская деревня, пережившая века женских слёз, терпеливо переждала и слёзный водопад моей снегурочки, а потом я волшебным образом перенёсся на какие-то тропические острова.

Есть девушки, которые довольно рано учатся ласкать себя и с весьма ранних лет привыкают делать это каждый день перед сном или по выходным, или по праздникам. Совращение таких лапочек – вопрос объяснений, что им сделать и как встать, а также исследований, кому что больше нравится.

Другие девочки представления не имеют о том, что и как их тело хочет и чувствует. Они истолковывают сексуальное возбуждение как головокружение, они думают, что их влечение к какому-либо мужчине – дружеское расположение. Некоторые и вообще не распознают даже очевидных сигналов тела, готового к сексу. Совращение девушки, совсем невинной телом и мыслями – это особенный кайф для мужчины. Хотя пробуждение чувственности у девчонок, которые мало задумывались до этого о собственном теле и его реакциях, всегда смешит меня их удивлением.

Льдинку я не совращал. Это она меня совратила. Она заставила меня удивляться собственным реакциям. Она мне объяснила, что я должен делать. Я был как алхимик, вроде бы безрезультатно смешавший неизвестные реактивы, а потом вдруг оказавшийся перед разбушевавшейся пламенной стихией. Я, опытный и искушённый мужик, мнящий себя таким знатоком женщин и умельцем сексуальных утех, вдруг оказался робким мальчиком, и замороженным женской страстью, и до дрожи боящимся её. Я не просто хотел растаявшую красавицу, я был близок к реальному помешательству, ползая за ней на коленях и вытворяя то, о чём неудобно даже вспоминать. Никто ни до, ни после не доводил меня до такого сексуального и физического истощения.

В понедельник утром Льдинка сама отвезла меня в город, не испытывая ни малейшего дискомфорта из-за изменений в собственной физиологии. У меня же обнаружились мышцы в тех местах, о которых я и не подозревал. Причём мышцы эти болели, а весь организм слал мозгу отчаянные сигналы вроде «Не могу больше!». Мозг трансформировал эти сигналы в шлейф мыслей вроде того, что «Прибью её и сяду. И лет десять баб видеть не буду. И хорошо будет. Спокойно.»

Дав мне отоспаться, Льдинка выбрала новое уединённое место для нашего очередного совместного уикенда. Это был недостроенный цех какой-то строительной компании. Огромный пустой корпус казался выпрыгнувшим с экрана голливудской киношки о злых монстрах, но внутри обнаружилась небольшая комнатка, которая, очевидно использовалась посвящёнными в качестве места свиданий.

После пары часов нетерпеливого утоления своего сексуального голода Льдинка устроила мне театр. Это было что-то. То, как она трансформировала некогда увиденные непристойности, поразило меня до глубины души. Она позаботилась о костюмах, об антураже, о некоторых мелочах, добавлявших её представлениям очарования. Но главным в спектакле была её страсть, её яркие и бурные эмоции от собственного возбуждения.

Через двое суток я едва смог залезть в машину. И снова неделю отсыпался, забив на все дела и обещания.

Третьи наши совместные выходные прошли в одном из павильонов ВВЦ. Один из моих партнёров неспешно вывозил оттуда свой магазин мебели, и у нас с Льдинкой оказалось изрядное количество всевозможных кроватей...

Полагаю, ещё пара таких марафонов, и я бы скончался.

Мама снегурочки вернулась на родину быстрее, чем планировала. Льдинка сообщила мне об этом по телефону, холодно и сухо, но я списал это на нервы по случаю прибытия родительницы.

Мне надо было уехать, я и без того отложил поездку, увлечённый жаркими объятиями своей растаявшей ледяной девочки. И на пять дней я погрузился совсем в другие заботы. За эти пять дней время повернуло вспять. Неприступная холодная Льдинка вернулась. Словно и не было огня этих недель, словно и не открывалась дверь в неведомый тропический рай.

Мои расспросы остались без ответа. Мои объятия снова вызвали паралич. Я орал, я сердился, я уговаривал, я умолял. Но все мои попытки достучаться до разума застывшей красавицы были похожи на разговор с ледяной статуей, один бесцветный взгляд которой убивал саму мысль о возможности весеннего тепла. Она опровергала мои слова одним единственным аргументом: «Ты ничего не понимаешь».

Я действительно не понимал. И до сих пор не понимаю.

Нельзя помочь алкоголику, если он не осознаёт своей зависимости. Невозможно бороться с зависимостью женщины от матери, если эта зависимость стала основной чертой и частью личности. Я бросил безнадежные попытки изменить жизнь ледяной девочки.

У неё всё по-прежнему. Она работает всё в той же сфере. Она всё так же красива, холодна и недоступна.

Собранный банк тотализатора мы с ребятами пропили в одном развесёлом баре, позвав в свою мужскую компанию горячих девчонок, никогда не слышавших о снежных королевах. Вечеринка называлась «Утешь Кая, добрая Герда», и пьянка эта настолько удалась, что получила широкую известность в узких кругах как образец правильного корпоратива.

Одни мои друзья по мотивам той пьянки даже организовали выездной семинар повышения личностной самооценки для топ-менеджеров и чиновников высшего звена. Семинар назывался «Убей снежную бабу» и его кульминацией являлся расстрел снежками специально вырезанной ледяной статуи. Говорят, некоторые участники увлекались до того, что начинали срезать лёд и автоматными очередями.

Ну а я вернулся к своим делам. Очередные интеграторы прислали к нам лысого, но бородатого дядьку, и воспоминания о красивой холодной девочке стёрлись за его уморительными, хотя и тоже бородатыми анекдотами.

Надеюсь, когда-нибудь кто-нибудь мне случайно расскажет, что Льдинка пережила свою маму, сбросила ледяной покров и устроила собственную судьбу с любимым человеком. Не очень верю, но всё же надеюсь.

Осень

Странно, что женщину, на которой я едва не женился, я сразу назвал как самое грустное и всё же самое любимое мной время года. Вряд ли я стал бы образцовым мужем и отцом, но мне хотелось примерить на себе все эти роли защитника и кормильца. Осень решила всё иначе, за что ей – спасибо. Её выбор сэкономил нам обоим пару лет и тьму нервных клеток.

В первый вечер знакомства Осень сразила меня длинными стройными ногами, остроумными речами и мелодичным ласкающим голосом. Я хотел бы её, будь у нее хоть одно из этих качеств. Соединение трёх гарантировало мою особую заинтересованность.

В банке, где работала Осень, она слыла стервой и не слишком разборчивой в связях особой, но меня это не смущало. Мы довольно быстро завалились вместе в койку, Осень обхватила меня своими ногами, я смял её полную грудь, и наша интрижка стала развиваться в стандартном духе интересных сексуальных отношений без обязательств. Так нам обоим казалось.

А потом я заехал за ней в банк и узнал, что останусь без свидания, потому что у Осени случился приступ сильной боли в животе, и её увезли в больницу. Я позвонил в справочную больницы, узнал, что у пациентки такой-то состояние удовлетворительное, и переиграл свои планы на вечер, организовав вместо свидания мужские посиделки в боулинге.

Лишь через два дня я выяснил, что Осень свалилась с приступом острого аппендицита, и что ей сделали операцию. Бледное привидение протянуло ко мне тонкие ручки с больничной койки, и я оказался не готов противостоять инстинкту выходить, вылечить раненое животное, которое столь трогательно умоляет о помощи одним взглядом несчастных глаз.

Я проводил много времени в больнице, что-то подавая, поднося, вытирая и заботливо кормя беспомощную девочку с ложечки принесёнными из дома яствами, приготовленными по специальным рецептам. И если вначале меня немного смущала роль этакой сиделки при любовнице, постепенно я вник в кайф ощущения зависимости от тебя другого человека, и не только любовницы, но и остальных пациенток отделения, которым тоже хотелось заботы и внимания со стороны мужчин. Они все поголовно завидовали Осени, и в этой зависти я буквально «купался», ощущая всеобщее обожание и дружную любовь женского коллектива. (Обычно женские коллективы меня не любят – ссорятся из-за того, сколько раз я на кого посмотрел.)

Я перезнакомился с медсестричками, и парочку из них даже втихаря трахнул. Один из врачей Осени стал моим хорошим другом и остаётся им до сих пор, хотя мы оба не любим вспоминать начало этой дружбы – я случайно облил его содержимым ночной вазы.

Большинство людей не выносит пребывания в больницах, причём не только в качестве пациентов, но и в качестве посетителей больных. Но меня опыт пребывания Осени на больничной койке научил очень многому. Я узнал, как живут больницы изнутри, кто что делает, когда врачи бывают невнимательными, и почему некоторые медсёстры превращаются в натуральных вампирш. Впоследствии мне этот опыт очень пригодился, когда я сам оказался беспомощным и зависимым от других людей пациентом.

Но ухаживая за Осенью, я ни о чём таком ещё не думал. Меня приручали, и я стремительно заходил в ловушку заботы о женщине, привязываясь к ней, привыкая исполнять её капризы и просьбы, и в то же время ощущая свои особенные права на неё.

Больничный секс запомнился мне казённой обстановкой и парадоскально малым количеством мест, где двое озабоченных людей могли бы решить проблему сексуального общения. И запахом. Специфический больничный аромат невозможно было перебить духами и одеколонами, он не поддавался проветриванию и маскировке с помощью дезодорантов. А ещё в больничных свиданках была возбуждающая острота страха быть застуканными в какой-нибудь ординаторской. Сейчас мне сложно сказать, почему мы так боялись этого, но боялись, и торопливо удовлетворяли друг друга, не раздеваясь, не заморачиваясь с изысканными прелюдиями, не стремясь получить полноценный долгий кайф. И всё же в этом была какая-то особая прелесть, нечто неповторимое и весёлое.

В больнице я познакомился с семьёй Осени. Спокойная мама и рассудительный папа давно жили отдельно друг от друга, но сохраняли видимость ровных отношений. Ко мне они оба отнеслись сдержанно-неприятно, моя развязность, под которой пряталось

незнание, как, собственно, себя вести, родителей Осени раздражала, но внешне всё было вежливо и интеллигентно.

Больничные дни тянулись, больная выздоравливала, а я и сам не заметил, как наши разговоры с уже весьма бодро виляющей задиком Осенью перешли в обсуждение темы «ты да я, да мы с тобой – вместе навсегда». И, надо признаться, я не сразу понял, к чему, собственно, меня подводят. Я был очарован бедной больной, проявлявшей силу духа и мужество в перенесении разных процедур, и в то же время остававшейся довольно хорошенькой даже в больничных халатиках. Она нежно называла меня особым прозвищем и частенько оговаривалась ласковыми прилагательными – дорогой, любимый, родной. Нам было хорошо вместе. Это же всё здорово, чего ещё желать?

Лишь когда Осень мимоходом вставила в наш очередной разговор что-то насчёт того, что мы могли бы пожениться, лампочка понимания просветлила мои мозги. И я начал всерьёз обдумывать тему «А почему бы мне и не жениться?»

На тот момент я, правда, уже был скептически настроен по отношению к разным официальным церемониям, я уже понимал всю бесполезность штампов и бессмысленность грязных юридических баталий при разводе. Но, вероятно, я любил свою Осень больше, чем готов сейчас в этом признаться. Да, это не было искрой первого взгляда, это было неизбежной и банальной любовью «доктора» и пациентки, от которой так предостерегают разные этические кодексы и правила. Но разве так важно, как и почему чувство возникло? И я уговорил себя разными «умными» доводами про то, что социальные корни у нас примерно одинаковые, материальное положение тоже, а небольшая разница в возрасте считается оптимальной всеми учебниками по брачному счастью. Так паркуа бы не куа?

Я присмотрелся к кольцам, я твёрдо решил убедить будущую жену не ввязываться ни в какие свадьбы, а рвануть в путешествие в какой-нибудь особый далёкий мир. Я прикинул, на что хватит наших маленьких квартирок, если их сменять на что-то большее и общее...

Но тут Осень выписалась из больницы, и в обычном мире нам быстро стало неудобно в рамках больничных отношений.

Прежде всего, я осознал, что сама Осень мысленно стремится к замужеству, которое предоставит ей более высокий социальный и материальный статус. Она не хотела демонстрировать нашу близость своим друзьям и знакомым из тусовок богатого молодняка, предпочитая оставлять за собой статус свободной девушки, а меня выставяя таким глупеньким воздыхателем. Меня это веселило, и я нарочно поддразнивал её, вдруг припадая к её шее с поцелуем или начиная болтать непристойности театральным шепотом.

Потом я понял, что Осень не готова принять меня таким, какой я есть. Её бесили мои эксцентричные выходки, моё неприятие неких «приличий», и даже мои отношения с друзьями, включая того самого хирурга, который без лишнего пафоса спас Осени жизнь. Она стала занудно-раздражающе делать мне замечания на каждом ходу, добиваясь от меня поведения такого правильного пингвина.

И, наконец, больничная привычка Осени полагаться во всём на мою помощь утопила то, что могло бы стать мощным взаимным чувством, в мелочности ежедневных просьб что-то сделать, кому-то помочь, поехать туда, метнуться сюда и построить светлое будущее для отдельно взятого клана её родственников.

Первый звоночек прозвенел, когда Осень попросила меня встретить её двоюродную сестру с вокзала. И моё разумное предложение сестре взять прямо на вокзале такси не было удостоено рассмотрения их величествами.

Затем мне предложили приютить на две недели кузена Осени с какой-то другой стороны родственных связей. У неё ему жить было бы неприлично (они едва знакомы), у родителей нет места, а гостиница дорого стоит. Поэтому мне надлежало поселить

пятидесятилетнего дядьку с диагнозом «хронический алкоголизм» в собственной квартире. Я нашёл ему место в одной из общаг, и со мной две недели не разговаривали, так как я оказался чёрствым эгоистом.

Почему-то я должен был решать проблемы занятости подростков из числа родни Осени, покупать подарки «дорогой тёте Маше от любящей бабушки Веры», заниматься устройством в хорошие руки котят «от замечательно умного дяди Ивана». Вал идиотских просьб, замечаний, обвинений рос и постепенно принял характер лавины, в которой я утопал, но никто не хотел бросить мне спасательный круг.

Кончилось всё это банально и обыкновенно. Я уехал по делам в другой город, начисто забыв о том, что Осень просила оказать какую-то пустяковую услугу для её тётушки. Когда я вернулся, мне вlepили отличную оплеуху, потом моя милая минут пять покричала про то, какой я идиот, и как я ей надоел, после чего выскочила, не забыв мощно хлопнуть дверью.

Я извинился. Я принес тётке шикарную корзину цветов. Но Осень уже всё решила. Меня вежливо и холодно попросили больше не появляться и не звонить. Много позже Осень призналась, что надеялась этой драматической развязкой заставить меня страдать.

В действительности ей это отлично удалось, только я не собирался ей демонстрировать свою подавленность. Я просто завёл новую подружку – хорошенькую молоденькую глупышку. И понемногу перестал оглядываться с ужасом, боясь встретить подстерегающих меня на каждом углу чужих родственников.

Зато нарвался на единогласное одобрение такой развязки романа со стороны собственного семейства. Оказалось, что моя родня всё время моего больничного увлечения тихо мечтала о том, что «эта вульгарная особа» заgnётся от какого-нибудь осложнения, и «это, конечно, будет печально для мальчика, зато уберeжёт его от ужасного разочарования». А я-то, дурак, думал, что моя милая им нравится.

Но это были ещё цветочки в познании собственной дурости. Через три месяца после нашего разрыва Осень вышла замуж за принца своей мечты. Оказалось, она держала принца, так сказать, про запас.

Я встретил её не так давно в большом московском магазине. Она медленно катила тележку с меланхоличным отстраненным выражением, словно находилась не среди полок со снедью, а на какой-нибудь художественной выставке. Увидев меня, она не стала делать вид, что мы незнакомы, а просто поздоровалась. Мы посидели в кафе, поболтали.

Я узнал, что у неё двое маленьких детей, что теперь она волею судеб живет в Германии, что у неё скромный, но уютный дом, в котором ей нравится быть хозяйкой. Что алкаш умер, утонув по-пьяни, а двоюродная сестра вышла замуж – и за настоящего полковника.

Мне было нечего рассказать ей в ответ. Она знала, что я перенёс тяжёлую операцию. Она видела картинку интерьера моего дома в журнале. Она была в курсе некоторых моих бизнес-начинаний и успехов. Моя почти невеста много лет издалека следила за моей жизнью, всё время убеждая и уговаривая себя в том, что сделала правильный выбор. А я испытал странную неловкость, поняв, что давно забыл все перепетии больничного романа.

В какой-то момент я просто позвал её: «Осень!» – и на одну короткую ночь она снова стала моей.

Теперь я чаще смотрю в супермаркетах по сторонам.

Самба

Это не про латиноамериканские танцы. Самба ворвалась в мою жизнь из жёсткого спорта, где принято взбивать плотные маты телами соперников.

В один прекрасный день приятели уговорили меня пойти в какую-то качалку – типа начать приводить тела в порядок. По моему скромному мнению, моё тело было в полном порядке, но ребята настаивали, подначивали, навязчиво убеждали – и я сдался. Уверен, что большинство из них впоследствии пожалело о своей настойчивости, так как я сравнительно легко выполнил разные гимнастические и тяжеловесные фокусы. Поразительно, насколько редко люди дают себе труд задуматься о том, что же представляет собой другой человек. Если я не хожу еженедельно в спорткомплекс – это не значит, что я лежу на диване. Просто я не вижу никакого смысла тратить деньги на то, то прекрасно можно делать дома. К тому же я регулярно занимаюсь упражнениями постельного рода, а они сами по себе становятся тренировкой.

У меня нет накачанных мускулов а-ля «терминатор в молодости». По большому счету, эти излишества привлекают только дам примитивных и подверженных болезни впитывать абсолютно всё со стороны масс-медиа. Но у меня нет и отвисшего животика, равно как и второго подбородка. Один из секретов моей привлекательности для женщин в том, что я хорошо и спортивно выгляжу.

Этим я заинтересовал и Самбу. Среди бестолковой компании офисного планктона, с трудом дожимающих пяток подтягиваний, я был своего рода чемпионом-многоборцем.

Крепкая ладная девушка с высокой грудью подошла ко мне после тренировки и предложила свои услуги массажистки. Не долго думая, я предложил ей аналогичную услугу – у себя дома. Неподдельное удивление массажистки моей наглостью оказалось настолько забавным, что я уже всерьёз пригласил её на свидание. Она назначила его через день всё в той же качалке, но на поздний вечер.

Весьма заинтригованный, я прибыл в указанное время с бутылкой, букетом, корзинкой со всякой снедью, красивой вышитой подушкой в качестве одного подарка, изящным шарфиком в качестве другого, а также комплектом разных презервативов в кармане. Хорошо, что до костюма не додумался.

Самба встретила меня в широкой спортивной куртке явно с чужого плеча. И сразу повела в раздевалку, где, нисколько не смущаясь, подождала, пока я переоденусь в припасённое ею одеяние. Потом она отвела меня в зал и решительно бросила на маты. Я, не поняв этого подхода, поднялся – и снова оказался лежащим на спине.

Ни с одной другой женщиной у меня не было свиданий-драк. С Самбой же это было нечто фантастическое. Поначалу она сравнительно легко одерживала верх. Но постепенно я учился, я в параллель занимался с профессиональным тренером, я набирал форму и опыт, и однажды я всё-таки вышел из схватки победителем. Распластавшись сверху на покорённой и сдавшейся амазонке, я кончил в три движения, смутно осознавая, что крыша от моей башни улетела в какой-то глубокий космос.

Так и повелось. Схватка, секс, расслабуха, далее по кругу. Выкинув часть ненужного барахла, я освободил большое пространство в одной из комнат своей берлоги, снабдил её парочкой отличных матов, и мы перенесли свидания на мою территорию.

Схватки с Самбой возбуждали меня до предела. Я не мог контролировать свои реакции, когда она оказывалась беспомощной подо мной. Нечто первобытное и звериное требовало немедленного высвобождения, и я вдавливал женское тело в плотные маты, хреня от невероятного выброса гормонов.

Самба умела сдаться на милость победителю так, чтобы всем было удобно - и ей самой, и нетерпеливому победителю. Даже не получая от некоторых поз удовольствия, она готова дать возможность мужчине насладиться ими, не требуя какой-то особой награды. И она познакомила меня с такой женской особенностью, как способность к нескольким последовательным оргазмам в короткое время. Быстро кончив после драки, она могла через три минуты ласк кончить ещё пару раз, потом подставить мне попку, чтобы немного подзавестись, а затем самостоятельно довести себя до очередного оргазма обычными ласками.

Я был готов изводить её часами. Её это поначалу смущало, поскольку её обычные партнёры – простые спортивные парни – не часто утруждали себя такими благодарностями. Но потом она привыкла и стала со своей стороны бесхитростно подсказывать мне, чего ей вот конкретно сейчас хочется. Были бы все бабы такими...

В спорте Самба одно время показывала неплохие результаты и подавала какие-то надежды весьма высокого уровня, но с окончанием периода подросткового роста надежды скончались, не успев расцвести хоть во что-то значимое. Расставаться с привычной спортивной средой Самбе не хотелось, и она выучилась на массажистку, в совершенстве овладев искусством контроля над мужскими телами.

Самба открыла для меня эротическую сторону прозаической процедуры массажа предстательной железы. Гомофобия и общественные табу не позволяют мужчинам открыто признаваться в том, что ласки и массаж анального отверстия, прямой кишки и простаты – приятны, заводят и приносят наслаждение. Увы, это ограничение явно сказывается на полноценности мужской сексуальной жизни. И женщины, даже самые раскованные, зачастую стопорятся, если речь заходит об анальных ласках мужчины.

Меня воспитывали в довольно консервативном ключе. Разумеется, я впитал все мыслимые предрассудки насчет гомосексуализма и того, что ни в коем случае не должно происходить с мужской задницей. Армейские шутки и работа в жёстком мужском коллективе только закрепила стереотипы о том, что если ты засунул себе что-то в жопу, то ты поганый... гей (скажем так).

Самба подошла к моему перевоспитанию деликатно и с медицинской точки зрения. Теперь я балдею, когда партнерша совмещает оральные ласки с играми пальчиками вокруг и внутри моего анального отверстия. А уж анальные ласки язычком способны довести до полного изнеможения и, как пишут в дамских романах, вознести на самую вершину блаженства.

Разумеется, у всех этих сексуальных радостей есть техники и правила. Но распространяться об этом я не буду. Замечу только, что еще не было женщины, которую мне не удавалось бы уговорить попробовать то или иное эротическое действие. Как бы зашорены они не были, какие бы строгие табу не закладывали в них десятилетиями, какие бы странные эстетические воззрения они не исповедовали, любопытство и собственное возбуждение толкают женщин буквально на всё.

В анальных ласках для мужчины есть чисто психологический момент – хотя многие женщины утверждают, что ощущения вагинального и анального секса отличаются, у мужчины есть только один способ представить себе, каково это, когда нечто вторгается внутрь твоего тела. Это может быть не слишком приятным, но может и «уносить в звездные дали».

Я предложил Самбе не руку и сердце, но официальный брак. Я надеялся, что этим немного помогу ей в решении чисто организационной проблемы – хоть как-то обозначить свое существование на разных важных бумагах с печатями. Самба родилась в Казахстане у мамы-украинки и папы-литовца, а выросла в Томске у бабушки, которая все проблемы ребенка предпочитала решать подарками директору школы. Закончив школу, Самба узнала, что аттестат ей выдать не могут, поскольку у неё нет не то, что паспорта, а даже и свидетельства о рождении. Бюрократические аппараты трех государств отказались признать Самбу человеком и гражданкой, и, помыкавшись по кабинетам и инстанциям, она решила проблему самым простым способом – купила по случаю паспорт у какой-то бомжихи.

Замужество дало бы Самбе возможность сделать легальные документы. Но милая девушка вежливо поблагодарила меня за внимание к её проблемам и от предложения наотрез отказалась. Она твердо решила выйти замуж по любви, а я ей, конечно, был очень

дорог, но не настолько. Решать организационные проблемы фиктивным браком (хотя и фиктивным он, в общем-то, не был бы) она категорически не хотела.

Отказ Самбы стал для меня важным житейским уроком. Я воображал себя таким аристократом, оказывающим покровительство бедной крестьянке. Гордыня, как она есть. Самба щёлкнула меня по носу и сбила эту глупую спесь. В дальнейшем, как только я ловил себя на желании принять такую горделивую позу и сделать нечто правильно-благостное, я сразу представлял, как маленькая Самба опрокидывает меня навзничь и шутливо колотит по моей груди кулачками. Может, только поэтому я не превратился в велеречивого говнюка, как некоторая часть моих друзей.

Мои отношения с Самбой продолжались несколько лет. В перерывах между своими поездками она оседала у меня на несколько дней, и я практиковался в жёстком мужском спорте, накрепко спаянном с трогательной женской нежностью.

Но однажды Самба позвонила мне из какой-то дыры на другой стороне планеты. Всхлипывая, она сообщила, что встретила мужчину своей мечты на каких-то международных соревнованиях. И пригласила меня на свадьбу. Добрая, милая девушка. Кто ещё мог так вот пригласить меня на свадьбу? Именно за Самбу я был искренне, по-настоящему рад. Я от души желал ей исполнения всех её желаний. И, грешным делом, в тот же вечер позволил себе устроить невероятный дебош в первом попавшемся клубе.

Прошло уже довольно много времени. Недавно я узнал, что Самба провела почти полгода в больнице после совсем не любовной схватки со своим мужем. Он лупил её какими-то строительными инструментами по голове, сломал несколько ребер и обе руки...

Многие знания рожают многие печали. Я надеюсь, что, может быть, однажды она позвонит. Где бы она ни была, я слетаю за ней, привезу её сюда, заласкаю её раны и позволю ей положить себя на лопатки. Много, много раз.

Позвони мне, Самба. Просто позвони.

Терра

Некрасивая, невысокая Терра вышла ко мне из темноты театральных закулис. Она воображала себя влюбленной в одного моего пустого приятеля-актера и, разумеется, в мечтах видела себя вместе с ним в лучах славы на голливудской оscarовской дорожке. Мое первое впечатление об её, скажем так, интеллектуальной ограниченности, оказалось в корне неверным, что и положило начало нашей связи.

Имя для Терры сложилось у меня в голове не сразу. Но однажды она попала при мне в весьма неловкую ситуацию – подвернула высокий каблук и некрасиво села прямо в осеннюю московскую грязь. Немногие женщины выйдут из такой ситуации с достоинством. Часть будет изображать подстреленного лебедя, многие напряженно посмеются над собой, некоторые прикроются смущением, некоторые разволнуются из-за испорченного пальто. Терра ухватила за мою протянутую руку и просто констатировала: «Нехорошо получилось». В этом не было ни капли кокетства или юмора. Просто констатация факта. И это было потрясающе. Я выразился в том духе, что теперь она словно вышла из земли, и тут же понял – вот моя Терра, богиня земли и естественности.

Не могу сказать, что Терра сразу пала жертвой моих чар, вовсе нет. Но с ней я не торопился, это был тот самый случай, когда заранее знаешь, что эта девушка придёт. Мы пересекались в богемной тусовке, пару раз я сводил её на премьеры. И однажды она примчалась прямо ко мне домой, вручила бутылку коньяка и стала по-простому раздеваться. До меня у неё было лишь двое любовников, которые не смогли ей дать ничего. Дураки, ибо женщин, ведущих себя настолько естественно, в природе встречается

мало. Я помню, как она была заморожена реакциями своего тела, как искренне радовалась своим открытиям, как восторженно исследовала грани власти над моей страстью. Это была такая природная, настоящая невинность, и мне всегда будет немного жаль, что я стал причиной её исчезновения.

Терра до меня – это крашеная блондинка с короткой мальчишеской стрижкой, в вечных джинсах, подчёркивающих её толстенький зад, в немыслимо дурных блузках и бесформенных куртках, в кричащей обуви на неизменно высоких шпильках.

Кажется, я нарисовал не слишком впечатляющий образ. Но мой интерес был вызван не её внешностью. Терра поразила меня тем, что многие установленные мною правила для женщин она выполняла как бы автоматически, её не надо было учить. Она всегда и везде была готова к сексу. Любому. На ней всегда было красивое бельё – не обязательно шелк с кружевами, но что-то выглядящее новым и свежим. И она ни разу даже не попыталась манипулировать мной посредством секса.

Случайно выяснилось, что я знаком с её отцом. Но в моей голове так и не совместились, как у чопорного консерватора с махрово ханжескими предрассудками родилась моя естественная Терра. Возможно, это был такой протест природы.

С Террой у меня было всё. Всё, что только можно придумать. И ещё немного больше. Мы начали сексуальные отношения с классических поз и традиционных постелей. Но постепенно секс с Террой стал для меня чем-то само собой разумеющимся в любых условиях и обстоятельствах.

Мы любили друг друга под водой. Мы трахались, купаясь в тропическом водопаде. Мы ублажали друг друга в кузове едущего по трассе грузовика. Секс был естественным и простым продолжением любого нашего разговора. И началом новой беседы.

Мы изучали восточные трактаты, смеясь над нелепостью некоторых поз и обозначений. Мы воспроизводили античные мифы, пытаясь понять, где сказка подменила реальность. Мы находили порнографические отрывки из европейской литературы и снимали друг друга в роликах-иллюстрациях этих перлов эротического искусства.

Мы исследовали некоторые стороны садомазохизма. Терра без тени колебаний позволила мне провести несколько отчасти рискованных опытов, совмещающих её возбуждение с болью. Результат порастил нас обоих. Я боялся, что не почувствую ту грань, которую нельзя переходить. Она считала, что не сможет получить удовольствие. Но в итоге оказалось, что грань находится совсем не там, где я предполагал. А накал её чувственного забытия оказался изрядным сюрпризом для неё самой.

Терра – единственная женщина, которой я разрешил себя связать. И она превратила этот опыт в нечто захватывающее и весёлое. До этого я полагал, что люблю доминировать, что для хорошего секса мне нужна свобода действий. Терра сделала из меня невольника, довольного своей участью. Более того, этот невольник жаждал цепей, рабства и возможности лизнуть ножку (и не только) своей госпожи.

После экстрима и извращений мы возвращались к простому сексу и находили его не менее прекрасным и захватывающим.

Я постепенно привил Терре вкус к одежде определенного стиля. И отучил пользоваться тошнотворными парфюмами для престарелых. Мне хочется верить, что мои суждения о том, каким должен быть настоящий мужчина, способствовали смене её орбит общения. Но, если быть честным с собой, полагаю, что это в любом случае произошло бы.

Терра провела для меня несколько познавательных экскурсий по миру руин некогда блистательных архитектурных памятников. Благодаря этому я вляпался в бизнес по спекуляции недвижимостью и на некоторое время даже стал совладельцем одного знаменитого архитектурного шедевра с рядом мемориальных табличек на фасаде.

Я трижды возил Терру за границу, и это был замечательный отдых, в котором не надо с кислой физиономией бродить по могилам тысячелетней давности. Терра возила меня по российским провинциальным городкам, и эти погружения в иное течение времени помогали мне абстрагироваться от ежедневной, суетной текучки мыслей, позволяя придумывать нечто новое и неожиданное.

Я знакомил Терру с театральными знаменитостями и режиссёрами, она использовала связи отца, чтобы вывести меня на высокопоставленных чиновников и олигархов. Я покупал ей серьги и браслеты, она дарила мне галстуки и запонки. Я дразнил её «толстенькой жопкой», она поддевала меня в ответ «рваной бородой» (у меня есть маленький шрам на подбородке).

Мы с Террой отлично ладили во всём, кроме одной темы. Она хотела быть моей единственной женщиной. Достаточно долгое время она и была единственной, но не хотела верить в мои честные заявления, что это так и есть.

Подозрительность Терры к любым моим контактам с женщинами была и трогательной, и раздражающей. Она время от времени делала попытки покопаться в моём телефоне или электронной почте, она изводила меня вопросами и придирами насчёт моего невинного разговора с девочкой на каком-нибудь ресепшене. Она мастерски ловила меня на нестыковках, которые по её мнению свидетельствовали о моих изменах. Но они свидетельствовали только о моей усталости или забывчивости.

Увы, невозможно доказать ревнивице свою верность. Я испробовал всё, но добился лишь всплесков следовательского азарта. И на первую измену Терра сама меня спровоцировала. Послушав минут сорок её речь о том, что я специально пиялся на какую-то официантку, потому что она была хорошенькая и сисястая, я пошёл и убедился, что девка с подносом действительно была такой, как описала моя дорогая возлюбленная.

Ещё через некоторое время я перестал скрывать от Терры свои измены. Дескать, получи, любимая, то, что тебе так хотелось. Как ни странно, это её успокоило. Она ехидно прохаживалась насчёт моих связей, она вставала в обиженную позу, она изредка устраивала подлянки, срывая мои свиданки на стороне, но она совершенно избавилась от истеричной подозрительности, которая выводила меня из себя.

Несколько месяцев между нами были идеальные отношения. Потом Терра додумалась до симметричного ответа. Она выросла, повзрослела, многому научилась, а я наивно верил, что моей неотразимости хватит до бесконечности. Но в один из наших волшебных вечеров, лежа на кровати и болтая ногами, Терра с присущей ей прямоотой сообщила, что завела интрижку с другим мужчиной. Другим оказался известный писатель, блоггер и автор политического бестселлера. Терру очаровала его интеллектуальность, вечеринки с чтением стихов и некая пусть косвенная, но принадлежность к тем избранным, кто знает секреты пружинки власти.

Я быстрее Терры понял, что случайная интрижка переросла в бурный и страстный роман двух схлестнувшихся сильных характеров. Я знал, что Терра обманывается, что её избранник далеко не так умён и добр, как она себе уже вообразила, но разве есть слова, которыми можно остановить влюбленную женщину? Я не без горечи устроил ей прощальный вечер, «подло, гадко и внезапно бросив несчастный толстый задик».

Терра сегодняшняя — это шатенка с волнистыми волосами до плеч, предпочитающая классические костюмы со свободным покроем брюк, и элегантную обувь на средней высоты прочно стоящих каблуках. Одна моя шутка стала её серьёзным хобби — теперь у неё часто меняются сумочки, которые она сама делает из разных материалов. Благодаря этой фишке она слывет стильной и оригинальной дамой. До меня доходят слухи, что она не оставляет попыток стать значимой в театральной среде. Но немного настораживает, что после пяти счастливых лет супружества у неё так и нет детей. Я знаю, что она мечтала о малыше.

Иногда мы пересекаемся на выставках или премьерах. И я неизменно даю ей понять, что всё ещё хочу её, и двери моего дома всегда открыты для неё. Она делает вид, что не понимает моих намеков. Но я только улыбаюсь в ответ. Я знаю, что с этой женщиной нет смысла торопиться.

Терра, дорогая, однажды ты придёшь.

Инди

Инди – порноактриса. И с ней я испробовал многое из запретных плодов, не боясь никаких возражений и ограничений.

Инди любит анальный секс. С двенадцати лет её регулярно насиловал заботливый отчим – он не трогал интимные зоны падчерицы (девочке же ещё замуж выходить), только пользовал другое подходящее отверстие. Когда девочка отчаялась получить помощь матери, она нашла нужные книги и успешно развратила себя сама. Сначала просто тиская заветное местечко. Потом самостоятельно лишив себя девственности подходящей ручкой какого-то кухонного аксессуара. А затем и вовсе совмещая «упражнения» отчима с закладкой разных предметов во влагалище.

В пятнадцать она поняла, что может неплохо подзаработать, позволяя разным дедушкам потрогать её и даже потрахать. В шестнадцать стала сниматься, откровенно демонстрируя камере трюки вроде втягивания во влагалище разных предметов и их последующего появления. Получив аттестат об окончании школы, Инди села в поезд и приехала покорять столицу. В некоторой степени ей это удалось.

Но всё это я узнал много позже.

Встретились мы с Инди в клубе. Я искал танцовщицу для шоу у друга на вечеринке. Инди не была танцовщицей. Но сразу уверенно завела меня в какой-то закуток и попыталась затиснуть мою немаленькую руку в тесную ширинку своих штанов.

Я могу казаться средоточием разврата и порока, но такие ситуации мне не по вкусу. Я всё же предпочитаю сам выбирать партнерш. И не бросаюсь на первую встречную юбку. Да, в нашем странном обществе так устроено, что при патриархальном укладе и, в целом, заниженной самооценке женщин, именно женщины решают, с кем им спать. Но это не значит, что мужчина обязан по первому их требованию предъявить напряженный член, улыбку на лице и заготовленную речь о том, как он счастлив.

К тому же обычно я не интересуюсь ни проститутками, ни порнодевицами – в них слишком мало индивидуальности, слишком много навязанных профессией шаблонов. Я считаю их в среднем скучными. Но с Инди всё оказалось иначе.

Я всё-таки нанял её танцовщицей. На той самой вечеринке переспал с ней. И начал время от времени с ней встречаться. Такое вот инди-муви получилось.

Инди поразила меня двуличностью на грани шизофрении. А, может, и за гранью.

Невинная трогательная Инди-девочка с восторженно-глупым взглядом на мир казалась таким ребёнком с рождественской открытки. Молитвенно складывая руки, Инди чуть склоняла голову перед иконой, висящей в углу снимаемой ею квартиры, и я начинал верить в милостивого Творца. Ангел пел добрые песенки, ангел читал стихи, ангел рассказывал истории из библии, и я притаскивал ей подушечки с вышитыми умильными котятками, чтобы ощутить нечто сентиментальное при виде того, как она прижимает её к себе.

Развращённая и не знающая никаких ограничений Инди-порнопрофессионалка швыряла подушку в угол, дьявольской кошкой прыгала на кровать, выпячивая крепкую задницу, и я трахал её, всё ещё слыша в голове чистый детский голос, выводящий что-то о «кораблях, ушедших в море».

Скорее всего, так сработал какой-то инстинкт самосохранения. Страшное детство, полное боли и унижений, безрадостную юность и не особенно радужное настоящее

заслонили вымышленные картинки ангельской жизни, в которую Инди убегала от всех проблем.

Я знаю нескольких мужчин, которые крепко садились на крючок Инди в потворстве собственным фантазиям. Сочетание тотальной развращённости и наивной детской чистоты сносило им башню. Вроде бы трахаешь профессионалку и в то же время – ребёнка. Понимая бесперспективность собственного увлечения, эти мужчины всё же дарили Инди смешные (и подчас очень недешёвые) игрушки и заваливали «ангела» там и так, как только могли додуматься.

Кому что, а меня эта детскость быстро достала. Я предпочитал Инди-профи, хотя с ней было куда больше проблем. Она требовала денег, и её аппетиты быстро росли. Она кланчила подарки, и несуразность этих просьб подчас вызвала желание взять и придушить разратную девку. Она хотела «выходить в свет», и отказы вызывали странные демарши вроде «пойду и пересплю с футбольной командой». Киношка про Инди и футбольную команду была уже состарившимся хитом, так что угроза выглядела смешно и нелепо.

Я какое-то время терпел, потому что осознавал, что такая связь может быть интересной. Не с точки зрения общения, а с точки зрения изучения секса как секса. Я истраhal профессиональное тело Инди всеми возможными способами. Я опробовал то, что не получалось даже с опытными подружками. Я изучил несколько поз, которые обычно женщинам не под силу – они требуют растяжки и определенной физической подготовки. Не уверен, что всё это относится к той категории знаний и ощущений, которые действительно необходимо испытать в жизни, но если уж подвернулся случай, почему бы не зайти в темы тех сексуальных техник, поз и удовольствий, которые обычно табуируются?

С Инди я познал странное ощущение, когда ты наблюдаешь за тем, как кто-то другой трахает твою подружку. Для Инди это была только работа, и она не видела ничего особенного в моём присутствии в студии. А вот в своих эмоциях я разбирался не без изумления. Чего только не отрылось в результате замысловатого самокопания. И собственнический инстинкт. (Моё! Ну и что, что мне нафиг не нужно? Моё!) И нелогичная ревность (Говнюк! И подлая змея! Убью! Всех убью!) И виртуальное биеение себя в грудь. (Я лучше! Я красивее! Я умнее! Ну и что, что дурачок? Я самее!)

Всё это было забавно и познавательно, но довольно скоро я понял, что в отношениях с Инди меня держит в напряжении тема безопасности. При всём внимании, уделяемом мной контрацепции, с большинством подружек я могу трахаться время от времени без презервативов. С некоторыми я не думаю о защите вовсе при оральном или анальном сексе. Но с Инди я брезговал даже целоваться. Я знал, что у неё чистые анализы, что она регулярно проверяется, что в принципе риск нарваться на нехорошую болячку, передаваемую тем самым путём, с Инди даже меньше, чем в случайной связи с вроде бы милой и скромной девочкой-припевочкой. Но избавиться от давящих подспудно мыслей о необходимости «надеть второй презерватив» я не мог. И это всё больше раздражало, поскольку экстремальные выверты постепенно исчерпались, а количество сексуальных партнёров Инди, о которых я знал, быстро росло.

Через какое-то время встреч с Инди, не частых, но регулярных, я понял, что и сам страдаю раздвоением сознания. Одна часть моего разума знала, что Инди – такая, какая есть, и что ей комфортно и хорошо в той жизни, какую она ведет. Но остатки правильного воспитания на книгах русских классиков требовали от меня каких-то действий для спасения «падшей женщины». Я сопротивлялся самому себе до последнего, но потом как-то увидел зверский синяк на ягодице Инди, не удержался и сыграл в благородного рыцаря.

Я попытался вытащить Инди из дыры порнобизнеса. Я устраивал ей кастинги и прослушивания, я тупо свёл её с несколькими режиссерами (хотя и знал, что все эти знакомства закончатся в постели). Я оплатил ей вполне респектабельное портфолио. В общем, я боролся за честь и достоинство прекрасной дамы аки лев. Но всё было

напрасно. Хорошая девочка в голове Инди просто не понимала, что в её жизни не так. А плохая предпочитала стабильные заработки и гарантированное внимание со стороны мужчин без каких-либо напругов с её стороны.

Однажды я решил, что достаточно настрадался всей этой фигнёй. Инди нисколько не расстроилась, мило сообщив, что все равно собиралась в круиз с богатым и старым дядькой. Через месяц после окончания круиза дядька выпустил очередной порнографический «шедевр», а Инди нашла какого-то следующего продюсера.

Я не знаю, где она сейчас. Около двух лет назад она вдруг перестала сниматься. Но я боюсь у кого-нибудь спросить, почему. Меньше знаешь – лучше думаешь о мире.

Эльф

Без всяких оговорок Эльфа я назвал Эльфом, потому, что она Эльф и есть. Толкиенутая барышня в крайне странных одеждах попала мне случайно на одном прослушивании, и обольстил я её скорее из интереса к её увлечению, нежели к ней самой.

Бледненькая невзрачная девушка с роскошной копной русых волос, неуместной экзальтацией и знанием сауруновских заклинаний подарила мне на первое свидание странный грязный камень. (Отмыл и положил в аквариум.) На второе она припёрла корягу почти в метр длиной. Мне надлежало украсить этим природным «шедевром» столик в гостиной. (Столик – это флорентийская мозаика, красный мрамор, художественная ковка и бирка одного крутого дизайнерского дома. Я как вспомню, сколько эта штука стоит, рядом проходить боюсь, чтобы не дай бог не поцарапать. Так что корягу я тихо сплавил в мусоропровод. Повезло – пролезла в дырку.)

Два весьма заурадных вечера привели меня к мысли, что пора с эльфийским унынием завязывать. Но вместо третьего свидания меня пригласили на загородное собрание длинноволосых фанатов размахивания деревянными дрынами.

Я поехал на этот замес не один. С парочкой друзей. (Мало ли, какие там фанаты будут. Я, конечно, мужик крепкий, но не испытываю энтузиазма проверять себя на прочность дрыном.) Еды с собой мы нормально взяли. И водки тоже. Единственное, в чём я прокололся – нацепил прикид типа мексиканского национального костюма чарро. Костюм этот я однажды купил по-пьяни в самой Мексике, и с тех пор ждал случая показаться где-нибудь таким красавцем – в кожаных штанишках со шнуровкой, в курточке с вышивкой и в сомбреро. Чем не король?

Не прокатило. От сомбреро я отказался, но нас, как чужаков, всё равно приписали к армии тёмных сил. Мои робкие попытки пробраться к Эльфу блокировали суровые ребята с дрынами в руках, и я решил, не нарываясь, плыть по сценарию.

Сценарий оказался странным. Только мы с друзьями втроём прилегли на природе и приступили к неспешной философской беседе на тему «Есть ли жизнь в туманности Улитка?», как прибежал какой-то странный чел и начал вопить, что гоблинов скинули в тартар. Ответа на мой скромный вопрос, откуда в этой толкиенутой стране взялся тартар, чел не знал, но очень волновался, что гоблины теперь останутся без какого-то Топора счастья.

Чел ушёл нафиг, но вместо него примчался другой – с известием о том, что стена великого Самуряна пала. Кто такой Самурян, я без гугла не помнил, поэтому отнёсся к трагическому известию без должного внимания.

Полежав ещё часик и разругавшись из-за зелёных улиток, завоевавших космос, пока люди коллайдеры гоняют, мы узнали, что «Наших бьют!»

А ещё через час я понял, что очень грамотно подошёл к выбору своих спутников.

Один из моих дружков получил-таки дрыном по морде и разозлился настолько, что раскидал всех эльфийцев как выдернутую морковку. Ещё бы, он на джедайских

двусторонних мечях чокнут, ему своя тусовка фанатов звёздных войн даже какую-то бумагу выписала. Про посвящение в рыцари самого высокого уровня.

Второй приятель привёз с собой любимую дубинку. И почти все на полянке быстро сообразили, что дрын против дубинки ни разу не оружие. Я потом посвятил пленных эльфов в то, что этот крепыш – из отряда богатырей, которые регулярно машутся дубинками под стенами разных крепостей. Готовятся к встрече с Соловьём-Разбойником.

Ну а пока все засмотрелись на захватывающую стычку психов из разных палат, я, собственно, победил в этой «зарнице», украв из палатки светлых сил чью-то там корону. Моя палата – там, где наполеоны разные собраны.

Орки вопреки всем сценариям победили. В качестве награды мужественному орку-джедаю досталась хорошенькая принцесска, на которую он вскорости и сменял свою троллеподобную жену.

Второй герой битвы успешно завалил под куст какую-то гномиху. На этой странной даме была борода и кольчуга, что необыкновенным образом сказалось на сексуальной активности её покорителя. Приехав домой, он в ту же неделю заделал жене аж двойню пацанчиков.

А очень довольный собой король, тяпнувший стопарик водочки (это довольно много для меня), исполнил что-то зажигательно-танцевальное неопределённого стиля, после чего обнаружил, что светлый Эльф прямо-таки тащится от грязного изнасилования на куче мусора.

Нет, я не собирался ничего такого с ней делать. Я обычно предупредителен и корректен по отношению к своим девчонкам, и развлекуху после славной победы я видел как нежное уединение в лесочке. Я ж подготовленный припёрся. Матрасик захватил. Полог специальный. Подушечек пару.

Но едва мы с Эльфом немного отошли от места максимальной концентрации людей, как она взвизгнула и стала отбиваться от меня кулачками. При том, что я даже и не держал её. Обалдев, я сделал трусливую попытку отбежать в сторонку, но девушка оказалась настойчива. Рванув следом, она закричала громче и начала сдирать с себя одежду, приперев меня своим не мелким бюстом к стволу дерева.

Я закрыл ей рот ладонью, резко впечатал уже её саму в шершавую кору и попытался что-то спросить. Эльф закатила глазки и задрожала всем телом. И со всем своим знанием женщин я тормозил ещё довольно долго, гадая, что с ней: Пмс? Эпилептический припадок? Приступ тропической инфекции? (Я тоже умру? Меня тоже будет так трясти?)

Лишь когда нежная девушка стала недвусмысленно биться о дерево попой, в моих мозгах забрезжил проблеск понимания происходящего. Я был так озадачен, что не сразу смог настроиться на то, чего от меня ждала барышня.

Склонность к лёгкому мазохизму есть у большинства женщин, и фантазии, в которых женщины с радостью снимают с себя ответственность за происходящее – обычны, привычны и предсказуемы. Эльф не была мазохисткой. Но любила фантазии с вывертами. Хотя главной темой оставался сюжет о том, что она – чистая ангельская дева, которую ужасное и отвратное чудовище насилует в какой-то грязи и мерзости.

Ничего особенно нового для меня в этой конструкции не было. Но я сам люблю играть роль какого-нибудь злого пирата или похотливого разбойника, опять же жестокого короля. Быть чудовищем, да ещё и трахаться чёрт знает где – быстро надоедает. И всё же я проверил, как далеко может зайти Эльф в потворстве своим извращённым мыслям.

Я взял её в грязном подъезде, и она, всхлипывая, сообщила, что это был лучший секс в её жизни. Я затащил её в общественный мужской туалет, зажал в углу кабинки и грубо исследовал все интимные части её тела. Она плакала от счастья. Я трахнул её на заброшенной стройке. Она попросила сделать это ещё раз. Наконец, я отодрал её однажды

в подвале старого дома, полном нечистот и мерзких запахов. Она сказала, что это было прекрасно.

Палата наполеонов – это меня устраивает, а вот оказаться в компании сексуальных чудовищ – не хотелось бы. Плюс при одной мысли об очередном грязном (в прямом смысле) эксперименте, мой член съёживался и стремился заползти поглубже в трусы. (Позже я научился это использовать, чтобы сбивать сексуальное напряжение.)

Я предпринял с десяток попыток поговорить с «чистой девой» насчёт того, что нельзя слишком уж отдаваться деструктивным фантазиям. Но тщетно. Она хотела от меня только одного и как только понимала, что вот прямо сейчас я не потащу её в клоаку, хлопала дверью, воображая почему-то, что я побегу следом. Оказалось, правда, что слово «психотерапевт», произнесённое мной, заменяет половину тисканий в дерьме. Стоило мне его произнести, как Эльф начинала мелко трястись, ронять крупные слёзы и, всхлипывая, лепетать что-то про то, что я – мерзкое чудовище.

Устав от всей этой ерунды, я вежливо послал Эльфа в мордор.

И начались провокации. Эльф напала на меня возле моего офиса, едва я успел выйти из машины. Эльф подкараулила меня в продуктовом супермаркете, когда я мирно насыпал в тележку хавчика. Эльф ухитрилась устроить спектакль в театре, где я увлечённо пас совсем другую козочку. Со стороны всё выглядело так, будто здоровый детина нагло и бесцеремонно пристаёт к молоденькой девушке, а она отбивается изо всех сил. В действительности, это меня брали на абордаж.

Все телефоны и почты Эльфа ушли в игнор. Мои близкие и коллеги получили предупреждение о возможности появления неуравновешенной особы, которая мнит меня чудовищем. Я даже обзавёлся охранниками, спровоцировав невероятные слухи о своём конфликте со всеми мафиями мира. (Хотел бы я, чтобы это было так. В конфликтах с мафиями есть одно несомненное преимущество – с мафией есть шанс договориться.)

Вроде помогло. Эльф перестала меня доставать.

Через пару лет мне позвонили с Украины, настойчиво прорвавшись сквозь секретарей, автоответчики и роуминги. Глухой мужской голос представился врачом психиатрической больницы и попросил рассказать ему о моих отношениях с Эльфом. Врач пытался понять, насколько адекватной была его пациентка в тот период. Собирал анамнез. Я с некоторым обалдением осознал, что шутки шутками, а чокнутая девица всё-таки докатилась до реальной психушки.

Всё оказалось и просто, и страшно.

Однажды мысли Эльфа материализовались. Поздно вечером рассеянную толкиенистку, сошедшую с пригородной электрички, затащил в кусты и изнасиловал поддатый мужичонка. Но это не было её фантазией. Это было настоящим изнасилованием. И попыткой убийства. Спьяну насильник не понял, что не додушил свою жертву. Истекая кровью и задыхаясь, девушка пролежала нагишом всю холодную осеннюю ночь, и только утром её нашли торопящиеся на работу железнодорожники.

Её спасли и вывели, её насильник был уличён и осуждён, но Эльф так и не вернулась из мира чудовищ, который поглотил её. Сейчас это тихая и милая женщина, часами расчёсывающая свои заново отросшие волосы, вышивающая крестиком картинки по образцам и обожающая смотреть диснеевские мультики про фей.

Я посылаю ей наборы для вышивки. Это всё, что можно сделать.

Самара

Ночной клуб. Пьяненькие мужчины. Расслабленные женщины. Высматривающие добычу девки. Жратва. Игра. Музыка. Огни. Часы в клубах сигаретного дыма. Бессмысленное времяпрепровождение для одних. Место для манипулирования словами и

внушения партнерам нужных шаблонов для других. Обычно я оказываюсь в таких местах как раз с целями навязывания своей точки зрения. Иногда это оказывается испытанием, о котором наутро думаешь – блин, а стоило ли оно того? Слишком много отравленного воздуха и дурного алкоголя.

Я не курю. Пробовал, начинал, но всерьёз на никотин не подсел. В мире достаточно яда, чтобы ещё и травить себя самостоятельно. Я почти не употребляю алкоголь. Мой организм плохо его воспринимает – у меня тяжелейшее похмелье, сваливающее меня на пару дней. Конечно, любой знающий меня человек заявит, что это неправда. Что я литрами жру водку и не закусываю. Но фокус этот я освоил еще в ранней молодости, когда понял, что не могу перепить большинство сверстников. В нашем обществе, к сожалению, принят стереотип, что если ты не пьешь – ты и не мужик. А это усложняет ряд деловых контактов. Так что я научился пить крайне мало, но создавать впечатление, что счёт идет на литры. Опять же в большинстве случаев я выгляжу куда более пьяным, чем есть на самом деле. Это помогает – навязывать дуракам свои решения.

И вот однажды красивый такой я – в дорогом костюме, в подпитии, с благодушной мордой, и уже приметивший дамочку, которую приятно будет попозже потискать, – обнаружил, что прибывшие на встречу со мной дураки притащили с собой убогую недодевушку. В качестве объекта моего сексуального интереса.

В принципе, деловое сутенерство – с древности известная практика, и я знаю людей, кто активно пользуется неспособностью мужиков удержать свой член в штанах. Но на предлагаемый «сладкий приз» у меня попросту не стояло. У неё было плоское кукольное личико, раскрашенное слишком вульгарно, дурная прическа из каких-то кудряшек, полупрозрачная мятая блузка, за которой виднелись недоразвитые сиськи. И – самое ужасное – у неё были чудовищные руки в ссадинах с обгрызенными до мяса ногтями.

Когда я окончательно убедился, что это недоразумение должно склонить меня в пользу выдачи неких инвестиций людям, которые, очевидно, со своей стороны сочли меня ну слишком уж дураком, мне стало себя очень жалко. Примерно как подростку, внезапно обнаруживающему, что он никакой не избранный, а один из миллионов рабочих лошадок. На почве этой жалости я совершил чудовищный обман – полностью выпотрошил кошельки переговорщиков на дорогую выпивку (персонал клуба давно меня знает, и всегда рад и развлечься, и обогатиться с моей подачи), пообещал несколько серебряных лун и золотых гор, всплакнул под ностальгическое «куда уходит детство» и ударно показал класс в танцах диких бразильских обезьян. В-общем, ушёл в отрыв, точно зная, что ни шиша расплывающиеся в улыбках мерзкие рожи сводников не получат.

Результат отрыва оказался неожиданным. Девочка самоотверженно бросилась меня спасать. Она пыталась поддержать мое покачивающееся тело, когда я отправился в сортир. Она терпеливо умыла мою морду и попыталась втолковать, что её дядя и тетя – обманщики. Каюсь, первое, что я заподозрил – что игра чуть тоньше, чем я решил сначала, что все это тоже просчитано и является частью разводки. Несчастная дева бросается на выручку благородного рыцаря и выигрывает. Типа рыцарь ведётся на доброту, принимает участие в судьбе несчастной девочки и платит злым дядьке-тетке требуемую сумму.

Чёрные очки цинизма иногда мешают разглядеть реальный мир ничуть не хуже розовых стекол наивности. Всё оказалось таким, каким выглядело. Самара оказалась бесхитростной девушкой, не понимающей, какую жестокую карту судьбы сдали ей на небесах.

Самарой я её назвал, потому что тот самый бизнес, для которого нужны были деньги, находился в Самаре. Единственной официальной владелицей бизнеса была мать Самары, сбежавшая от мужа-алкоголика через полгода после рождения ребёнка. Ребёнка

она оставила мужу и за всю жизнь видела дочь ещё три раза. А жизнь её окончилась безвременно – в пожаре от непотушенной сигареты. Вместе с курильницей сгорел её второй муж, который, собственно и зарегистрировал на её имя тринадцать компаний, занимающихся различными махинациями вокруг автомобилей и запчастей к ним.

Тетя и дядя Самары решили, что им выпал в жизни счастливый билет, но как-то вдруг выяснилось, что полукриминальный автобизнес не похож на баксо-плодоносящее дерево. Когда долги по нахапанным кредитам достигли критической отметки, опекуны наследницы отправились на покорение столицы, попутно промывая мозги девчонке на тему того, как она должна себя вести. Представления эти были почерпнуты из сериалов и жёлтой прессы, так что получилось то, что получилось. Самару несколько раз трахнули разные дядьки, но этим все и кончилось.

Вник я в этот житейский расклад уже дня через два после ночного отрыва. И с подначки одного из своих сотрудников вдруг увидел в ситуации руку провидения, которое словно подталкивало ко мне девчонку-недоразумение. И поддразнивало: из этого обгрызка тебе не сделать настоящую женщину.

Я пригласил Самару вроде как на свидание, но привез в свой офис и объяснил, что денег ей не дам. Но что мой соблазн примерить ампулу одного известного скульптора слишком велик, поэтому если она хочет реальных перемен в жизни, она будет послушной девочкой и сделает то, что я скажу. Она послушно согласилась и тут же отгрызла жалкий клочок своего ногтя, оставив жуткий кровоточащий заусенец.

Для начала я показал Самару почти трём десяткам очень разных людей, причём как мужчинам, так и женщинам. И ставки на то, что из этого ужаса не слепить приличной женщины, доросли до круглой суммы, которая удивила даже меня. Первоисточника идеи (греческого) и неплохой переработки (английской) большинство спорщиков не то, что не знало, а и не подозревало об их существовании. (Пигмалион и Галатея – классический античный сюжет, желающие найдут его повторения во всех литературах мира.) Так что я сразу прослыл изрядным затейником.

Потом я решил все проблемы с наследством Самары. Самое разумное, что можно посоветовать опекунам и самому ребенку в такой ситуации – продать всё унаследованное и побыстрее. Увы, я не знаю в нашей истории примеров, когда преданные управляющие терпеливо годами развивают чужой бизнес, чтобы выросшая маленькая принцесса смогла раздавать на улицах булочки голодным сироткам. Как правило, всё или разворачивается до последней кнопки или все активы быстро передаются компаниям, которыми владеют совсем другие люди. Мы всё-таки не в старой доброй Англии живем. (Хотя и там, судя по Диккенсу, ворья хватало.) В-общем, один умный человечек отправился монетизировать то, что ещё не успели растащить. И успел как раз к шапочному разбору. То, что удалось спасти, было положено на счет Самары. (Что она сделала с деньгами – не знаю. Вероятнее всего – попросту забыла о них.)

Затем я снял девочке квартиру. И занялся творчеством.

Если вы думаете, что я отвел её в салон красоты и модный бутик, откуда она уже выпорхнула феей, то вы круто заблуждаетесь насчет того, что важно в восприятии женщины. Естественность. Ни одна современная дама не выглядит в средневековом костюме органично – потому что не умеет его носить (ну, кроме актрис, их этому, представьте, специально учат). Деревенские дурочки, обвешивающие себя дорогими брендовыми тряпками – часто именно деревенскими дурочками и смотрятся, потому что кроме шмоток важен общий стиль, то, как ты себя ведешь, как сидишь, смотришь, говоришь.

Я отдал Самару учиться. Всему понемногу. Танцы, сценическое искусство, вокал, гимнастика, речь, история, музыка, кулинария, живопись, садоводство и так далее. Утро моей «скульптуры» начиналось в восемь, сигнал к отбою звучал в десять вечера. А день

был заполнен жёстким расписанием уроков и забот о поддержании домашнего хозяйства. Жёсткий режим, никаких поблажек, наказания за любые провинности и строгие нотации в случае отступления от установленных правил.

Наказывал я Самару каждый раз по-разному. Шлёпал, лишал сладкого, запирал в кладовке, отнимал женские романы, рвал любимые шмотки и запрещал телевизор. Всё это было немного по-детски, и подчас я сам себе казался таким Карабасом-Барабасом, только без бороды, но Самара воспринимала все мои детские идеи именно как наказания, и мне было и смешно, и грустно слышать её горькие рыдания из-за дверей кладовки или перед выключенным телеком.

В прошлые времена мужчины часто вполне официально разделяли женщин на тех, с которыми общаются и занимаются чувственными удовольствиями, и тех, кого пользуют в супружеской постели ради детей. Первым давали хорошее и разностороннее образование. Вторым отводили роль законной утробы. Воспроизводство себе подобных меня не интересовало. Я сделал из Самары отличную гетеру.

Уроки эротики и секса я давал ей сам. И это было не просто совращением, это было вдохновением мужчины, заполучившем кусок пластилина и возможность лепить каждый раз новую и неожиданную женщину. Самара была послушной умницей, и мне сносило крышу предвкушение очередного свидания, на котором я мог целовать юную наложницу в гареме султана, или наслаждаться порочностью маленькой гейши в домике с раздвигающимися стенами, или ласкать тело венецианской куртизанки в палаццо с видом на море.

Время шло. Самара училась. Я понемногу пресыщался ролью «скульптора». Наши постельные игры совершенствовались, и однажды настал тот день, когда она сама проявила инициативу, получив что-то вроде оценки в пять баллов за секс-контрольную.

Тогда я и вывел её впервые к широкой публике, которая с нетерпением ждала нашего с Самарой совместного провала. Не знаю, как в античности, но в английских салонах всё же были распространены некие правила и условности поведения. В наших великосветских и особенно богемных кругах этих правил не существует вовсе, во многом потому, что великосветские круги представляют собой невероятную по всем критериям смесь людей и субъективных представлений о мире. И провалиться у нас могут лишь совсем уж ушибленные на голову люди, да и то, только если вызовут чью-то мощную личную неприязнь.

И всё же с Самарой я едва не провалился на обвинении в мошенничестве. Дескать, я не ту девушку привёл, какую некоторое время назад публике показывал. Убедившись в моей честности, спорщики начали записываться в очередь на знакомство с умениями девушки в постели. Поначалу я был недоволен таким развитием событий, но жизнь есть жизнь, и впоследствии многие из той очереди знакомство это осуществили, и даже простодушно заявляли мне, что остались очень довольны.

Самара стала одной из признанных светских львиц. Она раздавала советы гламурным журналисточкам, строчила блоги, участвовала в показах мод. Её приглашали на телепередачи и закрытые вечеринки, находя сногшибательно остроумной и ошеломляюще красивой. Выигранная сумма денег полностью покрыла мои расходы на обучение и воспитание девочки-недоразумения.

Но я не знал, что делать дальше со своим творением. Я привязался к ней, как привязываются мужчины к красивой преданной любовнице, в любое время дня и ночи готовый принять, выслушать, приласкать, утешить. Самара влюбилась в меня со всем пылом и страстью юной девушки, полностью зависящей от взрослого мужчины. Казалось бы, чего ещё желать для счастья? Но эти отношения были тупиковыми для обоих. Я помнил её обгрызенные ногти, и время от времени ловил себя на том, что слежу, не примется ли моя «скульптурка» за старое. Она поумнела и разобралась, что стала лишь моей игрушкой, прихотью избалованного мужчины.

Какое-то время мы плыли по инерции, пытаюсь сохранить очарование отношений творца и его произведения, но однажды я понял, что пора провести выпускной вечер. Была зима, и я увёз Самару в маленький отель одной из скандинавских стран, где мы и просидели всю морозную неделю, не вылезая из-под тёплых одеял.

После возвращения Самару некоторое время колбасило – она то бросалась в какие-то невероятные благотворительные афёры, то пыталась пробиться в мир дизайна интерьера, то устраивалась на работу в пиар-агентства. Встретив её однажды, я дал ей совет не метаться в поисках того, чего не существует, а просто наслаждаться жизнью. Она обрушила на меня гневный спич, сводящийся к тому, что я загубил её молодость, но совету последовала.

Через год Самара благополучно выскочила замуж за богатого европейского мальчика, которого оставила ради американского миллионера-толстячка, которого в свою очередь бросила из-за спортсмена-латиноса. И так далее. Лучшие мужчины мира отпускают её с грустью, но без боли, с томлением, но без страданий, с благодарностью за чудесное волшебство, которое с ними приключилось. Она пишет им всем. А они присылают ей цветы и драгоценности.

Иногда она мне звонит. Поздравить с днём рождения. И я, смеясь, обещаю, что женюсь на ней, когда перестану хотеть всех других женщин. Потому что даже и тогда я буду хотеть её. Она смеётся в ответ и обещает, что будет в этом случае самой ужасной из всех семейных мегер.

Я создал замечательную Женщину. Но иногда я размышляю о том, что где-то в самарской глубинке спился какой-нибудь Вася – та самая заветная половинка нескладной девчонки с обгрызенными ногтями. Прости меня, чувак.

Шери

Сладкую Шери я подцепил на автобусной остановке. Полагаю, было бы правильнее писать через два «р» – «Шерри», но поскольку девушка с двумя «р» – Терра – у меня уже была, Шери стала просто Шери.

Скажем так: обычно я не знакомлюсь на остановках. Даже более того – я крайне редко на них бываю. Но всё случается. По странной прихоти судьбы ранним летним утром я апатично ждал автобуса, который должен был меня вывезти из некоего районного центра в энской губернии в направлении столицы. Помимо меня транспорта дожидалась стайка девушек, из которых я сразу выделил одну – среднего роста, полногрудую, со стройными ногами богини.

Не знаю, зачем девушки носят мини-юбки. Когда видишь кривые ноги – как-то смазывается впечатление от выразительных глаз и красивого личика. Тем более не ясно, зачем носить мини-юбку, если в вашей компании есть кто-нибудь вроде Шери – ведь на фоне её совершенства все остальные ляжки выглядят уродливыми.

Но, тем не менее, факт: те девушки на остановке все были одеты в своеобразную униформу из мини-юбок и блузок. Я не сразу понял, что это вчерашние школьницы, собравшиеся в поход – покорять столицу. Никакого желания связываться с выпускницами у меня не было. Но в автобусе Шери села рядом со мной – и её закинутые одна на одну ноги сподвигли меня завязать знакомство.

Почти сразу меня поразило, что столь юная девушка прибегает в общении с мужчиной к странным уловкам. Она была слишком сладкой, слишком деланной, слишком откровенно демонстрировала свою грудь, и всё это было не результатом девичьей неопытности, нет, я понял, что это результат чьего-то влияния, внушения. Я пригласил её на свидание, и она оказалась в моей постели.

Увы, идеальных ног оказалось недостаточно даже для просто приличного секса. Зато мне удалось вытрясти из Шери всю историю её разбитого сердца. Соблазнил её один из любовников матери, с которой Шери копировала свои манеры великой обольстительницы. После десятка свиданий любовник заявил, что девочка ему надоела, мать, что-то заподозрив, начала запоздало воспитывать дочь в ключе неприятия секса, и Шери осталась в полном одиночестве переосмысливать мир и себя в нём.

Шери со всеми своими комплексами была мне не слишком интересна. Но эти ее точёные сильные ножки...

Я помог Шери поступить в институт. Совсем не в тот, куда она со всем апломбом деревенской дурочки собиралась (туда я бы её не устроил даже со всеми своими связями). Зато в выбранном мной приличном техническом вузе были довольно удобные общаги, а вопреки распространённому мнению учиться девочкам на большинстве технических специальностей не так уж и сложно, да к тому же и мальчишки всегда помогут.

Осенью у меня ушло примерно полтора месяца, чтобы вкусить от точёных ножек Шери всего, что только можно, и ещё немножечко разных извращений. Потом мы расстались, причём погружённая в новые впечатления учёбы в большом городе Шери восприняла мои прощальные расшаркивания как нечто лишнее и необязательное, чем меня немного покорила.

Мы не виделись до нового года, а потом Шери позвонила и сказала, что ей нужен мой совет. Я был заинтригован, а всё оказалось и смешно, и трогательно. Лишённая полноценного общения с отцом, Шери выбрала меня на роль своеобразного папочки, который если не материально, то морально поддержит «дочурку» добрым словом и толковым советом. Влюбившись, Шери решила узнать, что я думаю об её избраннике, и как, с моей точки зрения, ей лучше всего привлечь к себе его внимание.

Я, разумеется, дал ей совет. И поддержал морально, когда этот избранник разочаровал мою сладкую девочку. Потом Шери закрутила неприличный роман с одним из преподавателей, и я снова оказался в роли такого «мудрого голоса за кадром». Роман рухнул, когда преподаватель получил предложение поработать за границей, и именно моя кухня стала местом слёзного водопада Шери.

На третьем курсе Шери на чьей-то свадьбе приглянулась бравому майору. Майор был всем хорош, и я посоветовал Шери тащить его в загс, пока чувства свежи, а страсть не угасла. А ещё я объяснил сладкой девочке, что ей лучше не афишировать дружбу со мной и моё участие в её личных делах. Как позже выяснилось, это был самый мудрый совет из всех, что я бесплатно раздал в этой жизни.

Промелькнуло лето, и уже замужняя Шери, спрятавшая свои совершенные ножки в широкие и совершенно не подходящие ей клешёные брюки, снова оказалась на моей кухне. Слопав мой ужин, она принялась рассказывать о том, как прекрасно провела лето на даче мужа.

Шери ухаживала за клубникой, огурцами, помидорами, заготовила смородину, крыжовник, кабачки и лечо, разобралась с урожаем яблок, покрасила забор, перекопала и посадила газон, вычистила нужник, привела в порядок цветник...

Прервав длинный перечень героических трудовых подвигов Шери на даче, я погряз в длинном живописании её свершений на ниве кулинарии, уборки и ведении бухгалтерии для строительного ООО, которое принадлежало майору.

Я несколько не сомневался, что и генетически, и метафизически, да и как угодно Шери относится к русским женщинам-труженицам, но никак не понимал, зачем мне предлагают воздвигнуть моральный и словесный монумент в честь её заслуг. Оказалось, что всё это было лишь вводной частью, а реальная проблема Шери была стара, как мир, и неразрешима в принципе. Её муж относился к категории мужчин-ревнивцев.

Ревность в здоровых отношениях – это небольшой сигнал мозга, обрабатывающего некоторую информацию без участия разума. Сигнал как раз и предназначен для включения разума и выбора стратегии дальнейшего поведения. Для меня моя ревность – всего лишь знак того, что моя женщина кем-то (или чем-то) заинтересована. Очень часто за такими знаками ничего не следует. Даже если женщина заинтересовалась мужчиной, это не означает, что она будет стремиться к отношениям с ним. Для женщин часто куда более важно понимание того, что они сами для кого-то интересны, и опять же, этот интерес в большинстве случаев лишь осознание вероятности, некое мысленное «может быть».

Ревность – это нежелание конкурировать, и вместе с тем признание значимости конкурента. Если я ревную, я обычно присматриваюсь и стараюсь понять, почему я чувствую потенциальную конкуренцию с конкретным мужчиной, почему мой мозг решил, что этот мужчина может стать соперником? Женщина в этом не участвует. Поэтому бесполезно требовать от неё, чтобы она перестала быть кокеткой.

Под ревность часто маскируется чувство собственности. Мне знакомо и это ощущение, которое желательно в себе распознавать и не давать ему расползаться по разуму завистью и бессмысленным поиском виноватых. Да, мы лучше всего чувствуем себя тогда, когда у нас есть враги, и врагов этих можно перечислить поимённо (начиная с родненьких мамы-папы), когда врагов можно обвинить, заклеить, а с себя снять всякую ответственность за свою жизнь. Но настоящее счастье, непревзойдённый кайф – знать, что никакие враги, никакие обстоятельства не мешают тебе жить так, как хочется. Зависть, ревность, собственнические инстинкты – то, что способно этот кайф испортить напрочь. Гнать их надо подальше от себя.

Но есть такой типаж мужчин, которые живут по прямо противоположным принципам. Ревность – это то, что делает их значимыми, важными для себя и для мира, то, что заводит и приносит нескончаемые эмоции, от которых ревнивец прётся примерно так же, как наркоман со стажем прётся с привычной дозы дури. И ревность – способ сравнять предмет страсти с плинтусом.

Куда посмотрела? Опустит глаза! Зачем с мужчиной заговорила? Никогда так не делай! На какую-то работу ты собралась? Там же мужики на тебя пялятся будут! Сиди дома! Красивое платье? Зачем оно тебе? Одень старые брюки!

Результатов у такого давления на женщину бывает всего два. Женщины наставляют рога ревнивцу, а потом сбегает от него, не желая терять тот самый кайф от жизни. Или женщины, боясь бросить вызов мужской деспотии и проявлениям вообще-то слабого мужского характера, превращаются в скучных домохозяек с заниженной самооценкой, отсутствием интересов и невероятными «шорами» в том, что касается секса.

Шери рассказала мне, что её муж настаивает на том, чтобы она бросила учёбу из-за того, что вокруг неё много молодых парней. Что он не разрешает ей носить короткие юбки. Что он проверяет её аккаунты в соцсетях на предмет, не завела ли она себе какую интернет-интрижку. И я посоветовал ей бежать от такого семейного счастья – и чем быстрее, тем лучше. Конечно, она обвинила меня в нелогичности. И, конечно, я наставил первые рога bravому майору.

Попутно замечу, что для меня секс с бывшими – не измена. Какая может быть измена, когда всё уже было? Возвращение к сексуальным отношениям – просто элемент общения, ностальгический секс – примерно то же самое, что экстаз сорокалетней тётки на «дисотеке 80-х», вроде баба та же, музыка та же, а прошедшие с пионерского детства тридцать лет всё равно в карман не засунешь.

Мы встречались с Шери ещё несколько раз, и я с грустью наблюдал, как разрушающее влияние бравого майора превращает симпатичную нормальную девчонку в ограниченный и безвольный придаток мужа. Она постепенно начала думать, как он;

одеваться, как он сказал; делать то, что он велел. Я люблю менять своих женщин, но я всегда стремлюсь открыть перед ними какие-то новые горизонты, научить их ради них самих, ради того, чтобы они стали лучше и умнее, а потом научили и меня чему-нибудь интересному. Муж Шери стремился превратить её в свою тихую и послушную тень.

Я объяснял Шери всё, что вижу и чувствую относительно неё; она со мной соглашалась; она уходила, преисполненная решимости бороться за свою личность, за своё видение мира. Проходил месяц-другой, и я с ужасом встречал ещё более тихую, ещё более невнятную Шери, лишившуюся всего того задора, что когда-то сподвиг её на знакомство с мужчиной в автобусе. Периоды между нашими встречами удлинялись, сами встречи становились скучнее и банальнее, и я не заметил, когда эти встречи прекратились вовсе.

Однажды на весёлом летнем базаре разбитная торговка предложила мне заготовки из смородины, крыжовника, яблок, и я вдруг подумал, что уже очень давно не видел сладкую девочку с совершенными ножками. Мне удалось узнать, что институт Шери благополучно окончила, хотя последний год доучивалась, выезжая на ранее составленном хорошем впечатлении. Но потом и бравый майор, и его красивая жена исчезли на необъятных российских просторах. Продали всё и уехали неизвестно куда.

Шери, дорогая моя, если ты читаешь эти строки... Ты забыла у меня свой красивый платок. Я помню, что платок – подарок твоего мужа, и я всё ещё храню эту милую вещь. Ты можешь забрать её в любой момент.

Кали

Не знаю, почему сюжеты про секс с чужой невестой так привлекают кинематографистов, лично у меня остались от такой ситуации весьма двойственные впечатления. Возможно, у меня слишком чувствительная натура, не справляющаяся с тотальным подавлением совести. (Да, у меня есть совесть!) Или невеста была не в моем вкусе.

Обычно друзья держат своих невест от меня подальше. Так, на всякий случай. Это не спасает их от рогов, но позволяет им верить, что «вот уж моя-то Машка, Нинка, Верка (имена случайные!) мне верны». Я никогда не раскрываю свои интрижки, если дама замужем. Это спасает меня от неприятных разборок, а заодно привлекает ко мне довольно много замужних дам, ищущих приключений. Машки и Нинки, не говоря уже о Верках находят способы проверить, так ли я хорош, как говорят.

Димон привел ко мне свое сокровище с некой бравадой – это моя Ленка, она любит меня, и только меня, и мне нечего бояться тебя, какой бы сволочью в отношениях с женщинами ты ни был. Любящая только Димона Ленка прямо в прихожей выдала мне такой аванс, что я почти смутился. Ну, не так же сразу, милая?

Милая шла напролом, ничего не стеснясь и нагло пользуясь некоторой недогадливостью Димона в вопросах отношений мужчин и женщин. Он верил её словам. А её тело кричало о том, что всё это неправда.

Я назвал её Кали – в честь одной вредной восточной богини. Кали была по-своему интересна внешне. У неё были чуть раскосые черные глаза – сказывалась примесь какой-то южной крови, нежный овал лица со слегка смуглой и очень чистой, свежей кожей, приятный ротик и такие аппетитные маленькие ушки, которые хотелось сразу съесть. Тонкие кости создавали ощущение её общей хрупкости, но тело было гибким и сильным.

Я сразу решил, что украшу Димона рогами месяца через три-четыре после свадьбы. (Моя совесть полагала, что этого достаточно для медового угара.) Но через пару недель отказался от этого намерения. Вынужденный принять участие в подготовке чужой свадьбы я столкнулся пару раз с «богиней» поближе и понял, что она относится к тому типу склочных и продажных баб, которых я не выношу.

С моей точки зрения наши нынешние свадьбы – верх безвкусицы и тупой ритуальности. Может, когда-то все эти белые простыни на головах и рассыпание зерна несли в себе некий важный и сакральный смысл, но сейчас свадебные переполохи – это глупое и никчёмное выворачивание кошельков в угоду глупому тщеславию и жажде бахвальства перед другими. Нет, я понимаю, что свадьбы – это мощный бизнес, на котором кое-кто и состояния делает, что все эти помпезные и бессодержательные церемонии рекламируются и раскручиваются пиарщиками как нечто обязательное – иначе дельцам от этой дебильной индустрии будет не положить икорочки на сливочное маслице. Но свои-то мозги должны быть? Зачем тратить бабло на фуфло?

Я видел в своей жизни одну действительно красивую и содержательную свадьбу. На невесте был элегантный светлый брючный костюм без каких-либо уродств в виде шляпки или фаты на голове. На женихе был просто новый нормальный костюм. После короткой церемонии в загсе, все гости выпили шампанского и разошлись, а сама счастливая пара села в машину и укатила в аэропорт. Всё. Никаких отвратительных попок людей, никогда до этого не видевших друг друга, и никогда больше не увидящих. Никаких пошлых и мерзких криков, призывающих людей целоваться по приказу толпы. Никаких грязных соплей и оскорблений молодой пары.

Мне бывает искренне жаль наивных молодожёнов, которые верят, что гости на свадьбе желают им счастья. А гости обычно собираются пожрать, напиться и получить повод поговорить на скабрёзные темы. Я однажды работал «затыкателем» старой тётушки, которая вдруг начала рассказывать за столом от том, какая чудесная была писенька у малышки в детстве. Я однажды набил морду бывшему кавалеру невесты, решившему пооткровенничать о том, как он откупоривал её задницу. Мои воспоминания о свадьбах – это отчаянное понимание некоей тотальной необразованности населения, потому что на свадьбах люди говорят о сексе так и такое, что я начинаю себя чувствовать профессором. Причём с другой планеты. Мои впечатления о свадьбах – это неловкость за всеобщее быдлячество, потому что в подпитии люди начинают обсуждать темы соития в столь омерзительном и грязном ключе, что сразу становится понятно, почему у того вот скота рога в дверь не пролезают, а вот от этой жабы три мужа убежало.

Я не люблю свадьбы. По молодости, раза три став свидетелем на чужих свадьбах, я познал всю степень идиотизма этих мероприятий и с тех пор стараюсь вежливо уклоняться под благовидными предлогами от присутствия на маразматическом торжестве. Жалко тратить жизнь на ритуальную фигню, в которой давно нет смысла.

Все бабские заявления насчёт того, что свадьба нужна как некий символ начала новой жизни – самообман. Все мужские отговорки, что должно быть как у людей – глупость. У людей много чего бывает, и вовсе не обязательно быть тупым бараном, бредущим в общем стаде. Достаточно поразмыслить немного, чтобы понять, что выкидывание денег на свадебный ветер не обещает ни семейного счастья, ни любви до гроба. Оно вообще обещает только одно – нервотрёпку и суету, а ещё невероятную усталость после того, как весь этот свадебный праздник закончится.

Свадьба Димона и Кали должна была стать опупеем ритуального идиотизма. Достаточно сказать, что Димон вкладывал в собственное бракосочетание почти годовой заработок, а отец Кали ради этого мероприятия продал хорошую машину. Вся чушь, какая только может придти в голову при слове «свадьба», реализовалась методично и педантично без малейших сомнений в её целесообразности. Я увиливал от участия в подготовке этого дебилизма, как мог, но Димон припёр меня к стенке моим же обещанием столетней давности.

Кали сделала первую попытку меня соблазнить во время наших переговоров с шеф-поваром ресторана, куда должны были прибыть все двести приглашенных гостей. Заведя меня в одно из подсобных помещений, она преградила мне путь приглашающее

поднятой ножкой. Ткань широкой юбки сползла и продемонстрировала мне отсутствие на девке белья. Меня иногда атакуют женщины в самом агрессивном ключе, но беспардонность Кали с учётом обстоятельств выглядела просто как психиатрический симптом.

Кали не являлась нимфоманкой. Выставляя передо мной свои интимные части, она даже не была возбуждена. Ей требовалось моё сексуальное внимание для поддержания самооценки и для обретения некоего мнимого фактора влияния на меня. Мои здравые рассуждения насчёт свадьбы и дальнейшей семейной жизни, которыми я пытался немного активизировать мозги Димона, очень не нравились его невесте. И она решила, что если переспит со мной, то я тоже буду прыгать влево, вправо и вверх по её указке.

Женщины, затевающие такие игры, зачастую не понимают, чего хотят на самом деле. И, что хуже, совершенно не понимают, что подставляют мужчин.

Я ласково скользнул по обнажённой ножке Кали, а потом сильно ущипнул соблазнительницу в демонстрируемом интимном месте. Когда она попыталась ударить меня в ответ, я выкрутил ей руку и подождал, пока она успокоится.

Вторую атаку на меня Кали провела столь же нагло и топорно. Она подстерегла меня прямо у Димона дома. Приятель (умнейший в своём деле человек, но в житейском смысле – дурак дураком) отлучился, мы остались вдвоём, и не успел щёлкнуть замок двери, как я оказался прижат к стене напористой невестой. Я не стал её бить, хотя и хотелось. Уложил мордой в пол и посидел сверху, в качестве моральной компенсации вырезав почти под ноль клоч волос на её затылке.

Третья попытка Кали заполучить внимание меня-самца поставила меня в тупик. Я даже засомневался, уж не нравятся ли ей унижение и побои? Зачем иначе она так упорно нарывается на неприятности? Надо же додуматься, припереться незваной ко мне домой и попытаться надеть на меня наручники? Я что, один мужчина на белом свете? У Димона вроде всё в порядке было с ориентацией? Да и член у него исправен и функционирует, если верить тому видео про то, как он невесту перед свадебкой жарит.

Вместо объяснений я получил в лицо парочку смачных оскорблений.

Я обеспечил Кали достаточно унижения, ткнув головой в выеденную и подкисшую половинку арбуза, полную мух и плавающих в жиже косточек. А вместо побоев я нарисовал на её заднице мишени и немного поиграл в стрелялки. Нет, не дротиками, горохом из трубочки. И наручникигодились, и шарфик в качестве кляпа. Отличная развлекуха вышла.

Наконец, наступил великий день свадьбы. Нацепив парадный костюм, я с энтузиазмом человека, приговорённого к укорочению времени его жизни на несколько часов, приклеил на физиономию милую улыбку и отправился на казнь. Всё текло своим чередом, я подбил клинья к двух смазливym цыпкам из числа подружек невесты, получил от одной из них аванс в виде робкого поцелуя, сгонял в магазин за нормальным алкоголем для себя любимого, произнёс несколько речей, станцевал вальс и танго, дал какому-то юнцу в морду за высказывание типа «лучше бы нас немцы завоевали» и, спокойно чавкая салатиком, понаблюда за развязавшейся потасовкой молодняка (какая же свадьба без мордобоя). Когда я уже преисполнился радостных мыслей о близком окончании свадебного ужаса, меня подкараулила безумная невеста.

Кали купила себе одно из бестолковых платьев с широкой юбкой и вываливающимися из лифа сиськами. Платье ей шло примерно так же, как и мне, если бы мне пришла в голову фантазия его на себя нацепить. Но я бельё на важные церемонии обычно одеваю. У Кали под широкой юбкой были только тоненькие чулочки, которые скорее можно было бы назвать длинными гольфиками, потому что они обрывались сантиметров на десять выше коленок. И Кали, задрав юбку, продемонстрировала мне

свою «красоту», улыбаясь и обольстительно, и до тошноты мерзко. А я уже достаточно наиспытывался своего терпения в тот день.

В процессе обсуждения цвета надувных шариков и размера пластиковых сердечек я раза три был в здании ресторана, поэтому я знал, где мне не помешают. Я подхватил гадкую невесту на руки, перетащил в один из пустых кабинетиков, запер дверь и свалил Кали на пол. Засунув ей в рот кусок её же фаты и намотав на её руки и голову белую юбку, я подмял под себя тонкое тело попкой кверху и сделал то, чего мерзавке так хотелось.

Поначалу Кали нервничала, пыталась вырваться, что-то мычала и виляла задницей из стороны в сторону. Но меня это только веселило. Сюжет есть сюжет, милочка.

Немного отдохнув, я, совершенно никуда не торопясь, довел её до полного изнеможения. Плавные движения, медленные поглаживания, касания клитора... Немного поизучаем одну дырку, потом другую. О, милая, для тебя это непривычно? Ничего, сейчас я тебе покажу, как это может быть здорово. Она смирилась, расслабилась – и отдалась мне без всяких там фокусов и представлений. Я долго держал её в трясучке возбуждения, не давая кончить, но потом всё же поставил победную точку.

Поставив плохо соображающую невесту на ноги, я, как мог, привел в порядок ее наряд, а потом попросту вытолкал из комнаты. Понятия не имею, как она объяснялась из-за отлучки и мятого платья с гостями и женихом. Я просто плюхнулся на диван и изобразил пьяное бревно.

С точки зрения закона мои действия можно трактовать как насилие. С точки зрения морали – я всего лишь немного проучил стервозную бабу. И никакие защитники прав женщин не убедят меня в том, что она заслуживала чего-то иного.

Если кто-то решит, что после этого она оставила меня в покое, то ошибётся. Она оставила меня в покое только после натуральных побоев. И заснятой на скрытую камеру сцены с её раздеванием в моей хате. Я пригрозил, что скомпрометирую её, и самый счастливый брак в мире разлетится в пыль.

Немного позже я узнал, что жертвами подобных провокаций при разных обстоятельствах стали ещё, по меньшей мере, два друга Димона. К одному Кали не постеснялась заявиться без белья прямо на дом. Другой оказался с ней один на один в машине. И был практически изнасилован.

Хуже всего был эмоциональный шантаж, которым мерзавка опутала этих дураков. Они же и оказались виноватыми. Она грозила, что всё откроет своему мужу и жёнам дураков, плакала, что они сломали ей жизнь, и заявляла, что они ей теперь всё должны. И они покорно возили её на дачу, что-то чинили, тратили деньги на подарки.

Я цинично разрешил им обратный шантаж – и они почти синхронно заявили ей, что или она успокаивается, или они сдают её Димону как мою любовницу. Вроде помогло. Но вряд ли навсегда, полагаю, моя выходка просто научила Кали осторожнее выбирать жертв.

Я уверен, что она изменяет моему другу. Я знаю, что и мой друг изменяет ей. (И знаю, с кем. Димон воображает, что увёл у меня ту миленькую цыпочку.) И этот пример только убеждает меня в том, что современное общество давно переросло институт брака, но всё ещё цепляется за него в силу привычки и навязанных родительских стереотипов.

Зачем Кали вышла замуж? Потому что надо было выйти. Зачем Димон женился на ней? Потому что так принято. И вот два человека, несовместимых в постели и в жизни, проводят годы рядом друг с другом, ни хрена друг друга не понимая. Только потому, что у неё однажды зачесалось в известном месте, а у него как раз оказался стояк. Переспали бы пару раз – и все. Никаких драм, никакой совместной собственности, никаких интриг и измен. И никаких миллионов в карманы циничных людей, делающих деньги на давно мёртвых ритуалах.

Мальвинка

Крупные мужчины любят миниатюрных женщин. Этот стереотип навязывают нам кинообразы хрупких принцесс и их мачо-ухажеров. На самом деле такой паре просто проще изобразить неземную любовь и романтические отношения.

Мальвинка была вдовой. И очень необычной женщиной для привычного мне круга знакомых. Муж Мальвинки умер после тяжёлого ранения, полученного при выполнении какой-то важной военной операции, и у неё были совсем иные, чем у большинства современных вертихвосток, мысли о войне, о жизни и смерти. Мы случайно разговорились, одинаково скучая на помпезном милицейском банкете, и это стало началом нашей странной дружбы, если это можно так назвать.

Я много носил эту маленькую куколку на руках. Я вообще люблю носить женщин на руках. Нет ничего лучше для покорения сердца женщины, чем подхватить её на руки и куда-нибудь потащить. Они так балдеют, что в половине случаев забывают спросить, куда их собственно несут. (Думают они при этом всегда об одном - «том самом», и страшно обижаются, когда выясняется, что «то самое» не входило в твои планы.)

Но в этом есть проблемки – ясно, что даму с приличными габаритами и весом можно пронести от машины ко входу в ресторан, и потом считать себя атлетом-тяжеловесом. Нескладную дамочку, размахивающую руками или болтающую ногами, часто хочется приземлить в какую-нибудь лужу. Маленькая Мальвинка умела устраиваться на моих руках удобно для себя и для меня. И я подхватывал её на руки по поводу и без – мне это нравилось.

Ещё я красиво и подчеркнуто галантно за ней ухаживал. Подавал пальто, открывал двери, целовал руки. Завистливые взгляды провожали нас везде, но старался я не ради каких-то глазающих дураков. Я вытаскивал Мальвинку из монастыря, в который она себя заточила. Постепенно она перестала сутулиться и нервно смотреть на часы каждые несколько минут (торопиться было уже некуда, но привычка осталась). Она избавилась от сплошь чёрной одежды и вспомнила, как здорово смеяться без особой причины.

Я не люблю тащить на себе чужие житейские проблемы, но ради Мальвинки встрял в сложный пасьянс родственно-судебных пут, из-за которого она могла остаться без жилья. Моё вмешательство не было, конечно, указанием того уровня, которого наши официальные инстанции послушались бы беспрекословно, но сам факт того, что за спиной ответчицы маячат некие люди, готовые защищать её интересы, здорово сместил чашки весов фемиды. Мальвинка благополучно вырвалась из паутины судов и жилищных проблем. Она не знала о моём участии в нажатии некоторых кнопок, и мне доставляло искреннюю радость её детское и непосредственное: «Ты представляешь, а судья оказался честным человеком!»

Я не стремился к какой-либо конспирации своих отношений с Мальвинкой, но почему-то нас воспринимали исключительно как друзей, которые изображают романтик, но не являются любовниками. Может, потому что мы много общались на людях: в ресторанах, на премьерах, на каких-то случайных вечеринках. Нам нравилось просто разговаривать обо всем на свете. Её восхищала моя эрудиция и способность словесно дискредитировать любого гения. Мне нравился её здравый смысл и логичность восприятия причинно-следственных связей. Но для наших знакомых разговоры были лишь доказательством отсутствия между нами секса. Никто не верил, что Мальвинка изменит памяти мужа – и со мной.

Вообще, такого рода «измены» мне лично глубоко непонятны. Почему молодая красивая женщина с очень небанальным и умным взглядом на мир должна похоронить себя заживо в стенах пригородной и необустроенной коммуналки? Проведя два года у постели больного человека, разве не выполнила она все, на что соглашалась в той самой клятве «пока смерть не разлучит»? Люди все разные и отношения разные. Есть

обстоятельства и ситуации, когда время траура и переживания необходимо. За два года наблюдения за тем, как сильный и обаятельный человек постепенно ломается операциями, болью и прикованностью к кровати, большинство из нас проникнется к этому человеку как минимум неприязнью. Жалостью и состраданием – да, но и неприязнью – обязательно (если вы честны с собой и не будете прятать от себя собственные чувства).

Мальвинка пожертвовала всем, чтобы два года посвятить заботам об умирающем муже. И осталась одна. Без работы, без денег, без квартиры, из-за которой родня мужа начала грязное судебное разбирательство. Но большинство даже близких её знакомых почему-то считали, что ещё пару лет она должна побыть в депрессии, а иначе память дорогого супруга будет оскорблена. Никто не интересовался тем, как и чем она живёт, но очень многие прямо таки с упоением рассказывали о ей о том, как именно она должна горевать и скорбеть.

Полагаю, в зачёт если не небесной канцелярии, то адской кухни учета добрых дел войдет мое мягкое, но настойчивое внедрение в сознание Мальвинки мысли о том, что плевать она хотела на всех этих так называемых близких.

Вскользь замечу, что я сам от любых близких мне людей не жду никакой самоотверженности. У меня есть опыт пребывания в беспомощном состоянии. К счастью, крайне недолгий, но научивший меня многому. Если вдруг мне придётся залечь надолго на больничную койку, я предпочту, чтобы рядом были профессиональные сиделки, а не те люди, кто мне дорог. Дети – молодые, им надо учиться, строить свою жизнь. Любимым женщинам – надо просто жить. Быть красивыми, молодыми, встречаться с сильными мужчинами и получать удовольствие от крепких и страстных объятий (пусть и не моих). Незачем им тратить время на чужие болячки.

К тому же толковая сиделка со спокойным подходом подчас куда лучше неумелой и истерично всхлипывающей женщины, готовой к самоотверженности, но не готовой в силу чисто физических данных элементарно перевернуть мое тело набок. Да и от какашек самоотверженную даму, скорее всего, стошнит. Не говоря уже о процедуре сбора мочи катетером – налюбовавшись на съездившегося «дружочка», женщина может напрочь утратить сексуальный интерес к его, так сказать, хозяину.

Может, я слишком черствый и эгоцентричный мужчина, но вид несчастной и плачущей из-за меня женщины разбивает моё сердце. А когда ты и так опутан проводами и трубочками, тратить силы ещё и на поддержку слабой женщины – роскошь, которая может дорого обойтись. Так что, любимые мои, если я болен – не надо сидеть у моей постели. Я жалок, я желчен и груб из-за болезни, я противен – и не надо тратить на меня время. Оставьте меня на попечении сиделок и бегите по своим делам (и к своим новым любовникам).

Но вернёмся к моему роману с Мальвинкой.

Некоторое время после знакомства мы, уже внутренне сказав друг другу «да», мучились некими чисто географическими непонятками. Я настойчиво приглашал Мальвинку к себе, полагая, что ей будет легче расслабиться в моем комфортном жилище. Она же упрямо отказывалась ехать ко мне, уверяя, что мне обязательно надо заглянуть к ней – на чашечку чая.

Преппирательства эти были мне до поры до времени непонятны, но однажды я наплевал на все доводы «против» и примчался в её коммуналку – с расчетом остаться на ночь. Расчет не оправдался, но вечер превзошел все мои ожидания.

В сексе Мальвинка точно знала, чего хочет. Под кроватью в её комнатке лежал странный узкий и толстый матрас-бревно. И когда она решительно вытащила его передо мной, я почти сразу решил, что пора вежливо делать ноги...

Как многого я тогда еще не знал о женщинах. Всё было отлично продумано.

Мальвинка любила быть наездницей. Мужчина располагался на матрасе (это оказывалось довольно удобно), а она садилась на него сверху. При этом её ноги оказывались на полу, а за счет матраса и невысокого роста она действительно словно ехала, приподнимаясь в воображаемых стременах. Таким образом, она полностью контролировала и себя, и партнера, от которого по большому счету требовалось только спокойное ничегонеделание.

Просто сказка, что эта маленькая женщина выделявала своим тазом...

Позже я утащил её всё же от любимого матраса и научил получать полноценное сексуальное удовольствие даже и без него, в самых различных вариантах позы «женщина сверху». Мальвинку было очень приятно учить. Она не жеманилась, не смущалась, и в свою очередь корректно и просто посвящала меня в разные женские секретики.

В некоторый тупик наши отношения зашли после того, как она честно и аргументировано попросила меня сделать ей ребёнка. Она объяснила желание родить одиночеством. И стремительно убегающим временем жизни (на тот момент ей не было тридцати). Она откровенно заявила, что не ждёт от меня никакой помощи, что запишет ребёнка только на себя, что никогда не будет шантажировать меня моим ребёнком. И что я представляюсь ей лучшей кандидатурой на роль биологического отца. Потому что представить себе отношения с другим мужчиной она просто не может.

Не то, чтобы я был против детей. Да и Мальвинка казалась мне весьма подходящей мамашкой для собственного отпрыска. Забеременей она неожиданно, я не колебался бы нисколько, предложив ей и помощь, и своё имя в метрике ребёнка, я даже согласился бы на небольшой шантаж с её стороны. Но быть донором спермы мне не хотелось.

И всё же я сказал ей «да». В таких ситуациях, если не соглашаешься, в лучшем случае теряешь дружеское расположение, в худшем – становишься врагом, козлом и последней сволочью. Даже самые умные женщины, понимая логику отказа, на почве разочарования поддаются негативным эмоциям. А само по себе «да» ничего не обещает. Зачатие – штука иногда внезапная и неожиданная, а иногда годами тщетно запрашиваемая у всех врачей и богов. Да и после зачатия надо ещё выносить ребёнка и родить его.

За согласием я постарался мягко объяснить Мальвинке, что быть матерью-одиночкой вовсе не обязательно, что я буду рад взять на себя чисто материальную сторону вопроса, что я смогу хотя бы иногда присутствовать в жизни ребёнка не мифическим и неизвестно сгинувшим лётчиком-испытателем, а вполне себе живым отцом.

Моё намерение принять участие в воспитании ребёнка конкретно напрягло уже потенциальную мамашку. Она хотела получить дитё в своё единоличное распоряжение. Она знала, что у меня уже есть дети, и не хотела, чтобы однажды её ребёнок понял, что является лишь энным чадом от очередной наложницы. Она знала, что привязав ребёнка ко мне, она лишит его возможности обрести отца в некоем другом мужчине, который всё же может появиться в её жизни. И она знала о сложных взаимоотношениях внутри моего родственного клана. Хотя на случай внезапного падения кирпича на мою голову я на специальной бумажке расписал, кому и что из моего барахла причитается, кто его знает, какая вожжа кому из родни попадёт по причинному месту. Как говорится, пуганая ворона куста боится.

Хотя и понимаемое обоими взаимное несогласие грозило сделать лёгкую трещинку в отношениях большим и непреодолимым каньоном. В итоге, немного помусолив тему, мы её отложили. Как показало время – мудро сделали.

Постепенно Мальвинка забыла о чёрных платках и нервных взглядах на часы, превратившись в очаровательную и весёлую женщину. Она не стала слепо следовать тому курсу жизни, что я для неё проложил, проявив несвойственную женщинам независимость в принятии судьбоносных решений. Я договорился о месте работы для неё менеджером по перекладыванию бумажек в одной достаточно преуспевающей компании. Но она

неожиданно выбрала куда менее оплачиваемую и куда более хлопотную работу «локомотива» в новом бизнесе своей одноклассницы. Она выматывалась, уставала, нервничала, но зато училась, постепенно обретая довольно широкие и разнообразные связи, расширяя своё представление о мире, да и вообще становясь совсем уж умницей и охрененно интересной собеседницей.

Примерно через год наших отношений я сосватал Мальвинку за одного знакомого знакомых. Случайно встретившись с нами в боулинге, мистер Буратино запал на миниатюрную женщину в смешном голубом парике с одного взгляда. Что называется, посмотрел и закоротило. Ни он сам, ни Мальвинка не поняли, с чего это в воздухе появилась примесь озона, какая-то молния где проскочила. Но я сразу сделал вид, что так просто рядом стою, мячи подношу. На правах старого друга семьи.

Через час после знакомства, пока мы с Буратино на пару отливали (да простят меня эстеты), я включил все свои ораторские способности и обрисовал Мальвинку как абсолютно неземное существо, чистое помыслами и душой. Страдающее по умершему мужу существо, которому так трудно в этом мире без настоящего мужчины. И нет-нет, я не смею нарушить её спокойствие грязными мыслишками. Я лишь люблю её совершенством.

Буратино позвонил ей на следующий день утром. В девять часов утра. Через неделю она, мило стесняясь и краснея (я так полагаю), осталась у него на ночь. А ещё через две недели они быстро и тихо (чтобы разные кланы родственников хай не подняли) расписались.

Я не знаю, есть ли у Мальвинки сейчас что-то взамен того бревнообразного матраса. Не знаю, носит ли её на руках мистер Буратино. Знаю, что он по-прежнему преуспевает в выращивании золотых на полях страны дураков. У него есть свой банк. Личный самолёт. И, кажется, ещё что-то плавающее с каютами из красного дерева. А у неё есть крошечный Буратино-пехт. Я надеюсь, что она счастлива, моя маленькая Мальвинка.

Липа

Липа – от слова «липучка». Обычно мне удаётся достойно завершить отношения, чтобы по возможности не создавать сильных проблем, но в случае с Липой всё, что я ни делаю, приводит к одному единственному результату: она прилипает ко мне всё крепче. Имя оказалось пророческим и в другом смысле. Наша с ней великая любовь, в которую многие верят, и о которой рассказывают с придыханием – полная липа.

Связался я с ней, в общем-то, абсолютно случайно. Не помню, каким манером я затесался в ту общагу, кажется, просто притащился с кем-то за компанию. Студенческое сообщество характерно вот такой свободой контактов и определенным пренебрежением к социальным рамкам. Поэтому я совершенно естественно вытащил из кармана куртки бутылку водки и уселся за стол на правах уже своего человека.

За столом обсуждали одну девочку. Милая дурочка полагала, что в её-то двадцать лет оставаться девой по меньшей мере неприлично – и попросила кого-то из подружек найти ей парня для решения проблемы. Та разболтала о «проблеме» всем подряд – и неожиданно «старая дева» стала объектом насмешек и едких замечаний. Помню, широкое обсуждение чьих-то интимных дел навело меня на мысли о своих предрассудках – до этого случая я полагал, что наиболее распушенная и эмоционально чёрствая публика обитает в кругах мальчиков-мажоров. (Теперь я убежден, что такова вообще любая публика.) Типичной жертвой общественной травли Липа не была, скорее просто по неопытности ляпнула что-то лишнее не тому человеку. Но в результате она как бы

оказалась в вакууме – потенциальным партнерам вовсе не хотелось огласки, а те, кто был не против огласки – саму девушку не устраивали.

Свою тогдашнюю выходку я могу объяснить сейчас только перебранным алкоголем. Пить я тогда ещё не умел, а самонадеян был до крайности. Факты таковы – я попросил тишины и громогласно заявил, что готов решить проблему девушки.

Как же надо мной ржали... Если бы меня просто урезонили, как пьяного дурачка, всё так и закончилось бы ничем. Но та самая вредная подружка Липы отпустила несколько едких замечаний в мой адрес. А я был готов ответить за свой базар. И понеслось.

Быть романтичным очень просто. Особенно, если ты по природе – не романтик. Не знаю, почему многие даже взрослые мужики парятся над подарками и ласковыми словами. Может, конечно, это что-то генетическое, но если я хочу произвести впечатление на девушку – я его произвожу. И с Липой я включил все свои мощности на полную силу.

Я дарил ей цветы. Нет, не тупые розы с обвисающими бутонами и не банальные горшки с квёлыми азалиями. Маленькие открытки в рамке, смывающиеся татушки, наклейки, ластики, карандаши, блокноты, финтифлюшки для волос – лишь бы было изображение цветка. Один заход в большой канцелярский магазин обеспечил меня запасом всей этой дряни на два года вперед. И каждую нашу встречу после её занятий я неизменно начинал с подарка.

Позже я дарил ей прозаические вещи, вроде одежды или постельного белья – но каждый раз обставлял это как сюрприз – к воскресенью, к маю, к победе какой-либо спортивной команды. И обязательно притаскивал всё это к ней в институт, кожей ощущая, как парни и девушки вокруг пялятся на очередной красивый пакет.

Я водил её в разные значные местечки и на культурные мероприятия, не забывая мимоходом сделать так, чтобы милые однокурсники Липы думали, что уж им-то туда никак не попасть. Я кормил её в дорогих ресторанах, о чем она сама поначалу простодушно, а затем со строго выверенными интонациями рассказывала подружкам.

Липа по рождению – этакая среднестатистическая провинциалка. Русское лицо с высокими скулами, чувственный полный рот, испорченные перекрасками волосы и неухоженные руки. Добавьте к этому одежду с рынка, набор мысленных штампов о вечной любви и доблестном рыцаре, студенческий билет второсортного технического вуза – и вот она, Липа в момент нашего знакомства, во всей своей красе.

Я превратил её в москвичку-интеллектуалку со своим неповторимым стилем.

Стрижка под мальчишку, полная ликвидация косметики, выбор пары стильных блейзеров – и Липа стала выглядеть намного солидней. Красивые серьги с маленькими гранатами – и вчерашняя студентка, вечно ищущая крошечные подработки вроде сделать чужой курсовик, обрела постоянную работу технического писателя. Удобные туфли на невысоком прочном каблуке вместо идиотских шпилек в десять сантиметров – и полненькие ножки Липы стали очень даже симпатными, а – главное – сама их обладательница избавилась от крайне вульгарной вихляющей походки.

Будем честными, я лишь чуть-чуть подтолкнул «старую деву» к переменам. Она быстро обрела вкус к хорошей одежде и почувствовала, как внешние перемены влекут за собой перемены внутренние. Ей нравилось учиться и экспериментировать с собственным обликом. В ней появилась уверенность в себе, в интонации голоса стали проскакивать волевые нотки, она блестяще сдала очередную сессию, хотя до этого перебивалась с троек на четверки.

Итэдэ, итэпэ. Насмешливые взгляды постепенно превратились в задумчивые, а затем и завистливые. Акции Липы поднялись до небес. Внезапно она стала очень популярна у мужской части курса – и одновременно вдрызг разругалась с последней из закадычных подружек.

Это был самый чудесный и – увы – неповторимый период наших отношений. Мы были вроде как давно признанной парой, что избавляло нас от каких-либо условностей. Я во всеуслышание заявил о своих притязаниях на девственную чистоту Липы, что снимало все вопросы о том, какие у меня намерения. (Понятно, что серьезные – в смысле желания получить награду за труды.) Нам не было смысла притворяться, что кто-то чего-то не понимает. В нашем общении не было кокетства и манипуляций чувствами. Мы проводили много времени вместе. И это была отнюдь не любовь – хорошая и честная дружба. Но потом мы всё испортили.

Собственно, соблазнить девушку, если она проводит с вами достаточно много времени, довольно просто. И с Липой, хотя тогда у меня было не слишком много опыта в общении с девственницами, я пошёл ровно по тому же пути, что и с остальными девушками, которых домогался. Путь оказался немного дольше, ну так я ведь не жил монахом это время, так что никуда не торопился.

Я приучал «старую деву» к себе, к своему телу, запаху. Я почти всё время её бессовестно трогал, сминая её личное пространство своими вторжениями. Я целовал ей руки. При встрече, при прощании, просто так – в разговоре. Обнимал за плечи, за талию, гладил волосы, лицо, невзначай касался груди и бедер. Настал день, когда она бросилась мне на шею. Затем мы стали все чаще целоваться. Наконец, она стала запросто приходить в мою квартиру. И однажды осталась на выходные...

Честно говоря, у меня не осталось в памяти сколь-нибудь яркого впечатления от того субботнего дня, когда проблема девственной плевы перестала волновать Липу. Ну был секс – и был. Я сделал свое дело – ну и молодец. Липа всплакнула – бывает. Липа лезет обратно в койку? Ну и умница.

Всё это сушая ерунда по сравнению с тем, что началось потом. Ни у кого больше я не встречал такой отчаянной жажды познать и изучить всё в сексе. Липа поставила себе цель стать этакой королевой секса – и все мои уверения, что у неё несколько не тот темперамент, остались без внимания. Она терзала меня вычитанными позами, какими-то безумными кремами, гимнастическими. Она пыталась завлечь меня в примерочных кабинках и на вечеринках. Проблема была не в том, что меня смущает секс в примерочной, а в том, что ей в действительности его не хотелось, она просто накручивала свои мозги, что «это надо», отчего терялось желание не только у неё, но и у меня. Химерой сознания Липы стала мысль, что мне нужна только супер-секси подружка, и она твёрдо вознамерилась такой стать.

Может сложиться представление, что я цинично влюбил в себя девочку из малопонятных побуждений, а затем навязал ей неподходящие стереотипы поведения. Но правда в том, что Липа не любила меня. Я был ей нужен, чтобы созданный самообраз не лопнул, как мыльный пузырь. Липе очень нравилось быть «при мужчине», нравилось чувствовать себя желанной и значимой. Она с истинно провинциальным размахом стала лепить из себя женщину-вамп, в то время как все её существо требовало просто быть хорошей девочкой.

Со своей стороны Липа определённым образом повлияла на то, какой я есть сейчас. В сумочках она всегда таскала с собой – на всякий случай – тетрадку или блокнот, куда при случае записывала всё подряд: номера телефонов, цены на шубы, увиденное на афише название спектакля, какие-то мелкие разности, которые мне никогда не было нужды знать, и уже тем более – запоминать. Но несколько раз я имел возможность убедиться, как Липа быстро и эффективно находит то, что ей нужно, потому что в какой-то момент она просчитала, что это может пригодиться. И я тоже стал записывать разную информацию, идеи, мысли и то, что иногда не успевал додумать.

Липа однажды сделала что-то вроде генеральной разборки в одном из первых моих офисов, и я больше никогда не позволял себе утонуть в беспорядочно разбросанных

бумагах. Липа сделала из меня весьма продвинутого компьютерного пользователя, хотя по словам пары друзей я был безнадежен в этом отношении.

Не знаю, чем кончились бы попытки Липы влезть не в свой темперамент, скорее всего, мы разругались бы вдрызг, но милостивая природа решила всё за нас.

Мы оказались на юбилее одного хорошего и очень старого человека. Нас почти никто не знал, мы почти никого не знали. Скромно заняв место в уголке зала, мы трындели о каких-то неважных мелочах, когда к нам подошёл внук юбиляра – с целью проверить по списку, кто мы, и есть ли у нас право на шикарный хавчик. (Любят у нас комедию про фальшивого дядюшку.)

Обаятельный парень с широкой улыбкой обратился ко мне с несколькими пустячными вопросами, и... Липа влюбилась. По-настоящему влюбилась. С первого взгляда. Прямо на моих глазах (и в моих объятиях) утратила всякое представление о времени и пространстве, заглядевшись на подошедшего красавца. Её недвусмысленное движение телом однозначно указывало и на то, что единственным любовником Липы я не останусь. В ту же ночь она оттрахала меня с такой экзальтацией, что я окончательно убедился – бывшая старая дева запала на спортивного молодчика всерьёз.

Нынешний я свел бы влюбленную голубку с желанным рыцарем побыстрее, да и вздохнул бы с облегчением. Но молодой и очень самолюбивый я был изрядно обескуражен – ни прекрасный секс, ни ухаживания и душевные разговоры не меняли того факта, что рулят гормоны и феромоны. Я знал это в теории, но убедиться в этом на практике было немного... обидно, что ли.

Сама Липа распознала собственную влюбленность недели через две. А потом начался странный и смешной период её попыток избавиться от меня. Она провоцировала меня на ссору буквально каждым словом, каждым жестом, каждой выходкой. Но я был упрям, стоек, и ни на что не обращал внимания. Наконец, она призналась, что «у неё какое-то странное предчувствие». Растолковав ей в доступных выражениях, в каком именно месте у неё предчувствие, и что ей сделать, чтобы превратить его в томление, а затем и в удовольствие, я пожелал ей счастья и закрыл за ней дверь. Полагая, что никогда больше её не увижу.

«Любовь прошла, завяли помидоры», - заявила мне Липа через два с половиной года, ворвавшись в мою квартиру без всякого предупреждения и выдворив оттуда хорошенькую девушку, которую я ещё и раздеть-то не успел. Раздевать Липу необходимости не было – она выпрыгнула из одежды сама и пару часов показывала, чему научилась за время разлуки. Надо признать – ничему особенному.

А потом она снова влюбилась, и снова какие-то овощи оказались неустойчивыми к переменам погоды, и Липа стала для меня олицетворением круговорота любви в природе. Взгляд, вспышка чувств, страсть, лобзания, объятия, охлаждение, ссоры, разрыв, тоска, Липа в моей постели. И опять по этому замкнутому кругу...

Многие наши общие знакомые считают, что мы с Липой были созданы друг для друга, и что мы ещё будем вместе. Некоторые полагают, что я – жестокий развратник, разбивший её нежное сердечко. Другие, наоборот, обвиняют её в моей сексуальной распушенности, уверенные, что уж ей-то я хранил верность (вовсе нет). Сии рассуждения меня всегда забавляют, поскольку доказывают, насколько могут быть слепы даже близкие люди.

Полагаю, однажды взорвется бомба, когда Липе придётся рассекретить отца своего единственного сына, рожденного в промежутке между двумя одинаково неудачными и короткими замужествами. В свидетельстве о рождении мальчика в графе «отец» стоит прочерк, на все вопросы она отмалчивается, но рано или поздно кто-нибудь узрит меня на

прогулке в роли воскресного папы, и вот тогда нам точно никому не доказать, что это – не любовь.

Англичанка

Худенькая тростинка, невинная овечка, нежный птенчик – я прозвал её Англичанкой, потому что то, как она от меня шарахнулась во время знакомства, сразу напомнило мне сцены из стандартных женских романов про «любовь» сурового и сильного греко-мачо-миллионера и хрупкой англичанки-золушки. Он весь из себя разэтакий, у неё подгибаются колени от страха и возбуждения, она этим мучается страниц сто, а потом он её где-нибудь заваливает – долой девственность, двадцать пять оргазмов сразу, свадьба (это обязательно), хэппи энд.

Ко второй встрече с Англичанкой я подготовился. Припёрся к ней на очень крутом бмв друга, весь такой разэтакий в длинном чёрном пальто и костюме, который обычно одеваю на похоронные церемонии. Говорил сурово, гипнотизировал взглядом, пару раз дернул её за руку сильнее, чем надо. В общем, вошёл в образ. Подсознательно я весь вечер ждал, что она засмеётся или начнет меня подкалывать – в общем, догадается, что к чему. Но девушка явно следовала тому, что пишут в романах – то бледнела, то краснела, невпопад растягивала губы. Когда же я на прощание начал её целовать – обмякла вся и глаза закатили, я даже несколько струхнул, а ну как хлопнется в обморок, мне нашатырь искать придётся. А наш народ на вопрос «есть ли у вас нашатырь?» приносит всё, что угодно: водку, уксус, соляную кислоту, только не собственно нашатырь.

Интуиция меня не подвела. Англичанка была страстной поклонницей женского чтива, которое может стать для мужчины источником искреннего веселья, но самих женщин способно завести в глухой тупик. В романах этих описываются неверные и неправильные схемы поведения мужчин, а также часть даются крайне опасные советы по части того, как себя вести и что предпринимать для установления или разрыва отношений. Мужчины не ведут себя так, как описывают на досуге сытые домохозяйки, воображая себя королевами или бизнес-леди. Мужчины не думают так, как хотелось бы развратным графоманкам, бесстыдно описывающим свои разнузданные фантазии. Мужчины не чувствуют так, как мнится ханжам, втолковывающим старые глупости насчёт свадеб молодым дурочкам.

Но Англичанка, прочитав несколько сотен любовных романов, была иллюстрацией всего того, что не надо делать девушке, чтобы понравиться мужчине. Про несколько сотен я знаю, потому что позже сам сжёг всю её коллекцию чтива на даче её родителей. Да, книги – это святое, но такие библиотеки можно и нужно жечь. Мир будет лучше.

Я сразу решил, что Англичанку сама природа предназначила на роль этакого клоуна, которого можно везде возить, чтобы публика потешалась до колик в животе, но чтобы сам клоун о своей роли не догадывался, отчего всё ещё смешнее. Но после десятка её успешных «выступлений», мне стало её жалко. Я надеялся, что она вникнет в расклад, треснет меня по физиономии, покричит, и это станет началом наших нормальных отношений. Нет, Англичанка покорно таскалась со мной по самым разным компаниям, над её «тараканами» потешались все, кому не лень, но она не понимала, что её стереотипы и дебильное поведение – лишь повод поржать для циничных людишек.

Наплевав на собственные заморочки, я начал объяснять неразумной любительнице книжных страстей, что сказки – ложь, и во многих из них нет никаких «уроков». И я её уложил в свою постель.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что на первый оргазм мало того, что невинной, так ещё и зазомбированной книжными вывертами Англичанки у меня ушло больше суток. Я её раздевал. Я её мыл, натирал пенками и маслом. Я её одевал и кормил, заставляя слизывать сладкие сиропы с моих пальцев. Я держал её на своих коленях и тискал,

показывая самые нежные сцены из собственной порнографической коллекции. Я её поил шампанским и вином, не давая напиться, но поддерживая в состоянии возбуждения и лёгкого тумана головы. А она зажималась, боялась, стеснялась и всячески мешала своему телу спокойно расслабиться и получить давно желанную разрядку.

Когда природа всё же взяла своё, Англичанка разочарованно мне сообщила, что никаких таких замков в облаках она не видела, что бабочки нигде не порхали, что всё произошедшее – грязно и стыдно, и вообще я всё сделал неправильно. Потому что вот у такой-то писательницы описано, что у девушки должны быть яркие галлюцинации, а вот та другая создательница одного-единственного романа сообщила, что при этом должен полыхать огонь в глазах мужчины. А у меня огня не было. Было только животное желание облить её неприятной физиологической субстанцией.

После пары попыток найти бабочек и откопать из облаков замки, я покончил с девственностью Англичанки. Решил, что должен получить хоть что-то за все свои усилия. И в момент её оргазма одним резким движением избежал досадной помехи.

Потом, разумеется, были стоны, слёзы, вопли, обвинения, но деваться было некуда, оказалось, что случившееся укладывается в то, что придумала мадам «сто книг про это» в своём семьдесят восьмом романе.

После ещё трёх-четырёх «примерок» различных книг на себя я понял, что от природы Англичанка одарена довольно мощным темпераментом и чувственностью, но они в силу тотального семейного табу на секс и вопросы отношений полов оказались под прессом дичайших ограничений и запретов. Вроде того, что нельзя дружить с мальчиками, они заташат в подворотню и изнасилуют. Нельзя, чтобы мальчики тебя трогали. И совсем не так, как подумает большинство читателей. Нельзя, чтобы мальчики брали тебя за руку или даже случайно касались твоего тела. Ты разрешила мальчику нести свой портфель? Ты что, слабая безвольная курица, сама не можешь его понести? Почему мальчик звонит тебе? Спросить домашнее задание? А разве у вас в классе мало мальчиков? Пусть мальчики звонят мальчикам.

Полагаю, что закидоны родителей Англичанки имели под собой какую-то почву, но привели они к искривлению нормального развития девочки. Чтение не запрещалось, и даже более того, поощрялось, поэтому живое и естественное любопытство ушло в поглощение написанной другими белиберды о любви. Пропустив в подростковом возрасте приобщение к принятым в нашем обществе условностям отношений между людьми, Англичанка оказалась выкинута из обычного социального общения. У неё просто не получалось установить отношения ни с мужчинами, ни с женщинами. Она делала всё по-книжному, а надо было по-простому.

Открыв в Англичанке весьма порывистую и страстную натуру, я был готов к долгой и, возможно, трудной «шлифовке алмаза». Но космос решил сбить с меня спесь.

Англичанка встретила свою идеальную половинку. Внешне – того самого «грекомачо», жаль только ни разу не миллионера. Воспитанный строгой и не приемлющей никакого разврата мамой двадцатисемилетний девственник провёл большую часть юности в поглощении рыцарских романов и саг о преклонении перед прекрасными дамами. В лице Англичанки он нашёл и свою Дульсинею, и Вирджинию, и даже несравненную Амальгаму. (Мои робкие попытки сказать, что амальгама – сплав ртути, во внимание приняты не были, я же даже такую-то гениальную сагу не читал, и про такого-то великого создателя пятидесяти томов любовной фантастики ничего не слышал.)

Милые фанаты чтения нашли друг друга, а мне выдали (хорошо, что виртуально) чёрное ведёрко на голову, энное количество злой магической силы, планы по завоеванию всего мира (и сжиганию всех библиотек), а также желание отнять у рыцаря его прекрасную даму. Я после изрядной ржачки готов был уступить рыцарю даму без каких-либо проволочек. Но они оба ещё почти два года (!) «сражались» со мной с переменным успехом.

Я не знаю, что они делают друг с другом в постели. Знаю, что на свадьбе доблестный рыцарь задвинул речуху про то, как сложно в нашем мире найти действительно чистую душой, помыслами и телом девушку, готовую хранить свою невинность до встречи с тем самым, единственным и неповторимым. Над речью сильно потешалась некоторая часть моих знакомых, подкалывая меня не слишком изящными намёками вроде того, что «С каких пор ты оставляешь пробки в выпитых бутылках?»

Когда мне совсем уже нечего делать или тоскливо на душе, я напяливаю на башку виртуальное чёрное ведёрко, представляю себя тёмным властелином и звоню мужу Англичанки. Типа по-приятельски поболтать. Благородного рыцаря мои звонки почему-то очень нервируют. И правильно. Пусть светлые силы не расслабляются. Вдруг завтра война?

Радия

Я люблю посмеяться абсолютно над всем и над всеми. Есть лишь одна тема, смеяться над которой лично мне – не смешно. Мёртвый ребёнок. Есть специфический чёрный юмор, который обыгрывает тему детской смерти, но я не ценитель и не поклонник такого рода стёба. Не хочу слишком распространяться о сложной и непонятной для тех, кто не столкнулся с потерей ребёнка, теме. Скажу только, что для меня смерть ребёнка, которого я знал, стала шоком. И отдельным шоком стало то, что смерть эта случилось в семье моих друзей, которые для меня и для многих были примером верной и красивой любви, продолжающейся десятилетия.

Я не мог помочь друзьям. Я организовал похороны, машины, я договорился с копателями могил и поставщиками продуктов для поминок, я нашёл священника, и я ещё много чего сделал. Но это было лишь житейской суетой. Я не мог вытащить друзей из пустоты, в которой они оказались. Друг спивался, его жена изучала пособия по суициду, а все мои слова сотрясали космос, но не достигали потерянных разумов.

В кризисных ситуациях важно, чтобы в доверие к людям, потерявшим смысл жизни, не втирались разного рода бабушки-говорюшки, тётушки-плакальщицы, подружки-горемычницы и прочего рода соболезнующие особы, которые не столько помогают людям вернуться к полноценной жизни, сколько утаскивают их в иные плоскости видения мира – и чаще всего в религиозный фанатизм. Есть и те, кто готов поживиться на чужой беде. Поэтому я изрядно насторожился, когда узнал, что некая женщина средних лет вдруг стала авторитетом для моих друзей. Ещё больше подозрений у меня возникло, когда я узнал, что они по указке новой знакомой перевели крупную сумму на какой-то счёт.

Не долго думая, я подгадал своё появление у друзей так, чтобы оно совпало с визитом подозрительной особы. И первое впечатление о Радии только закрепило мои опасения насчёт того, что друзья стали жертвой аферистки.

Умное, но неухоженное лицо с заметными морщинами, жирные волосы, зачёсанные в крохотный хвостик сзади, преувеличенно живая манера общения и молодо звучащий голосок с детскими интонациями наводили только на одну мысль: дамочка косит под такую благодетельную и глуповатую бессребреницу, но намерена вытрясти из своих жертв всё до последней копейки.

Не столько оказывая любезность, сколько собирая информацию о потенциальной преступнице, я подвёз её до дома, и оказался озадачен нотацией, которую бодро задвинула мне в машине Радия. Оказывается, наняв друзьям домработницу, я способствовал развитию их депрессии. (Надо, видимо, было дать утонуть им в грязи. От этого их депрессия прошла бы сама собой.) Взяв на себя часть хлопот по оформлению наследства и переоформлению документов на квартиры, в которых ребёнку принадлежали доли, я лишил друзей стимула выбираться из дома. (Надо было столкнуть бабушек-дедушек с обеих сторон в жёсткой битве за то, чтобы недвижимость досталась им, а не «подлой

гадюке» или «гнусному мерзавцу», которые не могли за себя постоять.) И так далее, и тому подобное. Как минимум, высказывания РадиИ были невежливы по отношению к чужому и впервые встреченному человеку, как максимум, наводили на размышления относительно наличия у неё того, что обычно называется интеллектом.

Но моя первая же попытка навести справки о новой знакомой привела к взрыву уважительного восторга у пожилого сотрудника органов внутренних дел. Затем я выслушал хвалебную оду от директора радиостанции, где эта знакомая трудилась. Потом меня направили к чиновнице от образования, которая была сдержанна и неодобрительна в своих оценках деятельности РадиИ, что окончательно убедило меня в том, что мои подозрения напрасны.

РадиИ - одна из тех женщин, которые всю энергию жизни вкладывают в попытки изменить мир к лучшему. Не в глобальном смысле. И не в стиле бравурных и громких благотворительных акций, о которых знаешь, но никак не можешь понять, где те облагодетельствованные сироты, о которых напечатано и сказано столько слов. РадиИ помогает абсолютно конкретным людям. С конкретными историями и именами. И помощь эта не является сбором свалки бэу вещей или кланьем денег «у богатых для бедных». РадиИ помогает искалеченным и сильно побитым жизнью людям найти своё место в этом мире. Найти работу, друзей, единомышленников.

Много позже выяснилось, что РадиИ со своей стороны тоже выяснила обо мне всё, что могла выяснить. Не так уж часто в нашем мире люди бескорыстно занимаются чужой недвижимостью. И совсем не редкость, что самые близкие люди норовят обчистить тех, кому клянутся в любви и дружбе. Поэтому она тоже немного заволновалась: что это за подозрительный типчик крутится вокруг очевидно уязвимых людей?

Время шло, друзья постепенно выбирались из депрессии, мы время от времени пересекались с РадиИ, и, в общем, были не слишком интересны друг другу. Пока однажды мы не встретились в том месте и в такой обстановке, где никак не рассчитывали увидеть друг друга. На мне вместо обычных джинсов и толстовок было что-то элегантно-дорогое костюмное, на ней вместо джинсов и свитеров отлично сидело сшитое на заказ вечернее платье. Посмеявшись над взаимным удивлением, мы станцевали, выпили, поболтали и самым естественным образом продолжили приятный вечер у меня дома.

В ту ночь я и назвал её РадиИ. В честь первого радиоактивного элемента, а вовсе не потому, что она фанатка болтовни в микрофон. Страсть РадиИ – это незаметная сила, которую невозможно обнаружить, пока вы не обнаружите сияние собственного тела и постукивание датчиков радиации. Шквал эмоций и чувств, который подстерегает наивного мужчину, привыкшего к лёгким «пуканиям» разных там гранат и мин, вполне себе потянет на атомный взрыв. Или даже на термояд. А после взрыва обнаруживаются признаки поражения мозга лучевой болезнью: хочется обратно, вот под то нестерпимое и убивающее сияние невидимых лучей.

Я не могу объяснить этот эффект в каких-то понятных словах. В смысле техники это был обычный секс с традиционными позами и ласками. В смысле наличия каких-то возвышенных чувств было полное отсутствие таковых: два взрослых человека собрались потрахаться, какие ещё чувства? Ничего вдохновляющее-альтернативного я не ел, не пил, и не употреблял ни в каком виде. И всё же меня накрыло мощной эмоциональной волной остроты счастья от того, что эта женщина здесь и сейчас со мной, от того, что меня бьёт чувственным током от прикосновений к ней, от того, что я оказался причастен к этой тайне мироздания.

Утром меня ждал сюрприз, поскольку РадиИ небрежно заявила мне, чтобы я ни на что не рассчитывал. К долгим отношениям она не способна, к семейной жизни у неё пожизненная аллергия, так что я могу ей, конечно, позвонить, но она не может ничего обещать. Похихикав мысленно над собой, я послушно кивнул, а придя в себя дня через

два после головокружительного свидания, решил, что у меня, видимо, был припадок сумасшествия.

Сумасшествие повторилось и во время второго свидания, и во время пятого. Я придумывал множество разных способов попытаться отвлечься от воздействия Ради, но проблема в том, что от радиоактивности лучше всего спастись или где-то далеко от эпицентра взрыва, или в надёжном бункере. Если же вы хотите любоваться разными взрывными эффектами, то вас зацепит, сколько вы не будете отвлекаться на разные мысленные неприглядности.

Увы, большинство мужчин, испытавших на себе силу этой женской радиации, пытались спастись от неё методами подавления взрыва, то есть моральным давлением. Я подозреваю, что в одном случае имело место и рукоприкладство, но Радия мне об этом не рассказала, а ловить её на неувязках мне вроде как было незачем. Оба официальных мужа Ради не справились с лучевой болезнью. Один просто спился, другого заманила к себе секта. Ещё один гражданский муж пытался покончить с собой. Ни один из этих бедолаг так и не смог оправиться от того, что Радия их бросила. Хотя бросала она их по одной причине: надоедало слушать о том, что этот несравненный мужчина осчастливил несчастную дурнушку своей благосклонностью.

Почему она всегда выбирает в качестве спутников жизни таких мужчин? Повторяет пример матери и отчима. Понимает всё, знает, что тупо следует неверному шаблону поведения, осознаёт, что одними и теми же уже проигранными сценариями сама ведёт себя к неминуемому разрыву, но изменить сценарий не может. Пытается, но не получается.

А как только речь не идёт о совместной жизни, у Ради и слова другие, и улыбки, и вообще она вполне себе может блеснуть, поскольку совсем даже не дурнушка.

Радия огорошила меня одной житейской просьбой, которая и озадачила меня, и в некоторой мере растрогала. Поскольку ни одного мужа Ради нельзя было привести в приличное место без опасений какого-нибудь жуткого конфуза, не мог ли бы я стать посажённым отцом на свадьбе её дочери? Я, конечно, не дотягивал по возрасту до отца этой самой дочери, но важен ведь не возраст, а представительность, вальяжность и прочая подобная мишура. Я согласился, поначалу восприняв просьбу с немалой долей юмора. Но пришлось посерьёзнеть, когда я вник в свадебные проблемы.

Дочь Ради собралась замуж не за кого-нибудь, а за сына нуворишей с Рублёвки. Сынок этот получил образование в Англии. И помимо блестящего знания английской литературы, прочтённой в подлинниках, этот достойный молодой человек вывез с Запада много диких и непонятных родителям идей вроде того, что красть – плохо, обжорство – грех, а жениться надо по любви.

Двух младших отпрысков нувориши быстро забрали из вредной для русских умов Англии и отправили учиться по родным университетам, но тлетворное влияние Европы и старшего брата не прошло даром и для них. Они без колебаний приняли и поддержали увлечение брата какой-то замухрышкой с улицы. А ведь для будущего наследника уже невесту из банкирского дома просватали.

Сообщение о том, что сынок женится на нищей студентке, и никто не сможет помешать ему, привело будущую свекровь в состояние паники и злобного иступления одновременно. Угроза отлучить от дома и наследства не сработала. Сердечный приступ лишь отложил свадьбу. Компромат на невесту, на скорую руку состряпанный по заказу мамы, оказался настолько глуп, что лишь насмешил жениха. Делать нечего, свадьбу назначили. Но для всех было ясно, что регистрация брака станет лишь официальным объявлением войны.

После пары разговоров с невестой и знакомства с женихом я понял, что мне представился случай проявить во всей красе свой режиссёрский талант. И я поставил довольно сложный в организации спектакль.

Во-первых, нуворишка вдруг заподозрила, что стала объектом интереса со стороны неизвестных лиц. Конечно же, глава семейства получил заверения от силовых структур, что никто из сотрудников этих структур не пасёт его супругу, а если бы её пасли разные нехорошие люди, то они бы об этом знали. На всякий случай три разные структуры попасли нуворишку, заметили друг друга и решили, что вокруг этой богатенькой карасихи что-то затевается. Выяснили в итоге, что это сама карасиха страдает паранойей, и отвязались. Но нуворишку это не слишком успокоило.

Во-вторых, я путём разных ухищрений организовал пустой разговор воинственной мамыши с одной из великосветских болтушек. Разумеется, болтушка затронула в разговоре тему свадьбы. Естественно, выслушала гневную тираду насчёт площадных проституток и уличной швали. После чего мимоходом удивилась смелости мамыши и дала осторожный совет быть осмотрительнее в выражениях. А то мало ли что. Разъяснять, чего именно может быть мало или много, болтушка не стала. Лишь выдала пару банальных идиоматических фраз вроде того, что незачем лезть на рожон. И резюмировала тем, что на месте нуворишки лично она бы гордыню смирила и радовалась бы, что мальчику так свезло.

Попытки озадаченной нуворишки хоть что-то прояснить в среде себе подобных ожидаемо не дали никакого результата. Кто-то поносил невесту не хуже самой мамыши, кто-то советовал смириться. И в большинстве советов нуворишке чудился тайный смысл.

Третьим шагом в укрощении мамышки стал выданный младшим отпрыском рассказ о странном происшествии. Вроде бы однажды некий парень осмелился на какой-то дискотеке распустить руки и похватать бедную студентку за разные деликатные части тела. И парня того через месяц после событий застрелили возле собственного подъезда. А об инциденте все дружно помалкивают. Только один из однокурсников проболтался, что есть у них слушок, будто ту самую студентку обижать нельзя. И подходить к ней нельзя. И заговаривать лучше вежливо и без всякой грубости. Почему так, никто не знает. Но мало ли что.

Сытая, бездумная, расслабленная жизнь в отсутствии каких-либо забот и интересов превращает женщин в глупые диванные подушки. (А мужчин – в потешные подушечки для битья.) Если же женщины изначально не были приучены мыслить самостоятельно, если потолок их читательского интереса – комиксы в интернете, то внушить им веру во что угодно не так уж сложно. Между гороскопами, гадалками, сплетнями и завистью к тем, кто кажется богаче и сытнее, всегда найдётся место для любой белиберды.

Первый акт моего спектакля посеял в диванной подушке подозрение, что от неё скрывают нечто важное и потенциально опасное.

Второй акт начался с того, что в свадьбу дочери Ради я вложил нехилое количество килобаксов. И нувориши, воротившие нос от будущей невестки, оказались немало изумлены размахом организованного карнавала, количеством икры и масштабом праздничных фейерверков. Но особенно их впечатлил мой подарок - парный парадный портрет молодожёнов от одного ну очень дорогого художника (не имей сто рублей, а имей сто друзей).

На правах посажёного отца я по-пьяни (ну, по той самой моей вечной пьяни) внедрил в куриные мозги новорусской барыни-подушечки мысль о том, что их богатому семейству несказанно повезло. Ведь мезальянс со стороны несравненной невесты-принцессы никак не мог порадовать некоего таинственного покровителя Ради на самом-самом верху. Хорошо ещё, что он вообще не запретил девочке эту авантюру. (Вы же понимаете, девочка только номинально без отца. Разумеется, за ней всегда присматривали. И уж мне ли вам объяснять, что за этим кроется?)

Дав этим дрожжам немного побродить, я от всего сердца, по доброте душевной и из самых лучших побуждений дал новоиспечённой свекровке искренний совет. Ей бы надо немного присмотреть за сыночком. Наставить дитё на путь истинный, а то и совет материнский дать, как за женой ухаживать надо. Напомнить, чтобы цветочков там принёс, комплимент не забыл сказать. А то мало ли что. Вдруг обидится молодая жёнушка, а покровитель её известен своим крутым нравом. (Вот, например, мальчика, который плохо себя повёл с принцессой, покрошили в капусту прямо у подъезда. Не надо бы нам такого, да?)

Третий акт спектакля был уже чистой импровизации барыни. Поражённая до глубины души странным вывертом жизни нуворишка через месяц после свадьбы купила сыночку трёхкомнатную квартирку в центре. Чтобы молодые пожили отдельно. И чтобы её новая дочурка смогла почувствовать, что такое собственный дом. Бойкая же болтовня барыни во всех светских салонах о том, что она не нарадуется на невестку, посеяла в некоторых резонные сомнения в душевном здоровье барыни.

Всё же зря я не пошел в театральный.

Здесь, по идее должен был бы быть занавес и аплодисменты. Но житейские спектакли кончаются лишь похоронами. Время написало своё продолжение этой истории. Через год после свадьбы дочка Ради и родила девочку. И я с изумлением констатировал перерождение диванной подушечки в энергичную и умную бабушку.

Говорят, дети женщин утомляют и старят. Фигня. Есть женщины, для которых дети – всё равно, что эликсир молодости и силы. Выгнав невестку на работу, бабушка обрела новый смысл жизни в заботах о маленькой принцессе.

Заботы эти и по сию пору очень разумны и лишены каких-либо перегибов баловства и чрезмерностей. И заботы сами собой вышли за пределы памперсной темы. Бабушка купила издательство детской тематики. Бабушка организовала митинги за сохранение какого-то сквера в трёх кварталах от дома сына. Бабушка выступила в нескольких передачах, понося идею ювенальной юстиции. Наконец, бабушка полностью реорганизовала работу фонда, с которым было довольно много проблем у Ради. (Попробуйте не реорганизоваться, когда дородная и уверенная в своей абсолютной правоте новорусская барыня громким низким голосом заявляет вам, что вы лентяй, разгильдяй, и что вас сейчас будут пороть на конюшне.)

Говорят, правда, что второй сын барыни недавно привёз себе невесту. Мулатку. Мусульманку. Из Алжира. Публика замерла в ожидании яркого шоу.

Ну а мы с Радией продолжаем встречаться. Я подсел на более-менее регулярные дозы радиации. И мне по-прежнему нравится болтать с сияющей в постели женщиной. Она словно окно в иной мир, где всегда кто-то болен, кто-то умирает, а кто-то сражается за добро против зла. Причём в этом случае добро – не мысленная абстракция в чужих замороженных мозгах, а самое банальное добро в виде улыбки ребёнка.

Я жду тебя, Радия. Приезжай.

Аманита

Вообще-то, аманиты – это мухоморы. То есть поганки. Именно Поганкой я сразу мысленно прозвал эту шлюшку. Красивое латинское слово Аманита стало лишь заменой подлинному имени.

Из всех женщин типаж шлюшки, пожалуй, самый отвратительный. Почти у каждого мужика была в жизни такая вот подстилка, после общения с которой перестаёшь уважать слабый пол. Если мужику не повезло ещё и испытать романтического увлечение шлюшкой, он превращается в озлобленного по отношению ко всем женщинам козла, терзающего потом даже и самую хорошую жену, и славных дочерей.

Я с пониманием отношусь к существованию разумной и профессиональной проституции. Есть грязные фантазии, которые только с профессионалками и можно удовлетворить. Есть извращения, которых не потребуешь от жены или любовницы (если хоть сколь-либо их бережешь). Есть мужские существа, которые иначе как по товарно-денежному варианту не могут добиться внимания от женщины. Продажа тела всегда была, есть и будет.

Но проститутки берут деньги и оказывают услуги, то есть работают. Пусть это и неуважаемая, но работа. И в этой работе надо кое-что (а подчас и многое) уметь и знать.

Шлюшки трахаются за мелочные подарки, за обед, за дешёвую бижутерию. А то и вовсе бесплатно. Они за просто так позволяют делать с собой то, за что проститутка попросит изрядную прибавку к оплате её работы. И часто шлюшки вообще ничего не умеют в сексе, отчего возникают дебильнейшие стереотипы и заблуждения у мужчин.

Шлюшки часто разрушают жизни мужиков, которые не всегда могут распознать, к чему ведёт вроде невинный флирт на работе или небольшое приключение на отдыхе. Но если война жены и многолетней любовницы имеет понятные мотивы, то шлюшки разбивают семьи и ломают судьбы просто так. И мужик ей этот не нужен, а она ему всё испортила. Так ей захотелось.

Шлюшки снижают среднюю планку женского интеллекта в несколько раз. Они скучны, ограничены в интересах, с ними не о чем говорить. Рядом с ними мужики кажутся сами себе просто гениями. А раз он уже гений, то думать больше не обязательно. Тщеславие подменяет целеустремленность, самолюбование вытесняет здравый смысл, конец адекватной мужской самооценке.

Шлюшки портят характеры мужчин. В связи со шлюшкой главная привлекательность для мужчины – вседозволенность. Один раз связавшись со шлюшкой, мужчина может неосознанно стремиться к такой же связи, потому что это просто и не требует усилий. Захочу – трахну девку вот так. А она и слова не скажет. Даже если будет больно – стерпит. Захочу – она будет меня трахать. А она и не возразит. Хоть всю ночь будет вприсядку прыгать или слюнями давиться. Захочу – наору на неё, захочу – изменю, захочу – даже побью. Ведь это я – пуп земли, а она – глупая подстилка.

Оно бы и ладно, самой глупой подстилке пофиг, но вот мужчина перестаёт тренировать свой интеллект и характер, начинает вести себя также со всеми остальными женщинами, и умные, красивые, ценящие себя женщины попросту избегают общения с таким козлом. Ему снова и снова достаются только шлюшки, круг замыкается, и оглянуться не успеваешь, как испытываешь мучительное желание дать вчерашнему другу в морду за некоторые слова, а, главное, поступки.

Я стараюсь избегать шлюшек. В молодости я достаточно накувыркался с ними, и в какой-то момент стал очень похож на того самого козла-переростка. Помогло вмешательство мудрого мужчины. Я положил глаз на его жену и начал домогательства в стиле «классные сиськи, отсоси у меня». Сейчас я умею сказать ровно то же самое так, чтобы это звучало даже и романтично. Но тогда самое меньшее, на что я нарывался – это рихтование мордашки.

Мудрый дядька не стал опускаться до кулачных разборок с юнцом. Медленно и внятно он прочитал мне блестящую нотацию, и до конца своих дней я буду жалеть, что эта инструкция «как быть успешным мужчиной» не была записана.

Я огляделся, присмотрелся, понял, с каким шлаком смешиваюсь. И резко сменил круг общения, прежде всего отказавшись от всех связей со шлюшками. Через какое-то время я осознал, насколько стал сильнее, удачливее и увереннее в себе. И какие отпадные женщины стали сами искать моего внимания.

Я встретил Аманиту на похоронах своего мудрого наставника. Нелепо одетая девка покачивалась на высоких каблуках-копытах и с озабоченной мордашкой спрашивала у распорядителя, сколько ещё будет продолжаться церемония. Шлюшки есть во всех слоях общества, в любых возрастных и социальных группах. И по внешности шлюшку часто не определить, это типаж характера, а не стиль прикида. Но в случае с Аманитой типаж шлюшки прочитывался с одного взгляда.

Я мысленно вдарился в размышления насчет того, зачем природе такие существа, откуда они берутся, почему мужчины не способны распознать их губительное влияние. Теоретизации требовали подкрепления практическими наблюдениями, и попавшаяся на глаза поганка стала моим подопытным кроликом.

Во-первых, я проверил, можно ли довести кролика до бунта. Выяснилось, что нельзя. Аманита-кролик просто не понимала, насколько унижительно для неё подставлять свою шкурку под чужие ноги. Она воспринимала мои словесные придирки и капризы как внимание к себе. Её не смущали мои резкие выпады против всего, что ей нравилось, она попросту пыталась отказать от этого без всякого подобия борьбы. Я специально купил ей крайне неподходящее, вульгарное платье, и она одела его. Я на её глазах выкинул её детскую и памятную игрушку в мусоропровод (на самом деле только спрятал), но она даже не расплакалась, мучительно весь вечер давясь комком в горле. Я унизил её, грубо высказавшись насчет непривлекательности её груди, и она попёрлась в институт красоты выяснять, можно ли это исправить. (А потом ходят слухи о придурках, которым сиськи размером с арбуз нужны.)

Нормальная женщина давно хлопнула бы дверью. Но Аманита не уходила. Я трахался с ней. А это было для неё самым главным и единственно важным.

Бывает такой тип влюблённости и постоянной связи, когда женщина мучительно привязывается к мужчине, становясь его рабой, собачкой, когда она не в силах преодолеть собственную эмоциональную зависимость от мужчины.

Но у шлюшек нет никакой зависимости. И нет влюблённости. У них есть только комплекс неполноценности, который они сами не осознают и не понимают.

Аманита изменила мне при первой же возможности. И не потому, что ей понравился другой мужчина. Не потому, что у неё возникло влечение. Её поманили пальцем, и она растопырила ноги перед практически незнакомым мужиком. Почему? Потому что он её поманил. Логика в этом не найти, и многие миллионы мужчин напрасно тратят энергию, заставляя нейронные сети решать эту в принципе нерешаемую задачу.

Во-вторых, я убедился, что невозможно вытравить шлюшку из сознания женщины. Сменив тактику общения, я попытался найти для Аманиты некий волшебный ключик, какой-то интерес, который увлечёт её, заставит учиться, совершенствоваться, к чему-то стремиться. Мой опыт «скульптора» подсказывал, что женщины любят учиться, но с подопытной Аманитой я потерпел сокрушительное фиаско. Она послушно ходила на курсы и занятия, она покорно занималась с учителями и педагогами. Но, как в песне поётся, «даром преподаватели время и силы тратили». Аманита не научилась ничему.

Самое обидное для меня заключалось в том, что и в сексе она ничему не научилась. Всё, что было ей понятно и доступно, так и осталось на уровне «упасть на спину, развести ноги». Мои попытки объяснить, что не надо трахаться со всеми и с каждым, она воспринимала как ревность, но даже не считала нужным хоть немного вдуматься, почему и зачем я толкую ей о безопасности.

Апофеозом всей этой безнадёги стала фотка Аманиты в фейсбуке. Выложив на всеобщее обозрение себя в объятиях некоего дядьки, поганка радостно и гордо похвасталась перед подружками, что от неё «буквально упал в обморок обворожительный

мужчина». У обворожительного мужчины незамедлительно обнаружилась жена, а я понял, что мой запал псевдонаучных исследований угас.

Я вежливо показал Аманите на дверь, и на прощание она выдала мне неплохой, а местами даже и занимательный набор грубой матерной брани. Брань сводилась к тому, что никогда больше мне не встретить такую женщину, как она (я даже порадовался за себя), что ни одна женщина не будет меня любить так, как она любит (и не надо меня так любить), и что я никогда и никого не полюблю так, как люблю её. Как можно было не понять, что я её не то, что не люблю, а попросту использую?

Бросив меня (это она меня бросила, потому что я не смог оценить величия её души), Аманита стала встречаться с типичнейшим козлом. И все черты шлюшки проявились в ней отчётливее и однозначнее. Тупость, отсутствие уважения к себе и к другим. Мелочная зависть, сплетни, бездумное листание гламурных журналов. Заискивание перед козлом, погрязание в бытовухе. И похотливость, которая не от сексуальности, а от лени. Зачем что-то читать, зачем что-то узнавать, зачем быть интересной, когда и так любят? Лапают, значит, любят. Трахают, значит, любят. Матерят, значит, любят. Бьют, значит, любят.

Значит, так тебе и надо, шлюшка.

Тори

Откройте какой-нибудь женский сайт и поищите фото Виктории Бекхем эпохи самого начала тысячелетия. Именно такой видела себя в мечтах моя гламурная Тори.

Сложная цепь обстоятельств привела меня на вечеринку молодняка, проходящую на даче неподалёку от моего дома. Прибыл я в трясущийся от звуков и прыжков обезьянок домик в качестве цербера и блюстителя нравов. Ипостась эта мне категорически не нравилась, поскольку я был не так уж сильно старше студентов, и в целом полагал, что такие сборища молодняка самой природой определены как место бесилова, в результате которого род человеческий получает шанс на продолжение.

На тусовку затесалось два представителя мужского пола среднего возраста, и на меня возложили «миссию спасения» милых наивных деток (и особенно – юных дев) от возможных развратных и криминальных поползновений этих дядек.

Проверка показала, что один подозрительный субъект пал жертвой чар одной из студенточек и бдительно пасёт свою юную деву сутками напролёт почище любого цербера, соглашаясь терпеть какофонию и специфическую атмосферу молодёжных тусовок. Второй и вовсе оказался безобидным инфантильным чудиком, по уровню развития мозгов навсегда застрявшим на отметке «пятнадцать лет».

Немного разочарованный отсутствием поля для подвига, я осел на маленькой террасе дачки, грустно размышляя на тему того, что, кажется, вот совсем недавно хозяйка дачки всю ночь напролёт скакала молодой козочкой по лужайке, а потом жарко целовала меня в старом гараже. И не успел я оглянуться, как по той же лужайке скачет её сестра – очень даже фигуристая деваха, которую я запомнил, как нечто маленькое, вредное и мешающее.

Тут-то на меланхоличного меня выплыло гламурное чудо. На девочке-конфеточке была короткая розовая юбчонка, оранжевый топик на бретельках и невероятной длины верёвка с напутанными на неё бусинами, монетками, железками и пластмассовыми куколками. Два торчащих в стороны светлых хвостика были перехвачены цветными резинками, а по центру пробора была прицеплена заколка-бабочка.

Узрев перед собой этакий живой вариант Сейлор Мун, я вздохнул и ущипнул себя за руку, мысленно гадая, не решил ли я нюхнуть чего вдохновляющего вместе с молодняком. Но нет, это не было видением, это была реальная мультяшка, причём

совершеннолетняя и доступная. Спать с ней я не собирался, и никаких мыслей на этот счёт у меня даже не проскочило.

Мультяшка же, явно волнуясь и нервничая, спросила у меня, похожа ли она на Викторину. Мне потребовалось минут десять наводящих вопросов, чтобы въехать в то, что имя этой самой Виктории я слышал, но совершенно не представляю, как она выглядит, и чем, собственно, так знаменита. С попсовым творчеством я знаком исключительно по проигрышам в клубах, и хотя многие мелодии отличаю на слух, идентифицировать композицию или певца по мелодии не смогу – по той простой причине, что никогда не знал, кто именно исполняет вот эти «умца-дрынца-трица-ца» или вот те «дули-пули-фули-спились-два-дедули-о-о-е».

Я сказал мультяшке, что она очень похожа на ту, которую считает для себя эталоном и образцом для подражания. Тори расцвела улыбочкой и бойко запрыгнула мне на колени, нежно склонив голову на моё плечо. Фанатка эталона оказалась изрядно поднабравшейся. И блюстителю нравов ничего не оставалось, как пристроить тело фанатки на свободный диванчик.

Я начисто забыл об этой встрече, но примерно через месяц мультяшка нарисовалась в моём офисе, чтобы прямо и без всякого стеснения спросить, был ли у нас с ней в ту ночь секс. Я сказал, что нет, и она погрузилась на глазах. Я тоже без стеснения спросил, не связан ли её вопрос с беременностью. Тори печально подтвердила, что да, она беременна, но никак не может понять, как и от кого забеременела. У неё был один секс в безопасный день и с защитой. У неё был секс без защиты, но только оральный. У неё был прерванный половой акт, но тоже в неподходящий день. Оставалась надежда на то, что я воспользовался её пьяным состоянием. Может, я всё же это сделал?

И почему женщины так уверены в том, что мужики только и думают о том, как бы им воспользоваться их беспомощностью? Причём, те, кому вовсе не надо этого бояться, а, скорее, надо на это надеяться, орут громче всех остальных, обвиняя сильный пол в гнусных поползновениях на их половую свободу.

Грустная Тори ушла, а через две недели явилась снова, чтобы бросится мне на шею, поцеловать и заявить, что никакой беременности не оказалось, а оказался обычный сбой в цикле. И теперь нам надо это отпраздновать, потому что ей нет смысла рассказывать, какой я оказался мерзавец.

Ну и раз уж я всё равно оказался мерзавцем, я отвёз Тори к себе и оказался мерзавцем ещё два раза. А потом я ещё разочек оказался редкостным подлецом.

Встречаясь с Тори, я невольно представлял себя таким мультяшным аниме-героем. Высокий, стройный, одинокий и страдающий принц прижимает к себе нечто в бантиках, и боль отпускает его. За плечами у него, конечно же, развевается тёмный плащ, в лохматых тёмных волосах сверкает белая прядь, и всё так серьёзно-печально, что аж скулы сводит. Соблюдая некую гармонию образа, в сексе я придерживался стиля грустного романтизма, утончённости и одновременно циничной разочарованности, не забывая время от времени прижимать Тори к себе с экзальтацией страдающего принца. Это было смешно и достаточно занимательно.

Не сразу, но я просёк, что совсем не в ту фантазийную реку влился. Надо было брить голову, выбирать спортивный стиль одежды, обнимать футбольный мяч и сверкать европейской улыбкой звезды, стоящей больших денег.

Однако первая же моя попытка заняться сексом на правильном спортивном поле стала невероятным разочарованием. У Тори были точные представления, что именно должна Виктория Бэкхем делать в постели (да простит меня эта милая женщина за столь частое упоминание всуе и в таком контексте). Мои попытки изменить эти представления упирались в железную логику: «я фанатка, я лучше знаю». И на примере таких отношений с Тори я познал, как подчас неловко и грустно ощущать себя некоей заменой,

суррогатом, который нужен лишь для придания фантазии шизофренического уклона. Ты трахаешь женщину, а она трахается с каким-то другим мужчиной.

Соревнование со звёздной парой я проиграл по всем статьям. Я не помнил дня рождения Виктории Бекхем. (Равно как и вообще я не помню ни о чьих днях рождениях – если хотите получить подарок, предупреждать надо, и лучше за пару дней.) Я не помнил, какого цвета глаза у Бекхема. (Мне как то по... барабану эта тема.) Я не знал, где именно, когда и за какие деньги они купили свой последний особняк. (Я свозил Тори в свой загородный дом, но куда же мне тягаться с Бекхемами.)

Заскоки Тори меня сначала веселили, но любая шутка приедается, а если её повторять и повторять изо дня в день, то любой анекдот можно превратить в нечто уродливо-отвратное. Я пытался превратить мультяшную девочку в живую женщину. Честно. Может, я не был так уж настойчив и упрям в этой затее, но и Тори было феноменально наплевать на то, что есть у неё здесь и сейчас. Она жила в каком-то прекрасном мультяшном завтра, которое никогда не настанет. А я реалист, и однажды мне надоело быть заменой несбыточной фантазии. Я сказал Тори «аривидерчи».

Может, однажды ей удастся найти своего Бекхема.

А в мыслях проскакивает: вряд ли.

Моргана

Фея Моргана – неоднозначный персонаж в средневековых легендах о рыцарях круглого стола и короле Артуре. Как только я увидел красавицу Моргану, мне почему-то сразу представилось, как эта вредная и хитрая ведьма варит оборотные зелья и заманивает в коварные ловушки королей и героев.

Моргана – это бестия, умеющая выигрывать везде и при любых обстоятельствах. Она никогда не сдаётся, а пережив неудачу, затевает что-то новое. Выиграв, она не пляшет на костях побеждённых, а устраивает дела друзей и близких. Она знакома со всем миром. Весь мир знаком с ней. Короли и рыцари жаждут быть обманутыми ею, а колдуны ломают свои посохи, понимая, что никогда не переиграют обольстительную женщину, повелевающую теми посохами, что спрятаны под мужскими мантиями.

С первого взгляда мы с Морганой не понравились друг другу. Я сторонюсь женщин, откровенно использующих секс для манипуляций мужчинами. А Моргана не любит мужчин, навязывающих женщинам свои решения в постели.

Вторая встреча привела к возникновению между нами стойкой обоюдной неприязни. Я хотел её. Но не хотел падать к её ногам с признанием значимости её сексуальной власти. Ей было любопытно проверить слухи обо мне. Но она не собиралась, подобно многим другим женщинам, делать первый шаг. В итоге мы вляпались в ту известную ловушку, когда неприязнь лишь маскирует нереализованный интерес.

Я занялся бизнесом и выпал из тусовок фланирующих дам и мужчин-лентяев. Моргана родила дочку. Я встрял в политику. Моргана написала книгу и создала прибыльный интернет-портал с редкостным по идиотизму гламурным наполнением. Я продал одно, купил другое, засветился там, подсуетился здесь. Моргана продала портал, купила супермаркет, показалась здесь, появилась там.

Мы периодически встречались, и как две закадычные змеи обменивались колкостями и ядовитыми намёками на любовные похождения, мы шипели друг на друга, мы фыркали, но никак не хотели признать, что проще было бы сразу переспать. Возможно, мы так и были бы иллюстрацией глупой строптивости, но небеса свели нас в нужном месте в нужное время.

Я переживал сложный разрыв с одной из подружек. Обстоятельства разрыва были трагичны, и я утратил обычную весёлость. Моргана взялась за невероятно сложный проект по озеленению вип-резиденции и довела себя работой до засыпания на ходу.

Столкнувшись в метро (кто бы мог подумать, но так и было), мы оказались не в состоянии подкалывать друг друга. Ей нужно было плечо, чтобы опереться. Мне нужно было кого-нибудь обнять. Так мы и подружились.

Я организовал производство, разорил конкурента, отошёл от дел, начал новый проект. Моргана бросила садоводство, занялась строительством, прогорела, родила сына, начала новое дело.

Время от времени мы общались, с каждым разом находя всё более полное совпадение точек зрения на бизнес, мир, людей и секс. Моргана – единственная женщина, которой я рассказывал о других своих подругах. Я – единственный мужчина, с кем она могла посмеяться над некоторыми своими незадачливыми любовниками.

Неизбежность следующего шага была нам обоим очевидна, но мы откладывали его. Одинаково развращенные и пресыщенные мужчина и женщина в одной постели – это риск. Риск отсутствия интереса, риск цинизма, который сбивает возбуждение, риск обнаружить другого слишком скучным и предсказуемым. Мы не хотели потерять дружбу из-за секса. Но небеса помогли нам снова.

На этот раз от Морганы сбежал любовник, а я оказался в том месте, куда Инди любила запихивать морковь. Но вместо русского подземелья местом встречи стали античные катакомбы. И, вытащив Моргану к тёплому солнцу, я разорился на аренду пентхауса с видом на море. С тем же успехом вместо вида могли быть фотообои. Или просто обои. Или наклеенные газетки.

С Морганой у нас был самый естественный секс – без придумок и финтифлюшек, без накручивания каких-либо моральных проблем. Мы не экспериментировали с позами, мы быстро поняли, кто что предпочитает, и доставляли друг другу именно то удовольствие, которое было наиболее желанным. Никаких проблем и заморочек, ни грамма фальши и мистификации. Мужчина и женщина в простом стремлении соединения тел в продолжение слияния душ.

Я придумал хитрый фортель, получил большой куш, проигрался на бирже из-за фальшивого инсайда, получил в морду от бывшего конкурента. Моргана организовала благотворительный фонд, написала книгу, поссорилась с одной важной леди, выпустила коллекцию какой-то женской дребедени по собственным эскизам.

Мы встречались, общались, занимались сексом, и одно дополняло другое. Мы не лицемерили и не врали друг другу, мы разговаривали обо всем на свете, честно делись мыслями и оценками тех или иных событий.

Мы подумывали жить вместе, но решили, что нам обоим будет куда более скучно выслушивать ежедневные будничные проблемы, чем периодически выплёскивать друг на друга большие новости. Иногда, правда, мы шутили насчет продолжения рода и знали, что в этих шутках есть только доля шутки.

Я был уверен, что эта любовь и это счастье будут длиться вечно. Но какое дело до этой уверенности было пьяному долбодятлу на папашкином лексусе – он же опаздывал на дискотеку, где его ждала какая-то доступная подстилка, а поэтому люди на тротуаре должны были сами разбежаться перед его машиной, и если уж не разбежались – сами виноваты. Двое пострадавших умерли на месте. Ещё двое в больнице. Моргана чудом выжила.

Я приезжал к ней в больницу. Каждый день. Хоть на пятнадцать минут. Я привозил ей фрукты и сладости, хотя знал, что ничего этого ей нельзя. Ей нравилось смотреть на крепкие яблоки, и разглядывать коробки с конфетами. Она представляла себе, что вкушает угощение, это было трогательно и задевало что-то нежное в моем сердце.

Для Морганы я сделал нечто невероятное. Я забрал её детей к себе. Наши дома прилично разнесены с точки зрения географии, а контролировать мамок-нянек-кормилиц

на расстоянии оказалось невозможным. Обнаружив в результате внезапной ревизии парочку грязных голых детишек, исследующих съедобность зёрен кофе, самостоятельно добытых детишками из шкафа на кухне, я глубоко вздохнул и прыгнул в ад.

Нет, у Морганы очень славные дети, и после нескольких проколов я вполне с ними поладил. Но все эти няньки, кухарки, уборщицы... Галерея типажей под общим названием «все бабы – дуры». Слетев с катушек после недели маеты с первым набором домашнего персонала, я всех выгнал. Второй набор отправился нафиг ещё через три дня. Третий ушел в полном составе после пяти испытательных часов.

И я лёг на амбразуру воспитания детей в абсолютном одиночестве. Меня, правда навестили почти все родственницы, но это было своего рода парадом торжествующих над поверженным самцом амазонок.

Мама выдала мне прекрасный спич на тему того, что мне надо было жениться ещё в школе на той шлюшке с четвёртым номером лифчика. Я напомнил маме, что она сама спустила ту шлюшку с лестницы, застукав в моей постели. На это мне заявили, что если бы я был мужчиной с характером, а не половой тряпкой, то ушёл бы из дома и жил бы с любимой в шалаше.

(Именно это они с отцом сделали в свое время. Совершенно буквально. Жили в пригородном лесочке в выкопанной землянке. Найти священника, чтобы обвенчаться и разжиться волшебным снотворным, атеистически воспитанные советские дети не решились. Пошли по пионерско-партизанскому пути. Как говорится, с тех пор я такой.)

Сестра расцвела серией ядовитых улыбок и констатировала, что ни одна женщина в своём уме не выйдет за такого растяпу и размазню, как я. И если я и дальше останусь столь безвольным ковриком, то все нормальные женщины так и будут от меня убегать.

(У этой нормальной женщины три мужа. Полковник-десантник, директор завода и композитор. Несмотря на разводы, эти безвольные коврики боготворят бывшую жену. И покорно стоят в очереди на доступ к телу.)

Тётка с жалостливым причитанием утешила, что в мире много таких же убогих и жалких мужчинок, как я. И обязательно найдётся какая-нибудь хроменькая и кривенькая девушка, которая меня полюбит.

(Сама статная тётка-пловчиха вышла замуж за полуслеплого еврейского мальчика, который буквально лёг ей в ноги – в мокрую весеннюю слякоть. Из этого убогого мальчонки тётка слепила бодрого и весёлого академика, уважаемого во всем мире. Академик каждый год в один и тот же день валяется в весенней слякоти. Мартовские коты отдыхают.)

Кузина проникновенно сообщила, что с комплексом неполноценности можно жить. Не надо только замыкаться в себе. Надо общаться, надо встречаться с женщинами. Если подсесть к какой-нибудь особе на лавочке возле психдиспансера, то вполне может оказаться, что у неё тоже комплексы. И будет, о чём поговорить.

(Муж кузины – психотерапевт. Где она его подобрала – легко догадаться.)

Наконец, моя почтенных уже лет бабуля не поленилась выбраться из любимого кресла, чтобы одарить меня собственноручно связанным носком. (На второй у неё терпения никогда не хватает, а один можно на новый год повесить к камину. У меня таких «подвесок» целая коробка, а ни одного камина нет.) Бабуля одобрила детишек Морганы (смазливые мордашки, умные глазёнки) и посоветовала мне поехать за женой в... Северную Корею. Там ещё остались правильно воспитанные и идейные девчонки. И выбрать мне следует девушку пострашнее, желательно без сисек. Глядишь, на такую здесь никто не польстится. А влюбляться в красивых девчонок мне незачем. Красивые вертихвостки не смогут оценить по достоинству меня – скромного, застенчивого и стеснительного мальчика.

(Мой дед, очень скромный мальчик, застенчиво украл бабулю с её же свадьбы, робко нанеся телесные повреждения средней тяжести жениху и шаферу, а также

стеснительно нокаутировав будущего тестя. Красивая вертихвостка не оценила по достоинству порыв похитителя – слегка придушила его фатой.)

Не знаю, есть ли у меня комплекс неполноценности. Сам про себя не замечал, но, может, со стороны виднее. Полагаю, если он и есть, то он – естественное следствие комплекса превосходства, которым вовсе даже не страдают женщины моего семейства. Они очень даже неплохо живут с этим комплексом. Я бы даже сказал, что они им наслаждаются.

Полагаю, я изрядно повеселил очень большое количество людей своим внезапным погружением в детскую тематику и просьбами помощи в поиске вменяемых няnek. Помог мне высокопоставленный человек, от которого я этого никак не ждал, и которого о помощи не просил. Он искал хорошее место в приличном доме для няни своих подросших детишек. Я не решился ему признаться, что мой дом вряд ли можно назвать приличным.

Няня откликнулась на прозвище Фрекен и пекла волшебные плюшки, за которые её собственно и прозвали в честь известной литературной тёточки. Внешне в ней не было ничего от киношных и мультяшных образов, но за пару дней она навела порядок в моём доме.

Дети ходили строем, и слушались её тихого мелодичного голоса. Я ходил строем, слушался и краснел, когда Фрекен распекала меня за картину на стене. На картине лежали три голые девки в расслабленных позах. Все давно привыкли к этому пятну на стене, и никто не обращал на сюжет никакого внимания. С тем же успехом там могли лежать гигантские персики или вообще быть абстрактные цветные кляксы. Но детский глаз – алмаз. Сынулька Морганы, тыкая в картину пальцем, восторженно вопил «сиси!», что с точки зрения учебников по психологии могло повредить психике мальчика. С моей точки зрения мальчик всего лишь демонстрировал естественный мужской восторг, но картину я всё-таки снял.

Жизнь вошла в какую-то разумную колею. Но я не успел перевести дух. Слухи расползлись по городу, вызвав просто термоядерную реакцию в женских разумах. Мамашки моих детей хором завопили «Мерзавец!» и с разной степенью силы начали закидывать меня моральными камешками. (Хорошо, до настоящих дело вроде не дошло.)

Так я обнаружил, что у меня есть дочка, о которой я вообще ничего до этого не знал. Её мать была слишком горда, чтобы сказать мне о двух полосках, которые она обнаружила через пару недель после нашего прощального вечера. Также гордо она выносила ребенка, родила, гордо записала только на себя. Гордо несла по жизни статус матери-одиночки. А потом узнала, что я нянькаюсь с чужими детьми, явилась и гордо заявила, что не может допустить, чтобы её дочка была лишена законных прав. Такой вот гордый житейский переплёт получился.

Весёлое было время. И тревожное.

У Морганы не было шансов. Длинные списки её диагнозов и осложнений не оставляли надежды. В лучшем случае – беспомощная калека. В худшем – овощ. Я добился нескольких консилиумов толковых врачей, оплатив даже и перелёт одному хирургу из-за океана. Но вердикт у всех был один и тот же. Ждать. Верить. Молиться.

В этой книге нет смысла распространяться о том, во что и как я верю и не верю. Одно скажу. Молиться я не умею. И никогда этого не делаю – в том понимании слова «молитва», в каком оно распространено в нашем обществе.

Вместо молитв я действовал всё, что мог, чтобы долбодятел не ушёл от ответственности. Я принуждал друзей, я давил на партнёров, я дёргал все деловые и социальные связи, какие только мог припомнить. Я просил о помощи своих женщин, чего никогда не делаю. Я заручился поддержкой отца, обычно избегающего вникать в мои авантюрные идеи.

Меня заставили продать несколько долей в хороших бизнесах. Мои собственные компании трясли проверками и разоряли, блокируя счета и срывая наши поставки. Я сам попал под четыре суда по подложным делам, в том числе по двум уголовным статьям. Кое-кто начал от меня шарахаться, потому что проблемы начались и у моих партнёров.

Спасибо моим женщинам. Позже я узнал, что некоторых уговаривали свести со мной счеты, обвинив в изнасиловании, побоях и всём таком прочем. Но никто из моих любимых меня не подставил. Иногда счастье познаёшь весьма странными путями.

Честно признаю, что моих сил не хватило.

Законопослушный ангел, трезвый как стёклышко, ехал медленно, спокойно и ни на какой тротуар не заезжал. Шесть пьяных в доску пешеходов неожиданно сами выпрыгнули на дорогу в неположенном месте. И правильно, что четверо подохло. Сами виноваты. Состав преступления нет. И вообще, что эти пострадавшие себе позволяют? Затравили мальчика, он, бедняжка, так расстроился, что улетел отдыхать на тёплые острова. Нервишки подлечить. Надо с пострадавших моральную компенсацию запросить, а то билеты на самолет такие дорогие...

Из всех махинаций дела и борьбы закона с логикой и справедливостью мог бы выйти отличный криминально-политический детектив. В конце которого меня убили бы.

Но после отклонения очередной апелляции ко мне приехал красивый южанин, который представился Иваном. Он мог бы и не врать. Я понял, кто он, поскольку дочка Морганы унаследовала изящные черты его лица и тёмные глаза, обещающие стать проклятием для другого пола. Иван коротко сообщил, что следит за ходом дела, уважает мои усилия, весьма впечатлён тем, чего я добился. Теперь же мне следует отступить. Пришла его очередь разобраться с темой.

Иван не задал мне ни одного вопроса ни о Моргане, ни о дочке, ни о деле, но я понял, что он неплохо обо всём осведомлён. Я периодически живу под колпаком, но обычно знаю это. Обнаружить, что есть колпаки, о которых ты даже и не подозреваешь – весьма специфический опыт.

Я отступился. От меня отвязались. Дела против меня исчезли (именно так, я не оговорился). Раздёрганный бизнес я немного подлатал и продал. Свозив хорошенькую дурочку в загородный дом отдыха, я компенсировал себе довольно долгий период воздержания. Потом я вляпался в спекуляции землёй и выпал из грязных закоулков юриспруденции.

Долбодятел погиб на новом мерседесе папашки. Однажды ночью что-то большое и тяжёлое размазало машину и водителя по крупному шоссе. Получился вытянутый железный блин с кусочком фарша внутри. Лично меня фотографии с места происшествия впечатлили. Я до сих пор гадаю, как это было сделано. Проутюжили, что ли? Чем?

Никто ничего не видел. Ни одной машины поблизости не оказалось. Ни одного асфальтового катка, танка или хотя бы вездехода в радиусе ста километров не было. Да что там, по оживленной трассе, обычно забитой фурами и грузовиками, в тот вечер и ночь почему-то даже газели не ездили, не говоря уже о разных мазах-камазах. Все водилы как-то разом решили переночевать за десяток километров до или после небольшого лесочка.

Никаких свидетелей. Никаких следов. Вообще ничего. Только блинчик.

Папашу от вида останков сыночка хватил инфаркт. Так что похоронили их вместе.

Ивана я больше не видел. Но за его счет на моей репутации нарисовалось нечто устрашающее. Многие не сомневаются, что это я приложил руку к загадке блинчика. Отрицать бесполезно, подтверждать глупо, так что я теперь весь из себя такой причастный к страшным тайнам мира сего. Забавно, но и представители юриспруденции меня внезапно очень зауважали. Прислали извинение за судебную ошибку. Я до этого думал, что в этой стране такого не бывает.

Моргана обошла все запреты на жизнь. Она всё ещё проводит большую часть дня полулежа. Она сидит на игле и не всегда контролирует реакции своего тела. Но она уже дома. Она сумела встать на ноги. Она разрабатывает свою искалеченную руку и ругает директора своего нового интернет-проекта. Она лопаёт плюшки Фрекен, пишет новую книгу и учит детей странному южному говору...

Небеса любят её. Может, и меня. Или нас вместе.

Держись, Моргана, поправляйся, моя любимая.

Фати

Я долго раздумывал, писать ли о Фати.

Знакомство с ней изменило некоторые мои взгляды на мир и женщин, я стал нетерпимее к глупости и фанатизму, а также к обычному бабскому нытью о тяжелой доле. Я не давал ей имени, она сама неразборчиво представилась тихим голосом, а я не стал переспрашивать, хотя и знал, что в её официальном имени из двух десятков слов похожего сочетания звуков нет.

Я не очень уверенно чувствую себя на поле дипломатии. Я уверен в себе в переговорах с соотечественниками, поскольку знаю все заскоки и экивоки родных типажей мерзавцев. Отчасти я и сам такой. Но наш мир всё же отличается своей неповторимой спецификой, что понимаешь, когда попадаешь в иные цивилизации.

Одно время я размышлял об эмиграции, но понял, что никогда не буду там счастлив так, как здесь. Да, здесь грязнее. Да, здесь я бесправней и боюсь правоохранительных наездов, чего никак не объяснить ряду моих забугорных партнёров. Да, здесь, возможно, скоро рванёт социальная мина, которую успешно заряжают последние пару десятилетий неразумные головы на самом верху.

Но здесь я в своей стихии. Эту землю защищали мои предки. Этих женщин я называю своими по праву рождения здесь. Этот мир создал меня таким, какой я есть, и глупо не любить его, потому что в нём много прекрасного. А плохое есть везде. Даже если вы не видите его, оно есть. И когда вы его разглядите, может быть уже поздно, оно будет держать вас за горло. Или за яйца. Или оно не будет держать вас. Зачем держать труп? Если только оттащить на мыловарню.

Может, это и глупо, но если уж быть мылом, то для своих, родных девчонок.

Я вляпался в дипломатию, приняв на время бразды управления бизнесом, значительная доля в котором принадлежала моему другу. Я никогда не брался ни за что подобное, но другу нужно было решить сложные личные проблемы, а я ему многим был обязан. Бизнес был завязан на иностранных поставках. Так вот и получилось, что окружённый толпой мужчин и женщин, чирикающих что-то друг другу на десятке языков мира, я ошеломлённо проникался чувством сопричастности к творению истории мира, как вдруг скромно одетый мужчина пригласил меня подойти к его госпоже.

Я до сих пор не знаю (точнее всего – уже никогда не узнаю), почему она выбрала меня? Что во мне вызвало её расположение? Знала ли она о моих похождениях? Это не закрытая информация, но ведь и не афишируемая в жёлтой прессе?

Фати родилась в России, в смешанном браке каких-то африканцев. Между собой они были такими же иностранцами, как к примеру французы и поляки, поэтому часто говорили на русском. И Фати говорила по-русски медленно, но понятно. Родители, ожидаемо разбежавшись после окончания учёбы, таскали дочку то в одну страну, то в другую, но странным образом судьба снова привела её в наши снега и морозы.

Позже друг мне сказал, что на том саммите я здорово продвинул его дела даже со своими очень хромающими познаниями языков и заметном невежестве по части разных принятых условностей. Но работал я на абсолютном автомате. Фати поразила меня.

Смуглая, красивая, властная женщина почти с меня ростом выглядела ожившей иллюстрацией сказок о повелительницах мира. В манерах Фати было что-то королевское, непостижимое. Когда меня ей представили, она только склонила голову, а мне уже захотелось пасть на одно колено и проорать что-нибудь вроде клятвы на верность. Эта харизма пару раз спасла ей жизнь, потому что она играла роль важной пружины в военных переворотах обеих своих исторических родин, но, даже проигрывая, ухитрялась оставаться этакой священной и неубиваемой наследницей великих родовых кланов.

Мы переговорили с Фати буквально несколько минут, в которые вместился лишь пустой обмен любезностями. Но мои фантазии о такой женщине в моих же объятиях изрядно сбивали меня с делового настроя весь вечер.

Спустя некоторое время я получил приглашение посетить некую загородную резиденцию, и, предвкушая невероятно интересный день (а там, глядишь и сладкий вечер, и бурную ночь, и нежное утро...), нафуфырил на себя самые лучшие тряпки от известных домов мужской моды и отправился на randevu.

Меня встретил бравый охранник в чудной заграничной военной форме. Меня сопровождал садовник в простом гражданском костюме. Меня встретил распорядитель в национальном костюме (надо полагать, это такой дипломатический приём, проверяющий выдержку гостя, не засмеяться было крайне сложно). Меня провёл по резиденции секретарь в рваных джинсах и футболке. Когда я уже начал чувствовать себя персонажем какого-то нелепого анекдота, очередной подобострастный мужчина указал мне на дорожку, ведущую к небольшому отдельному павильону, расположенному поодаль в парке.

Подпрыгивая от нетерпения и мысленно напевая что-то радостное, я направился к одному из самых ярких кошмаров реальности, которые мне довелось увидеть в этой жизни.

Я не люблю вспоминать тот день. И долгое время потом я сторонился разных там беседок и павильончиков в загородных особняках. Я достаточно крепкий нервами человек, многое повидавший в этом непростом мире. Но то, что мне доверила Фати, так и осталось для меня одним из самых отчаянных и безумных свидетельств безнадежности моей веры в лучшее завтра и прекрасное далёко, которое однажды настанет для кого-то из моих потомков.

Человечество фатально больно. У людей больной разум, отвергающий нормальную логику. У людей слабый разум, на котором паразитируют суеверия и религии. Люди научились разносить в пыль свои города, но так и не познали красоту собственных тел, так и не поняли, что смысл жизни не в уродовании всего и вся на своём пути.

Мы обречены. Однажды глупость на пару с фанатизмом сожрут всё самое лучшее на этой планете, а потом тараканы позавтракают нашими останками, обсуждая со своими инопланетными братьями тему того, насколько тупиковой была эта ветвь эволюции.

Фати была обрезана в возрасте девяти лет, позднее, чем обычно это делают. Во время варварской процедуры у девочки были отрезаны все половые губы и вырезан клитор. Портновскими ножницами и бритвой. Без обезболивания. Без каких-либо процедур по заживлению. Без операции по зашиванию оставшихся лохмотьев в один рубец, что обычно делается при таком тотальном калечении девочек. От Фати просто откромсали всё самое деликатное и выбросили.

Таковы правила жизни в некоторых странных (и если быть честными – ущербных) обществах нашего мира. Так принято. И мать ведёт дочь на калечащую процедуру, потому что без этого ей замуж не выйти. И муж раз за разом насилует жену, потому что представления не имеет, что она может отдаваться ему по своей воле, с радостью, а не

молча, закрыв глаза, изо дня в день терпеть боль и унижение. И важные дядьки, мнящие себя авторитетами, важно заявляют, что без этого наш мир накроет тьма.

Мы и так во тьме. Мы в такой тьме, что никаким светочам не хватит энергии разогнать этот мрак и ужас, под пеленой которого мы калечим своих женщин и детей.

Можете что угодно говорить про культурные обычаи и менталитет, про особенности местности и погоды, про моральные ценности и вековые устои. Единственным смыслом женского обрезания является лишение женщины сексуальности. Зачем это надо? Чтобы превратить её в неполноценное существо. Зачем существо? Чтобы оно вдруг не подставило свою киску другому мужчине. Почему ей нельзя подставить другому киску? Потому что нельзя.

Искривление естественного отбора. Проще убить в женщине женщину, чем быть умным, интересным, красивым мужиком, которому эта женщина будет принадлежать не по праву силы, а по своему желанию. Проще надеть на голову женщине мешок, чем признать, что она смотрит на других мужчин, потому что сам ты слаб и жалок.

Самое печальное, что всё это бесполезно.

Я получил однажды офигенское приглашение от красотки с мешком на голове. Может, она и не была красоткой, но она послала мне сексуальный призыв одними глазами. Через прорезь в мешке. Вокруг был клан её мужчин, а она соблазняла меня, торжествуя над всеми глупыми трактатами, утверждающими, что это невозможно. Я был здорово потрясён, хотя и сдрейфил пойти дальше.

Я попал как-то в не слишком ловкую ситуацию, когда наши отечественные дамы в платках и хиджабах недвусмысленно пригласили меня познакомиться поближе. Горячие парни гордо хвалились друг перед другом и передо мной какими-то фантиками, а их девчонки искали пути для выхода из тупика навязанных и неприятных замужеств. Они их найдут, сколько платков на них не одень.

Наконец, пример Фати доказал мне, что даже искалечив физически женщину, невозможно лишить её той волшебной женской сути, что заставляет мужчин терять голову и ненавидеть женщин, обладающих такой властью над их жизнями и сердцами. Фати под принуждением стала женой одного видного государственного деятеля. И затеяла переворот против него, причём чисто по-женски, столкнув трёх мужчин на почве ревности и зависти. Её мужа расстреляли, как расстреляли из-за неё ещё несколько десятков мужчин. И тысячи погибли в военных разборках трёх стран мира. Может, разумнее было оставить ей клитор, чтобы иногда мужчины могли сбрасывать эту энергию в страстные ахи и вздохи? Счастливее были бы. И живее.

Мой опыт говорит о том, что фригидных женщин не бывает. Все женщины хотят секса, все они чувственны, и все они жаждут сексуального удовольствия. Специально для мужчин, существ простых и примитивных, природа снабдила женское тело удобной, доступной и безотказной «кнопкой», позволяющей легко добиваться мощной сексуальной реакции даже у самой закомплексованной дуры. Клитор – дар мужикам от природы, чтобы не слишком заморачиваться с женскими вывертами.

Когда я решил изучить женскую физиологию подробнее, то с немалым изумлением обнаружил, что наука сделала много мощных шагов по изучению этого предмета, и что и сам я подвержен ряду заблуждений.

Всех желающих отправляю в соответствующие книги. Выберите только новые и научные учебники, гламурные журналы слишком часто врут. Варварские представления, которые бытуют в нашем обществе, многих лишают полноценной сексуальной жизни. Потрахаётесь с разумным пониманием процесса, глядишь, словите тот кайф, о котором и представления не имели.

Но без «кнопки» элементарное дело доведения самочки до экстаза усложняется.

Махнув стопарик водки и немного придя в себя после увиденной интимной «красоты» Фати, я принял вызов. Раз уж то, что лежит на поверхности, было уничтожено, придётся нырять на глубину.

Я доводил множество женщин до оргазма. Разными способами, в разных местах. Я знаю многое о женской сексуальности. О том, чего женщины хотят в своей голове, и о том, чего они хотят не мозгами, а телом. Я могу заставить красотку кончить в пару минут или извиваться от неги и желания часами. Но для меня секс всегда был и остается моим удовольствием, моим развлечением, моим базовым инстинктом.

Только один раз, удовлетворяя женщину, я совсем не думал о собственных желаниях. Я думал о двух глупых амёбах, которые подрались из-за третьей, у которой была чёлочка и дырочка. Веками и тысячелетиями наследники тех придурков творили безумия ради того, чтобы не остаться без самочки (или хотя бы всех остальных лишить известного удовольствия).

Когда уже мы разберётся, что самочек – пруд пруди? Что бесполезно надевать на самочек ошейники? Что единственной «работающей» привязкой женщины к мужчине является любовь? Что за все остальные способы удержания женщин мы платим слишком дорого: здоровьем, нервами, силами, разумом, жизнями?

Я был далеко не первым любовником Фати. Но первым, кому удалось всё же победить в войне против варварских традиций. Она испытала оргазм. Вопреки тому, что можно подумать, я вовсе не был так уж рад и доволен собой. Моей первой мыслью было желание куда-нибудь слить и побыстрее.

После прослушивания замысловатой музычки и просмотра национального танца в исполнении голеньких шоколадок, мы всё повторили. Чтобы господин секретарь мог не на видео, а непосредственно рядом поучиться и запомнить, что и как надо делать.

Как сказал кто-то из великих: платой за право быть лучшим является обязанность быть лучшим.

В качестве благодарности Фати «подарила» мне на время «пока не надоест» одну из своих служанок. Хорошенькое шоколадное тело ничем не было изуродовано. Оно великолепно отзывалось на ласки, и было готово абсолютно ко всему. Но что-то меня в этом «призе» сразу насторожило.

Сначала я решил, что это из-за цвета её кожи. Если отбросить шаблоны пропаганды, то нормальный человек честно признается себе, что человек другого цвета кожи часто вызывает у него подозрение, неприязнь, неприятие.

Я знаю много людей, кто стопорился в зарубежных едальнях, если их обслуживали негритянки. Я знаю мужиков, у кого не стоит на азиаток или мулаток. Я знаю, что женщины часто инстинктивно, на каком-то физическом уровне восприятия страха боятся негров или азиатов, скажем в метро или на улице. Стараются не подавать вида, но боятся. Примерно как крупных собак. Это не потому, что их плохо воспитывали или они расистки. Это природой заложенное разумное опасение по отношению к чужакам. Оно немного рассеивается, если ты знакомишься с кем-то из чужаков поближе, но пока этого не произошло, все разговоры о толерантности бесполезны.

Моя толерантность к чернокожим вроде бы уже была возвращена и немного искусственно. Я сказал себе, что хочу секса с чёрной женщиной, и через неделю уже кувырвался в одной из общаг с очаровательной эфиопкой, для которой секс с белым мужчиной тоже был своего рода экспериментом. Мы расстались, весьма довольные друг другом, и тему расовых отношений я закрыл, как пройденную главу в учебнике жизни.

И всё же шоколадная девочка меня раздражала.

Потом я сообразил. Дефект оказался не в цвете кожи. У тела отсутствовала хоть какая-нибудь личность. Это было просто тело, предназначенное для использования. Ему было все равно, как его называют и что с ним делают, оно не проявляло никакого интереса

ни к чему. Полное отсутствие самосознания. Не знаю, как добиваются такого эффекта – вероятно, с рождения обращаются только как с вещью. Ни до, ни после я не встречал столь послушной и ловкой подстилки. Но было в этом всё же что-то омерзительное.

Операции обрезания разной степени увечности всё еще подвергаются миллионы девочек каждый год. Я никогда не был сторонником теорий об избранности одних наций и убогости других. (Прежде всего потому, что все четыре моих прадеда – разных национальностей.) Но всё же теперь испытываю определенную подозрительность к ряду стран и культур. Не могу уважать мужиков, миллионами калечащих своих женщин. А неполноценные бабы делают неполноценными и мужиков.

Встреча с Фати заставила меня задуматься и над необходимостью мужского обрезания. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что это такое же варварство и потворство глупым в сегодняшнем контексте жизни религиозным установкам. Я сам не обрезан, видимо, благодаря одной из прабабок, которая некогда наотрез отказалась обрезать моего деда, продемонстрировав своему свёкру увесистый кулак решительной русской женщины. Но, увы, таких русских женщин в мире, кажется, осталось слишком мало. Мальчишек миллионами испытывают на прочность и лишают той степени чувственности, которая, быть может, сделала бы этот мир чуточку лучше.

Еще одним побочным эффектом моего короткого знакомства с Фати стала моя убежденность, что я живу в замечательной стране, среди не такого уж плохого народа. Когда моя очередная пассия вдруг начинает скулить, что живет плохо и бедно, я раздражаюсь.

Ты чудесно живешь, дурочка. Ты спишь со мной, мужиком, не потому что тебя отдали в мое полное владение, а потому что тебе этого хочется. И ты знаешь, что я заставлю тебя всхлипывать от острого наслаждения. Но ты почему-то не понимаешь, как тебе повезло. А тебе очень повезло родиться там, где женская сексуальность и чувственность по-прежнему важны и востребованы. Цени это. И не ной по пустякам.

Я зануден? Значит, пора поставить точку в этой истории.

Коала

Коала – подвижная и общественно активная разведёнка, ценящая свою свободу, но не теряющая надежды устроить семейную жизнь с более-менее приличным мужчиной.

Подцепил я её в жеке, где она какое-то время работала на переборе цифр и перекладывании бумажек. Скажем честно, бухгалтерши из жеков – не совсем мой круг общения, обычно я всё же предпочитаю знакомиться с ухоженными красотками из сферы культуры и искусства. Но конкретно в этом случае устоять было невозможно. Коала сразу предложила свидание. Сразу у себя дома. И сделала она мне это предложение поразвлекься так уморительно просто и дружелюбно, что было решительно невозможно отказать её доброй улыбке.

Коалой я её прозвал из-за фантастически смешного мехового белья, которое она мне продемонстрировала на первом же свидании. Она решила поразить меня образом древней жрицы. Я действительно был поражен. Но насчет древней жрицы – это она себе польстила.

Коала – толстушка. Настоящий такой бегемотик в женском облики. Сейчас она молода, и её кожа свежа, а складочки на теле кажутся умильными и возбуждающими. Но со временем вся эта избыточная масса начнет работать против нее. Не в смысле привлекательности и сексуальности, а в смысле здоровья – сердца, почек, костей. Сексуальность рухнет уже после краха всего остального.

Увы, первый же мой наезд на избыточную массу тела, поставил вопрос ребром – или я с ней общаюсь без наездов на толщину талии, или отправляюсь восвояси. Я остался

(собственно, тут все было просто – сложно наехать на толщину того, чего нет). Коала меня привлекала.

Я – мужчина плотного телосложения довольно высокого роста. В сексе с Коалой я впервые почувствовал легкие угрызения совести за довольно бесцеремонное обращение с некоторыми хрупкими и маленькими партнершами. А также ощутил странное удовольствие от совершенно натурального тискания любой женской плоти. Обычно я сосредотачиваю свое внимание на женской груди – её приятно потереть или погладить, просто поддержать в ладони. Но тело Коалы можно было мять в любом месте. И на этом теле были специфические эрогенные зоны.

Многие женщины испытывают оргазм, даже если ласкать только соски. А Коала была женщиной, которая кончала от ласковых поглаживаний внутри складочек под грудью. Она лишалась воли от лёгкой щекотки внутри складок под попой. И её здорово заводило присутствие какого-либо предмета в толстой складке внизу живота, над которой нависало брюшко. Меня это и веселило, и возбуждало. Плюс, с этим можно было поиграть и поэкспериментировать, а что может быть лучше чего-нибудь новенького?

Вымазав бегемотика маслом, включая все самые-самые глубокие складочки, я закладывал в эти складочки зёрна или горох, прокладывал их щекотящими пушистыми ленточками, втыкал в них греющие подушечки. Коала извивалась и молила о пощаде, а я заменял россыпь гороха на толстый валик из грубой холстины. И тихонько вытаскивал его, чтобы потом неожиданно вложить в складочку кубик льда.

До знакомства с Коалой я полагал, что в описаниях таких игр много преувеличений, но нет, моя толстушечка тащилась от любых подобных придумок.

Коала меня баловала. В её чистенькой квартирке меня всегда ждал какой-нибудь кулинарный сюрприз. Причем по мере того, как отношения переросли из случайных разовых в периодические и длительные, сюрпризы становились сложнее и вкуснее. Коала разорялась на разные виды постельного белья. Грубый лен сменял изысканный шелк, а потом я рвал тонкий ситец для того, чтобы поиграть в охотника на мамонтиху. Разобравшись, что меня не слишком впечатляет мода на платья, она сосредоточилась на демонстрации мне эротического белья.

Жаль, что мне тогда не пришла в голову мысль заснять всё это на видео. Стал бы богатым человеком.

Мне пофиг эротическое белье точно так же, как и платья. Я люблю нагих женщин, без глупых резинок, верёвок, сеток и кружев. Ко всему прочему среднее белье, как обычное, так и эротическое, часто выпускается из синтетики, которая неприятна на ощупь. Тянешься этак лапой к сиське в надежде испытать волнительное чувство, а там нечто шершаво-колючее. Фу.

Но эротическое белье для Коалы я даже начал покупать сам. Смесь эротики и смеха – отличный коктейль для употребления в любых условиях. Вечер с Коалой в леопардовых стрингах с висюльками заменял мне целую цирковую программу. И не знаю, кто ещё из женщин был способен настолько встряхнуть меня из контекста ежедневных будней. Встречи с Коалой были своего рода путешествиями в иное измерение, где люди иначе говорят, по-другому думают, а одеваются в самые чудные и диковинные финтифлюшки и бантики, какие только можно придумать.

Особую специфику измерению Коалы придавала её абсолютная бескорыстность. Её смущали мои подарки, она не рвалась «выйти в свет», она просто не думала о том, что может что-то попросить или потребовать у меня. Я ей нравился, и этого было достаточно, чтобы встречать меня с улыбкой и распахивать халатик, под которым пряталось обличие военно-эротического бегемотика или секси-медицинского гиппопотамчика.

Я заказал для Коалы два хороших деловых костюма и взял её с собой в забугорную поездку на выставку оборудования. И показал ей пару первоклассных шоу красоток с размерами много-много-икс-эль. (В родном отечестве ничего подобного просто нет.)

Девчонки-танцовщицы привели Коалу в восторг, но шоу её разочаровало. Она сказала, что сценарий спекулирует на теме ожорства. Вместо подбадривания толстых получается вколачивание в них ощущения неправильности их внешнего облика и образа жизни. Я не стал спорить. Мне не до споров было.

Все четыре дня я чувствовал себя примерно как жук из известной сказки, которому гусеницы нашёптывают что-то о талии притащенной им девчонки. Меня не пнул только ленивый. Поначалу несколько обалдев от бесцеремонности обсуждения размеров моей спутницы, я быстро понял, как превратить это совсем уже в цирк. С моей подачи Коала легко сломала сидение одного «супер-пупер-девайса», рассчитанного на экстремальные условия работы. А она на него даже и усестся не успела. У одного хлипкого станочка Коала попросту оторвала ручку. Стальные стойки ещё одного образца прогнулись, когда Коала о них оперлась, причём в точности соблюдая то, что было написано в инструкции.

Технические отрасли бедны красивыми женщинами, да и вообще женщинами. Поэтому выставку сложного оборудования подчас можно спутать с каким-нибудь кастингом моделей. Наёмные красотки дефилируют по стендам и коридорам, демонстрируя между станками и промышленными комплексами свои длинные ноги и заметные сиськи. Расчёт идёт на то, что мужчины, заглядевшись на ноги и сиськи, заодно приметят и «машинки». Проблема, правда, иногда оказывается в том, что ног и сисек столько, что за ними просто ничего уже не увидеть.

Коала на фоне моделек выделялась примерно так же, как арбуз среди черники. На второй день с нами начали знакомиться, приглашать на семинары, спрашивать визитки. Самые смелые коммерсы приглашали нас на свои стенды. В основном, это были компьютерщики, полагавшие, что заменить клавиатуру – пара пустяков. Те же, кто припёр на выставку разного рода работающие образцы, срочно обклеивали стенды ленточками, запрещающими посетителям не только трогать пимпочки, но и вообще подходить близко.

Я получил такую рекламу, какая мне и не снилась. Как обычно и бывает в таких случаях, реклама эта была мне нафиг не нужна, но почему бы не поизводить нескольких конкурентов, начавших выяснять, что за умный пиарщик придумал столь блестящий ход?

Умным пиарщиком в моём романе с Коалой оказалась особа, о которой я долго не подозревал, пропуская мимо ушей чисто женский словесный бред типа «Манюся купила себе новые серёжки, потому что Ванюся упал со второго этажа, и теперь у Марьиванны есть отличная дачная мебель». Вообще, мужикам иногда полезно присушиваться к подобным извержениям слов, чтобы выхватывать из них женские имена. И сразу выяснять, кто из этих дамочек числится для любимой лучшей подружкой.

Оптимальный вариант, если такой нет. Самодостаточным женщинам лучшие подружки не нужны. У них есть от трёх до пятидесяти одинаково неважных подруг, с которыми они готовы перетирать все сплетни мира, но мнение этих подруг никогда не будет решающим в вопросе «как назвать ребёнка» или «куда поехать в свадебное путешествие».

Хороший вариант, если лучшая подруга есть, но осталась ещё со школы, живёт далеко, общение происходит в режиме поздравлений по электронной почте три раза в год. Это в реале то же самое, что предыдущий вариант, только с неким реверансом в сторону детской привычки.

Идеальный вариант, когда лучшие подружки дружат в варианте равноправия и равноуважения друг к другу, но я такое видел один раз в жизни, да и то не очень долго.

Плохой вариант – это когда ваша возлюбленная так или иначе зависит от того, что сказала подруга. Мы часто зависим от мнения родителей, коллег, близких, но в большинстве случаев эти мнения либо направлены на некое наше благо (пусть даже мы сами в этом не уверены), либо мы хотя бы подсознательно понимаем, что оно несёт в себе некий негативный посыл. Женская дружба опасна тем, что одна подружка может так или

иначе здорово разрушать жизнь другой, а эта другая будет уверена, что никто, кроме добрейшей, милейшей, умнейшей – лучшей! – подружки её не любит.

В большинстве случаев дружачие женщины манипулируют друг другом и используют друг друга для решения сугубо своих личных проблем. Самый распространённый вариант дружбы – это сочетание двух противоположностей. Богатая будет дружить с бедной, красивая с некрасивой, умная с дурочкой. Всевозможные комбинации дают одной подружке чувство превосходства в одной сфере, в то время как другая ощущает своё несомненное лидерство в другой. Всё это замечательно ровно до той поры, когда рядом с одной из подружек появляется мужчина.

Мужчина – поле соперничества, даже если одной из подруг он в действительности не нужен. Мужчина – повод для зависти, и чем больше мужчина понравится лучшей подружке своей возлюбленной, тем хуже следует ждать от этой подружки подлянок. Наконец, мужчина – причина ревности, причём кого и к кому ревнуют, часто сложно разобрать.

Поэтому возлюбленных надо быстро и решительно ссорить с лучшей подругой. Или эта подруга поссорит вас с вашей возлюбленной. Или женит на себе. Или ещё что-нибудь отмочит, а вы только лет через цать вдруг сообразите, что свалили дурака. (Или никогда не сообразите.)

В романе с Коалой я опоздал увидеть опасность со стороны Манюсеньки.

Манюсенька – этакая хрупкая фея, большеглазая, улыбчивая, симпатичная. Встретясь мы в иных обстоятельствах, я бы, пожалуй, за ней приударил бы. Но в тот момент, когда мы всё же встретились, мне хотелось её просто ударить. Так, чтобы она кровь из носа по асфальту размазала бы и заскулила от боли.

Коала и Манюсенька познакомились на курсах продавцов туристических путёвок. И вместе поехали в какую-то ознакомительную поездку. А потом ещё куда-то поехали. Начали перезваниваться. И так далее. Для Манюсеньки добрая и безотказная Коала стала просто спасением. И развеселит, и песенку споёт, и поедет, куда попросят, и сделает, что скажут. Плюс отпугнёт любого парня, который не понравится Манюсеньке. Манюсенька же такая красивая, на неё все-все мужчины западают, и что бы она только делала без своей дуэньи. А Коала балдела от того, что Манюсенька время от времени лицемерно ставила подружку на одну планку с собой, вроде как выравнивая её шансы на встречу с принцем. Такая вот дружба получилась.

Ни в одном из кошмаров Манюсенька не могла представить себе, что Коала действительно сравнивает шансы и закрутит роман с интересным мужчиной, поэтому долгое время рассказы обо мне выслушивала снисходительно-доброжелательно, воображая меня толстым, лысым, потным и неприятным типом. Фотографии с выставки повергли её в полубморочное состояние. Во-первых, Коала и в деловых прикидах выглядела бегемотиком, но это был солидный и дорого выглядящий бегемотик европейского стиля. Во-вторых, рядом с Коалой обнаружился весьма представительный и несомненно интересный мужчина, который никак – ну никак! – не должен был достаться этой толстой, жирной, безобразной туше...

Реакция на шок была проста и убийственна. Лучшая подруга огорчилась легкомыслием и беспечностью Коалы. «Ты работаешь для него бесплатной шлюхой». «Ты потеряла своё чувство достоинства». «Ты разрушаешь себя». «Ты опустилась до низкопробной связи». «Тебе надо выбираться из трясины, куда этот мерзавец тебя затягивает». «Ты должна избавиться от своей зависимости от него». «Ты не можешь потакать своей сексуальной распущенности».

И коронное: «Он никогда на тебе не женится!»

Я встречался с Коалой не так уж часто, да и тратил время наших свиданий не на разборки, а на удовольствия и радость встречи друг с другом. Манюсенька впрыскивала яд в уши лучшей подруги ежедневно и порой по несколько часов.

Однажды Коала, смущаясь и краснея, сообщила мне, что кто-то где-то предложил ей другую работу, поэтому квартиру поближе она сдала, а сняла другую, подальше. А мне будет неудобно ездить к ней туда, поэтому она уезжает насовсем. Нам надо прекратить отношения, потому что она хочет устроить свою личную жизнь, и на новом месте у неё есть шанс это сделать, а я буду мешать...

Я, конечно, разобрался, где сидят враги в засаде, но было поздно. Коала твёрдо и непреклонно решила выбраться из той трясины, куда я её затащил.

Из трясины она, может, и выбралась. Но личную жизнь так и не устроила.

Ей некогда. Она работает бесплатной няней для Манюсеньки.

Пандора

Милая (вроде бы) девушка в один вроде бы не отличающийся ничем особенным день решает приоткрыть свою шкатулку с секретами – и вы оказываетесь один на один с пороками и ужасами мира. Пороки оказываются довольно приятными. Но вот ужасы портят всё дело.

У меня были дела в небольшом российском городке, затерянном между степей и лесов. Усталый и раздражённый, я осел в гостинице, некогда называвшейся по-простому «Советской», но теперь сменившей название на помпезность из трёх слов. Увы, помпезность автоматически не обновила мебель, не отремонтировала крыльцо, не выкрала из космоса вежливый и расторопный персонал. Совок остался совком, что не способствовало моему хорошему настроению.

На третий день исследования, насколько скучно Онегину было влезть в шкуру провинциального барина, ко мне прицепилась пара девчонок, и я был вынужден попрощаться с классикой. Девчонки не тянули даже на служанок Татьяны или Ольги, а потому пришлось возвращаться в российские реалии двадцать первого века.

На тот момент Пандоре было двадцать, её подруга была на год старше. Девицы не сказать, чтобы промышляли любовью с приезжими, но так или иначе видели свой билет на перемещение из суровой реальности в светлое будущее выпадающим из кармана одного из солидных господ, к которым они уверенно отнесли и меня.

Пару раз я их продинамил, а потом решил, что всё равно делать больше нечего, так почему бы и не трахнуть прилипчивых девок?

Я пригласил обеих девиц в местный ресторанчик (заигрался в барина). Пандора предложила себя безыскусно и просто. Языком жестов и почти моментальным разрешением для меня вторгаться в её личное пространство. Её подруга была тоньше и элегантнее, поэтому первый вечер я развлекался с ней. Увы, провинциальная шлюшка раз и навсегда выбрала для себя стереотип этакой роковой страдающей особы. И она мне наскучила ещё быстрее, чем начала излагать трогательную историю своей загубленной жизни.

На следующий день я пригласил посетить мой номер Пандору.

И она мне... не дала. Мягко отпихнула мои руки и царственно заявила, что не готова к таким отношениям. У меня это вызвало недоумение. Если не хочешь секса, нафига приходить в гостиничный номер одинокого приезжего мужчины в одиннадцать ночи? Да еще и одевать прозрачное платье, никак не скрывающее всех довольно заурядных прелестей?

Но Пандора, кажется, считала, что такое поведение создает ей имидж чистоты и недоступности. Объяснять ей всю противоречивость её поведения я не стал. Зачем? Чтобы трахать женщину, одевать кепочку профессора философии не обязательно.

А вот лупа может пригодиться.

Я не сразу обнаружил несомненные признаки порочности доступной провинциальной красоти. Ну, девка и девка. Пришла, потрахалась, ушла. Ничего особенного. Но очередным вечером, поставив её в колено-локтевую позу, я заметил, что сгибы кожи под её коленями покрыты точечками уколов. Пандора баловалась наркотой. Именно тогда я и назвал её именем любопытной дурочки, не удержавшей под замком разные напасти.

Несколько раз меня угощали косячком с дурью. Пару раз я пробовал нюхнуть кокаину. В порядке обретения опыта. Опыт был получен, и весьма... недурственный. Но недооцененная заранее привлекательность альтернативной реальности однозначно определила мое отрицательное отношение к дальнейшим попыткам её изучения. Это как в том анекдоте – мне своей дури в башке хватает.

Теперь мне представился случай изучить, как альтернативная реальность влияет на других. И на секс.

Пандора без колебаний согласилась потрахаться под кайфом. И любезно сообщила, что это «супер-классно». И принесла всё необходимое для инъекции и себе, и мне. Взглянув на шприц в её нежных ручках, я вспомнил некоторые специфические выражения из армейского запаса. Мой отказ озадачил Пандору, но настаивать она не стала.

Первый раз она превратилась в желе. Нормальный такой трясущийся студень. Я даже не смог в него кончить. Другой раз стала агрессивной, причем странными приступами – то лежит тихо-тихо, то начинает драться. Наркота делала Пандору вроде бы более неистойвой, более страстной, она делала вид, что завелась, она повизгивала от восторга не хуже радостного поросёнка. Но это было, видимо, какой-то реакцией мозгов. Банальные сексуальные реакции на уровне здоровых рефлексов мощно тормозились и сводились на нет. Она изображала оргазм, но не испытывала его.

Только один раз это было что-то стоящее. Чувственность, доведённая до невероятного накала. Я чуть гладил женское тело, и оно отвечало мне волной вибрации, я касался сосков, и возбуждение заставляло женщину двигаться в странном ритме, но намного энергичнее, чем обычно, а даже самая простая ласка повергала её в животный экстаз. Разум Пандоры в этом во всём не участвовал, летая в неизвестных даях, а я был странно разочарован. Я женщин люблю, а не бессознательных тварей.

Командировка неожиданно растянулась. Я мог бы улететь, а потом вернуться, но тратить два дня на перелёты, чтобы выгадать три дня в столице, казалось мне нерациональным, и я остался любоваться провинциальными пейзажами.

Пейзажей я не увидел, поскольку на меня наслали набор ужасов.

Очередным вечером Пандора явилась ко мне без дозы, но странно бледная и притихшая. Я начал было расспросы, но её стало трясти, она сделалась вся липкой от пота, потом жалостливо пожаловалась, что ей холодно, что ей нужно согреться.

Тормоз я, конечно, известный, но тут даже я сообразил, что у неё ломка. Осознавать собственный идиотизм оказалось крайне неприятно. Пандора не просто баловалась наркотой. Пандора крепко сидела на игле. И я довольно щедро снабдил её деньгами, которые она, конечно же, спустила на новые дозы, быть может, более мощные, чем те, что были ей доступны раньше. Что называется – почувствуй себя уродом.

Отодвинув на потом самобичевание, я задумался над извечной русской проблемой: «Что делать?» Одно дело – трахать местную пейзажку с одобрения персонала отеля, другое – подкинуть этому персоналу наркоманку в отключке. Нет, персонал бы и глазом не моргнул, весь вопрос в том, сколько и каких портретов американских президентов будет лежать на тельце, предназначенном к выносу из номера.

Я быстро прикинул, что персонал наверняка в курсе задвигов Пандоры, и портье обязательно заметил её странное состояние, а значит, на сегодня меня назначили быть золотым тельцом на заклание. Дудки. Обойдутся. (Жадность фраера сгубила. Тот самый случай.)

Оставив Пандору лежать и трястись в постели, я спокойно прикорнул в креслице.

На рассвете зеленоватое привидение с запавшими глазами аккуратно собрало сумку с моим ноутбуком. Покопалось в кейсе с документами, выбрало оттуда наугад несколько листов бумаги, сложило их в четыре раза и засунуло в карман своей курточки. Долго искало, видимо, бумажник, роясь по всем карманам пиджаков, брюк и курток. Бумажник лежал сверху на комод, но был накрыт шапкой-невидимкой, ориентированной на восприятие наркоманов. Апофеозом этих сборов стала аккуратная упаковка в чистый пакетик трёх пар моих носков, после чего Пандора пристроила получившийся свёрток к себе на голову под шапочку.

Я не удержался и заржал, выдав, что вовсе не сплю. Реакция девушки была неожиданной и крайне злобной. Мгновенно подбежав вплотную, она накинула мне на лицо подушку и, упёршись в неё обеими руками, вжала мою голову в спинку кресла.

Я удивился. Задумался. Испугался. И отбился.

Службу в армии у нас часто поминают в сплошь чёрных и печальных тонах. Но мне повезло. Я служил в военной части, которой командовал честный и боевой полковник. Он знал, что часть обречена, что полк будет расформирован, что база будет законсервирована и оставлена (то есть брошена на произвол судьбы). Но он и мысли не допускал, что бардак в стране может нарушить порядок во вверенной ему части, пока он ею командует. Иногда мне неловко рассказывать о своей службе, потому что мне нечего рассказать об ужасах дедовщины, у меня нет в запасе баек о воровстве или издевательствах. Зато я неплохо стреляю, хорошо бегаю, умею выделяться на турнике, владею навыками рукопашного боя и всякое такое прочее.

Уложив Пандору на пол в позе эмбриона, я не стал заниматься рефлексией типа «А не сделал ли я больно бедной девочке?» Замотал её руки и ноги простынёй, перетащил её на кровать и пригрозил, что изобью, если издаст хоть один звук. Потом я убрал сумку с ноутбуком в комод и вернулся к просмотру тревожного сна в кресле.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Убедившись, что Пандора или спит, или валяется без сознания, но дышит, я приоткрыл дверь и увидел за ней юношу бледного с взором горящим. Юноша молча сделал решительную попытку проникнуть в мой номер прямо сквозь меня. Я его остановил и мысленно прикинул, уж не вкатил ли мне Пандора дозу дури тайком, и не вижу ли я сон разума, в котором, как известно, водятся сплошь чудовища. Юноша произнёс сбивчивую эмоциональную речь, из которой я зафиксировал только три важных кусочка информации. Во-первых, юноша считал себя вроде как возлюбленным Пандоры. Во-вторых, он возмущался тем, что я её не отпустил вечером, как обычно. В-третьих, Пандора знает, что он не может ждать, и с её стороны свинство копаться с простым делом так долго.

Я легко оттолкнул юношу в коридор, быстро закрыл дверь, почти сразу убедился, что дверь выдерживает бросок всей массы юношеского тела, и позвонил администратору помпезности, чтобы совсем не в помпезных выражениях выплеснуть своё возмущение прискорбным фактом вторжения какого-то пьяного юнца в мой номер. Не сразу, но броски и эмоциональные междометия из-за двери прекратились.

Разбудить Пандору мне удалось нехитрым приёмом «мордой в холодную воду». Она помнила произошедшее, но воспринимала его как одну из наркотических химер. Я выставил и её за дверь, обещая себе ампутировать ту часть мозга, в которой живёт любопытство.

Хвала добрым людям, которые не задают лишних вопросов. На комбинате мне дали отоспаться, выделив большой кожаный диван, подушку и плед. Но когда я немного

очухался, я понял, что для ампутации любопытства придётся ампутировать весь мозг, а потом порезать его на кусочки и пропустить через мясорубку.

Я поговорил с роковой страдающей особой. Она была обижена, что я предпочёл психованную наркоманку несчастной страдальце, но охотно разболтала мне банальную историю Пандоры.

Хорошая девочка из благополучной семьи. Отличница и в обычной школе, и в художественной. Симпатичная девушка, у которой хватало поклонников.

Не хватило мозгов отказаться от первого косячка. Не хватило силы воли отказаться от косячков совсем. Не хватило мужества признаться в том, что есть проблема – и себе самой и своим близким.

Начав с косячков ещё в школе, Пандора перешла на таблетки, а затем и на уколы. Строгие родители перепробовали весь арсенал запрещений и запираций, но это не помогало. А потом Пандора начала воровать деньги и разные мелочи из дома. Однажды пропал новенький дорогой фотоаппарат, и родители заявили Пандоре, что прямо сейчас они её не посадят, но если она ещё домой сунется, у неё будут проблемы.

Пандора начала жить с табором себе подобных в брошенном доме на окраине городка. Она перебивалась сезонными заработками, мелким воровством, путалась с мужчинами. И кололась.

Я переговорил с парой местных ментов из уголовки. Они знали Пандору, и знали, что она промышляет мелкими кражами. Но пока она попадалась только на рынке и в супермаркетах, причем «уводила» она разную съестную мелочь, за которую её и задерживать вроде как было лениво. Некоторые хозяева ларьков и магазинов видели хорошенькую девушку и решали, что она просто забыла заплатить. Но менты полагали, что вопрос времени, когда Пандора попадётся на чем-нибудь посерьёзнее бутылки вина. Я не стал их просвещать на этот счет.

А вот услышав о том, что я видел парня Пандоры, brave сотрудники внутренних дел начали оглядываться и хвататься за пистолеты. Выслушав их, я понял, что самое время пропустить пару рюмашек. И лучше чего-нибудь покрепче.

Бледный юноша оказался убийцей в розыске. Пандора спуталась с ним ещё до убийства, всё в той же наркоманской общине. Их часто видели вместе, и вроде бы в свой последний визит к родителям Пандора пыталась сказать им что-то о том, что встретила своего принца.

За четыре месяца до моего разговора с ментами принц Пандоры при совершении налёта на ночной продуктовый магазинчик насмерть забил пожилую женщину-продавца. Его сняла камера, он оставил свои отпечатки, его видели выбегающим из магазина три свидетеля, так что сомнений в том, что это именно он, не оставалось. А вот то, что он или вернулся в город, или просто выполз из какого-то схрона, менты, распрощавшись со мной, отправились проверять.

Проверили мощно. Завидев гостей в форме, принц подорвался из наркоманского притона, менты бросились в погоню, принц взял в заложницы какую-то случайную прохожую, и уже начал отходить к тёмному скверику, но тут муж заложницы, чуть задержавшийся у киоска с сигаретами, подкрался сзади и отоварил злоумышленника урной по голове.

Я потом полюбопытствовал. Я ту урну едва с места сдвигаю. Приподнять могу, но на пределе сил. Есть мужики в русских селениях. Не перевелись ещё.

Я пытался поговорить с родителями Пандоры, но они меня не поняли. Только что собачку типа кавказская овчарка на меня не спустили. И сутенёр я, и наркоторговец, и вообще их дочурку в рабство продать хочу. Дочурку они несколько месяцев не видели, но

никаких своих согласий на её лечение не дадут. Мне не нужно было их согласие, поскольку Пандора была совершеннолетней, но с бедой проще бороться, если тебя поддерживают. Увы, с этим милой девочке не повезло.

Я поговорил с местным наркологом. Он тоже знал Пандору. С учётом динамики увеличения доз дури, которые ей требовались, он давал ей лет пять. А с учётом жизни в наркоманском притоне и того меньше.

Нарколог видел только один способ помочь Пандоре – вырвать её из наркоманского окружения и засунуть в реабилитационный лагерь.

Предложенный лагерь мало чем отличался от любых концентрационных лагерей, которые знает история. Железная дисциплина, скудная еда, топчаны в бараке, суровая работа, психологическая обработка, приоритет мнения коллектива, следование единым постулатам, которые не устают вдальбивать в головы педагоги (то есть надсмотрщики). Расчет прост: или выздоравливаешь, или окончательно ломаешься. Или мозги включаются, или становится ясно, что они давно протухли. На включение может потребоваться месяц. Или шесть месяцев. Или год. Или вечность.

Увы, даже включение мозгов часто оказывается временным или ложным. Организм подчиняется мысли о том, что надо из лагеря выбраться, чтобы вернуться к возможности сладкого забытья. И «пациенты» (как их вообще назвать?) вроде бы излечиваются, их отпускают, они уезжают и начинают всё с того места, где их прервали.

Есть и те, кто, даже спрыгнув с иглы, не может обрести себя нигде, кроме как в лагере. Они просто не умеют жить в обычном мире. Им нужны команды. Им нужна миска баланды. Без чётких ориентиров, расписанных другими, они теряются. И если не успевают вовремя прибежать обратно в лагерь, прибегают к знакомому методу отрыва от реальности.

Для женщин пребывание в таком лагере чревато и окончательной потерей чувства собственного достоинства. Мировая история полна примеров того, как сильные женщины без всяких зависимостей ломались в условиях заключения. Да и вышедшей из лагеря бывшей наркоманке крайне сложно рассчитывать на понимание общества. Она рискует быстро оказаться под влиянием не слишком достойного мужчины, а дальше всё та же тропка – воровство, наркотики.

Но альтернатив у Пандоры не было. Главным фактором в возможности её излечения был полный отрыв от тех социальных связей, что завели её в тупик.

Я проконсультировался с парой друзей, кто был в теме, и они оба заявили, что с их точки зрения наркоманию можно приостановить, но нельзя вылечить. И оба остались в недоумении относительно того, зачем мне эта маета потребовалась.

У меня с десятков знакомых разных уровней достатка очень переживают за бездомных собачек. Деньги перечисляют на приюты, одеялки какие-то собирают, время от времени и у меня кланчат: «Подайте на пропитание ни-и-ща-а-сному-у-у пёсику!» Или, что ещё хуже, присылают фотки какого-нибудь чудовища с предложением немедленно взять его в свой дом. Эти добрые собачники считают меня чёрствым и злым человеком. Я им не копейки не подал, ни одной собачки не приютил, и даже грёбанный лайк на их страничке не поставил. А наркоманов радители за собачьи судьбы готовы расстреливать и на деревьях вешать. Наркоманы, когда с собачками за подвалы какие-то воюют, в собачек камнями бросают. Их за это убить мало.

Я считаю, что нет смысла выхаживать одноногую собачку ценой времени, отнятого у собственных детей и близких. Для меня есть смысл в том, чтобы дать шанс молодой девочке выбраться из тупика.

Я пошёл в наркоманский притон, взял Пандору за руку, посадил в машину и отвёз в лагерь. Обнял, пожелал удачи. Оставил молодому, но усталому и седому парню денег с

приличным запасом, свой номер телефона и просьбу позвонить в случае как хороших, так и плохих новостей.

Прошёл месяц. Прошёл год. Прошло пять лет. Седой парень мне так и не позвонил. Иногда я беру телефон и начинаю набирать его номер. Потом бросаю эту затею.

На дне ящика с бедами, открытого Пандорой, осталась надежда.

Вивьен

Вивьен стала бы чемпионкой по минету, если бы такие соревнования можно было бы провести хоть сколь либо объективно. У Вивьен очень аккуратный ротик с крупной верхней губой. И длинная ротовая полость. Специфическое строение внутренних органов позволяет ей очень ловко управлять своим дыханием и слюной во время сладостных мужских мучений.

Назвал я её по имени известной американской актрисы. Вивьен любила повторять ставшую афоризмом фразу из главной роли этой актрисы, обрезав эту самую фразу до абсолютной лаконичности: «Не буду думать». По природе неглупая, хорошенькая и обладающая кучей занимательных знакомств, Вивьен завидовала более пробивным подружкам, завидовала просто замужним подружкам, завидовала успешным одноклассницам, получившим чиновничье место в каком-то департаменте недвижимости и поэтому решившим квартирный вопрос в пару лет. Вивьен могла бы и сама добиться многого, но для этого надо было думать. А думать ей не хотелось.

В моём имени для Вивьен оказалось и нечто пророческое. Именно с ней я познал все прелести войны между мужчиной и женщиной из-за секса.

Познакомился я с Вивьен на вечеринке у одной подружки. Отношения с этой подружкой уже вошли в фазу прохлады и расставания, поэтому меня весьма взбодрил минетик, который мне организовала Вивьен прямо на подоконнике в подъезде. Недолго думая, мы уехали с вечеринки вместе, и я кончил ещё пару раз по дороге до дома.

Это стало одной из сладких изюминок этих отношений. С Вивьен я испытал оргазмы в самых странных и неподходящих местах. И я так и не научился говорить ей «нет». Достаточно было ей чуть наклониться к моей ширинке, как мой дружок отключал мозги мгновенным порывом встать ей навстречу.

Вивьен не смущали зрители. Пока они протирали глаза и размышляли, уж не померещилось ли им, всё оказывалось кончено. Будь то Красная или Вандомская площадь, Большой театр или Лувр, московское метро или мосты Парижа – Вивьен обеспечивала меня неожиданным и острым удовольствием от нескольких движений своими красивыми губами. Другой и отчасти противоположной изюминкой была способность Вивьен растягивать пытку ласк на часы. И это было очень особое умение. В большинстве случаев я люблю контролировать ситуацию и свои реакции на действия партнерши. С Вивьен у меня это далеко не всегда получалось.

Вопреки тому, что часто думают юнцы и неопытные девы, хороший минет требует знания техники и тренировок. Действительно захватывающее удовольствие – глубокое проникновение, сопровождающееся движениями языка – требует от женщины координации движений и чёткого управления дыханием и слюной. Большинство партнерш стремятся в этой ситуации ограничить инициативу мужчины. Но особый кайф, если женщина готова предоставить мужчине свободу движений. Вивьен разрешала всё, не давась, не прерываясь, не мешая. Чемпионка, что и говорить.

После некоторого времени упоения новизной и непристойностью забав с Вивьен, я попытался осторожно разведать, а что же сносит крышу ей самой? Она получала от секса удовольствие, но без особых эмоций, это было лишь физиологической разрядкой, которую

Вивьен воспринимала примерно как удовольствие от «пописать, когда приспичило». Мне хотелось заставить её дрожать от страсти, млеть от моих прикосновений, умолять о сексе.

Сама Вивьен объяснить мне ничего не могла, а мои попытки развеять пути сноса крыши эмпирически (то есть опытным путём) воспринимала в штыки. Куни она не любила. Миссионерский секс воспринимала как нечто утомительно-правильное. Стоять на четвереньках считала унижительным. (Чудесный образец женской логики: лизать мужской член, стоя на коленях, почему-то унижительным не считалось.) Я упёрся в тупик.

Первый результат у моих «опытов» оказался неожиданным. Вивьен стала проводить ответные «нападения», придумывая подчас весьма рискованные трюки с моим членом. И мы увязли в этой своеобразной «зарнице». Чем неожиданнее и опаснее нападала Вивьен, тем неформальнее я подходил к теме изучения её эрогенных зон и фантазий.

Я потратил кучу времени на эксперименты. Позы, игрушки, костюмы, игры, места и обстоятельства – ничего не работало. Я был уже близок к тому, чтобы махнуть на этот морок рукой, когда случайно нашёл то, от чего Вивьен сошла с ума.

В заграничном вояже мы по милости Вивьен оказались на тупой экскурсии, которая сама по себе выводила меня из себя. Плюс несколько часов сладкий ротик дразнил меня намёками на ласку, но до самой ласки дело не доходило. А потом Вивьен вдруг заявила, что у неё болит горло, и поэтому секса мне в ближайшую неделю не дожждаться.

Я был изрядно взвинчен и не стал тратить времени на уговоры. Прямо в коридоре гостиницы я стащил с Вивьен часть одежды, впечатал сладкий ротик в стену и занялся тем сексом, что предусмотрен природой. Без всяких там больных горлышек.

Мы нашли приют в маленькой и дрянной гостинице с крашеными стенами. Это был тот вариант покраски, когда поверх кое-как наляпанной штукатурки размазывают нечто уныло-гадкого цвета, создавая видимость некоей косметической заботы о помещении. Нежные маленькие груди Вивьен тёрлись и царапались о грубую поверхность уродской стены. Вивьен была изрядно шокирована, потому что до этого я никогда не был с ней настолько груб. Плюс в любой момент в коридоре могли появиться люди. И эта массивная тактильная и психологическая атака возымела эффект. Любительница минета кончила, царапая стену ногтями и тихо воя совершенно не своим голосом.

Я был готов повторить этот опыт через часочек-другой, но печальное состояние стёртой кожи нежных грудок Вивьен вынудило меня отложить подтверждение совершённого открытия. Она же сама остаток отдыха была какой-то притихшей, будто прислушивающейся к чему-то внутри себя.

Через некоторое время после возвращения из вояжа, я затащил Вивьен в офис знакомых, отлично зная, что контора разорена, и что вокруг никого нет, но не сказав об этом подружке. В офисе была солидная отделка, и шершавость поверхности стен была признаком некогда широкого швыряния денег на ветер, но меня эта шершавость интересовала только как компонент возбуждения Вивьен.

И какой же знатный получился отрыв! Из десяти накладных ногтей Вивьен содрала семь, скребя пальцами по стенам в такт своему низкому урчанию. Во мне это урчание разбудило дикого прачеловека, и я начисто утерял контроль над происходящим. Очухался я более-менее уже в ночи, когда обнаружил себя дрыхнущим прямо на холодном полу.

После этого страстного приключения Вивьен довольно долго избегала меня. Женщины, как и мужчины, могут быть крайне осторожны в отношениях с теми людьми, кто влияет на них мощно и непредсказуемо. В первую очередь с теми, кто способен лишить их привычных ощущений и понимания себя. Вивьен испугалась самой себя, но решила, что бояться надо меня.

Я не был настойчив, не искал встреч, не напоминал о себе. И однажды Вивьен появилась у меня сама. Устроив мне невероятный вечер, полный запредельного

сладострастия, она невзначай обмолвилась, что хотела бы повторить тот странный секс в чужом офисе. Конечно, это было очень грубо с моей стороны, и она не может позволить мне унижать её так впредь, но, может, мы ещё разок попробуем сделать всё то же самое? Более интеллигентно, более спокойно, более мягко...

Мы попробовали. Было та-а-ак интеллигентно, что я потом дней десять на баб смотреть не мог. Временная дисфункция известно чего на почве переутомления.

Хороший секс – хорошо. Но жизнь не состоит только из секса, даже если он очень здоровский. Вивьен попыталась заключить со мной своего рода сделку. Раз уж я так балдею от секса с ней, то почему бы мне в обмен на удовольствие не устроить её жизнь на новом уровне?

Для начала, я ведь могу устроить Вивьен на работу? Например, заместителем моего друга, работающего директором хлебной фабрики. Или менеджером в крупную картинную галерею, где постоянно тусуется на птичьих правах мой дядюшка. Может, мой отец окажет мне любезность и возьмёт Вивьен в свои секретарши?

Я был неприятно удивлён тем, насколько тщательно Вивьен изучила мои близкородственные и дружеские связи, но с иронией отнёсся к уровню притязаний продавщицы из газетного ларька. А зря.

Я стараюсь не отказывать своим подружкам в разумной помощи. Периодически даю займы (не надеясь на возвращение долга) и дарю деньги. Готов замолвить словечко нужным людям за ту или иную подружку. Но я не готов быть большим паровозом, который тащит на себе все жизненные проблемы женщины, которая отказывается даже элементарно думать. И я не готов делать то, что заведомо подставит других людей. Зачем устраивать свою любовницу на работу и знать, что она эту работу не сделает? Может, она способна научиться, но работать-то нужно уже сейчас?

Я знаю, что в нашем мире устройство детей, друзей, родственников на хлебные местечки превратилось в своего рода семейный спорт. Министерства превращаются в семейные кланы, а некоторые отрасли бизнеса напоминают ведомственные детские сады для подросших детишек. Многие считают, что это правильно, но это не так. И я не хочу подкидывать «кошку в мешке» близким только потому, что у меня на эту кисочку стояк.

Мой отказ помочь ей с трудоустройством Вивьен вроде бы восприняла спокойно. Но буквально через неделю её осенила следующая идея. Я ведь могу помочь ей немного наладить такой сложный в наши времена быт? Например, ей совсем нечего одеть зимой, не помешала бы небольшая шубка. И так пригодился бы автомобиль. Может, у меня найдётся время заняться обменом её старой квартирki на что-то стоящее?

Я дарил женщинам шубы. И один раз такой подарок по стоимости тянул на неплохой автомобиль. Но прелесть таких подарков была в том, что женщины их не ждали, а если и ждали, то умели не выклянчивать. Какой смысл превращать красивый сюрприз в жалкую подачку? Хуже всего было то, что я как раз начал раздумывать на тему того, что бы такое сногшибательное преподнести моему дорогому сладкому ротику. И я уже почти уговорил себя, что вот то эксклюзивное платиново-бриллиантовое кольцо, что барыжит один мой знакомый из Израиля, достаточно поразит её воображение.

Вместо всех этих дорогих понтов я обустроил быт Вивьен, купив ей холодильник, стиралку, посудомойку и кофе-машину. А выслушав длинные слова благодарности усталой мамы своей корыстной возлюбленной, я поразмышлял пару дней и подарил этой маме месячный круиз вокруг Европы. В каюте первого класса и по системе «всё ультра включено».

Вивьен изрядно разозлилась и сделала роковую ошибку, наказав меня отказом от секса. Женщинам свойственно манипулировать сексом. Но Вивьен была уж слишком прямолинейна, слишком однозначна. Не сделал чего-то – не получишь сладкую награду. Сделал что-то не так, как она хотела – опять останешься без сладкого.

Моя возлюбленная просчиталась. Я не расстроился из-за отказа. Как бы хороша ни была женщина в постели, она не одна на белом свете. В мире не один ротик, не говоря уже и о других занимательных отверстиях, самой природой предназначенных для сексуальных игр. Так что я просто свалил в месячную командировку в редкостную дыру, где отлично прочищаются мозги, не говоря уже о прочих физиологических лабиринтах.

Когда я вернулся, Вивьен сменила гнев на милость, но я уже знал, к чему мы придём. И в какое-то очередное свидание сладкий ротик запел всё ту же песню. Я ведь могу помочь ей начать собственный бизнес? Например, она могла бы стать владелицей книжного магазина. Или открыть сеть продуктовых супермаркетов. Может, я буду так мил и передам ей какую-нибудь «долю» от собственного бизнеса?

Когда я вник в то, что мне излагают, пришлось сосредоточиться на том, чтобы не брякнуть вслух чётко высветившуюся в мозгах мысль: «Милая, ты столько не стоишь». Отговорился я замысловато и непонятно для Вивьен, щедро рассыпая в речи обороты вроде «кризис оборотных средств», «многомиллионные кредиторские задолженности», «необходимость срочного погашения долгосрочного займа».

Мне снова отказали в сексе. И тогда я ответил Вивьен строго симметрично. Дождавшись подходящего случая, я отказался обеспечить её столь желанной разрядкой и удовольствием. Обстоятельства были абсолютно прозрачны – я вместе с ней вроде бы случайно зашёл в одну конторку, и в кабинете друга никого не оказалось, а на стенах были покрашенные обои с мелким рельефом. Но дальше я сделал вид, что зашел сюда действительно по делам, ничего эдакого в виду не имея. Ярость Вивьен была с одной стороны впечатляющей, с другой стороны – смешной.

Война в постели редко приводит к победе той или иной сторон. В случае моей войны с Вивьен проиграли мы оба. Я больше не получаю минетов в переполненном метро. Она вряд ли кончает так, как ей нравится. Хотя недавно она устроилась на приличную работу в одно из министерств – кто-то из вдохновленных красивым ротиком мужчин всё же решил стать паровозом.

О новой работе дочки мне написала госпожа баронесса. Она мне часто пишет, а иногда присылает обычной почтой открытки разных европейских видов.

Мама Вивьен в круизе не растерялась, а использовала выпавший счастливый билет на всю катушку. Я не знал, да и предположить не мог, что эта вечно усталая и замотанная мама – преподаватель вуза и хорошо говорит на четырёх основных европейских языках, плюс отлично разбирается в европейской культуре. Сбросив с себя иго домашних забот, мама преобразилась в прекрасную русскую леди (из первого класса) и закрутила роман с титулованным вдовцом, которого заботливые дочери отправили в круиз развеяться.

Вдовец нормально развеялся. Русская леди прыгнула в баронессы. А самое главное – и заботливые дочери, и Вивьен, категорически не одоббившие «кошмарный, безумный, немыслимый» роман родителей, нежданно-негаданно обрели крохотного братца.

Забавно, но такова жизнь, как говорят французы.

Тики-таки

Рядом с красавицей Тики-таки я все время подсознательно чувствовал движение стрелок и повороты колёсиков часовых механизмов. Тик-так, тик-так – отстукивали ритм моей жизни невидимые часики, заставляя меня все время проверять пульс и чувствовать жизнь как хрупкий баланс между бытием и срывом в бездну.

Теперь поговорим более простым языком. Тики-таки привлекла меня здоровой, античной красотой и лица, и тела. В ней было что-то настолько прекрасное, что не верилось, что это обычная женщина, Тики-таки казалась сошедшей с небес богиней.

Я встретил её на собрании кружка любителей походов, который основал один из моих приятелей по институту. И тем же вечером я подмял под себя божественное тело, понимая, что ничего уже не соображаю. Я был горд и окрылён быстрой победой, но довольно быстро выяснил, что эта победа ничего не стоила. Тики-таки спала практически со всеми, достаточно было лишь позвать её в какое-нибудь уединённое место.

Это противоречило тому, что я знал о женщинах. Красавицы обычно выбирают партнёров придирчиво, с разной степенью осознанности оценивая мужчин по ряду критериев, причём основными тремя являются власть, ум и деньги. Неразборчивость Тики-таки выглядела странной. И я начал исследовать этот феномен, даже осознавая, что чересчур увлечён вовсе не исследованиями, а желанием потискать божественное тело.

Вскоре мне стало понятно, что Тики-таки относится к мужчинам дружелюбно, но ни к кому не испытывает сколь-либо сильных эмоциональных привязанностей. Никаких глупостей ради возлюбленных. Никаких противоречивых поступков и слов. Никакой ревности. Просто секс ради секса – без всяких там чувств. Были мужчины, кто этим пользовался без лишних размышлений, но мне хотелось разгадать загадку.

Проведя замысловатое следствие, я выяснил, что у Тики-таки вроде бы не было причин для эмоциональных срывов и психологических кризисов. Семья? Всё хорошо. Насилие? Нет. Лесбиянка? Нет. Несчастливая любовь? Никто из друзей никогда не замечал, чтобы Тики-таки хоть кем-нибудь увлеклась, хотя были и подружки-сводницы, и мужчины, готовые хоть завтра повести красавицу к алтарю.

Но не просто же так красавица увлеклась экстремальным спортом? Тики-таки видела особый смысл в постоянной проверке на прочность собственной нервной системы, и я в какой-то момент понял, что если кто и может мне хоть что-то объяснить, то это только она сама.

Я не стал ухаживать за Тики-таки в классическом стиле, но я быстро стал своим в её тусовке экстремалов. Я проверял оборудование богини и помогал ей одевать те или иные «доспехи». Я подбивал её на индивидуальные уроки мне и поражал её неожиданным мастерством в некоторых трюках. Я рассказывал ей и всем уморительные байки и трагичные истории из жизни экстремалов всех времён и народов.

У меня не было времени постоянно торчать рядом с Тики-таки, и мои появления в тусовке стали своего рода праздником. Я не сообщал заранее, когда буду, и мои появления воспринимались как приятный сюрприз. Волей-неволей Тики-таки обращала на меня больше внимания, чем на кого бы то ни было. Плюс я постепенно отвалил от неё всех глупых юнцов и похотливых самцов, оставшись если не совсем единственным, то почти единственным любовником богини.

Постепенно я приблизился к пониманию странностей Тики-таки. Она не любила никого, потому что слишком любила себя. Освоившись в моей квартире, она стала подолгу любоваться собой в зеркале по утрам. Это был целый ритуал, но если другие женщины уделяют много времени кремам, массажам и кривлянию, Тики-таки только созерцала себя, изредка поворачивая голову и чуть улыбаясь. Вечерами, уже после секса, Тики-таки уходила в ванную и рассматривала своё тело, явно любясь пропорциями и нежной кожей. Но при этом она совсем не умела себя ласкать и не видела в этом навыке никакого смысла. Зачем ей такие сложности? Мужчин полно. Не один, так другой обеспечит ей удовольствие. Даже если она совсем ничего делать не будет.

Забавно, но экстремалка Тики-таки отнеслась крайне негативно к моим предложениям попробовать чего-нибудь такого в сексе. Максимум, на что мне удалось её подбить – это петтинг в то время, когда мы висели на страховках в тренировочном зале. Но и в тот момент я подметил, как Тики-таки ловит своё отражение в стекле окна и чуть наклоняет голову, проверяя, достаточно ли она красиво выглядит.

Я сделал отличную попытку утонуть, занимаясь виндсёрфингом. Я встал на горные лыжи. Я научился прыгать с десятиметровой вышки в бассейн. Да что там, я прыгнул несколько раз с парашютом, открыв в своей душе множество до этого неизведанных уголков, и вспомнив множество замысловатых оборотов речи.

И настал великий день, когда богиня объяснилась мне в любви. Это было самое странное и самое стерильное объяснение в моей жизни. У меня было стойкое ощущение, что красивая богиня воспроизводит унылую сцену из плохого сериала, а мне забыли выделить суфлёра, подсказывающего нужные слова. И вроде всё было правильно: прекрасная женщина, красиво встав и гордо вскинув голову, произносила волшебные слова о любви, о чувстве, о страсти; в нежном голосе красотики звучало волнение; в моей душе трепыхалось что-то похожее на счастливое упоение. Но безжалостный разум подмечал мелочи и несоответствия, отравляющие счастье сомнением.

Что тебе надо, красавица? Зачем ты решила разыграть эту сцену? Почему твои глаза ищут в моём взгляде своё отражение, а не ответное чувство? Почему ты не ждёшь с замиранием сердца моего признания, а поворачиваешься, чтобы спокойно собрать свою сумочку? Тебе всё равно, что я молчу? Ты не спросишь у меня, люблю ли я тебя?

Я умею объясняться в любви. И часто это делаю. Но, полагаю, что в тот день я тоже сплеховал. Прямлячил какую-то банальщину и поцеловал богиню. В щёчку.

Объяснение ничего не изменило. Если не считать того, что в тот же день чуть позже я слетел с мотоцикла и заполучил отличное «украшение мужчины» на левом предплечье.

Мне казалось, что я достаточно романтичен (и очень похож на влюблённого дурня), таскаясь за подружкой по совершенно невероятным местам и исполняя роль послушной собачки, влетающей в горящий обруч. Но первый же альпинистский поход по покорению некоей заснеженной вершины доказал мне, что я в этой экстремальной романтике чего-то не понимаю.

Да, я заплачу двум проводникам, которые понесут необходимые мне вещи. Да, я считаю, что помощь проводников может оказаться полезной. Карты картами, а ребята, в конце концов, выросли в этих горах. А у одного из них и девушка живет – вон за тем перевалом. Он к ней по вечерам бежит – примерно по тому маршруту, что группа альпинистов за три дня пройти собирается.

Да, я куплю большую палатку, которую выпускает та же фирма, что снаряжает экспедиции на Эверест. Ну и что, что покоряем совсем не Эверест? Я не понимаю, зачем ютиться в штопанном старье, когда есть разумные современные решения, в том числе уже укомплектованные всем необходимым.

Да, я возьму с собой много хорошей еды. И тёплой одежды с запасом. И разных припасов. И презервативов.

Да, я с проводниками приду на гору раньше группы, по другому маршруту. Чуть ниже вершины, на удобной плоской площадке я разобью компактный лагерь и приготовлю ужин. Я накрою стол, поставлю в банку маленький цветок, отпущу проводников и буду ждать свидания.

Нет, я не понимаю, что я сделал не так. Нет, я не понимаю, почему надо плакать, кричать и бегать кругами, обвиняя меня в эгоизме и чёрствости. Нет, я не пытался доказать, что кто-то хуже или лучше. Нет, я не подозревал, что покорение гор нужно исключительно для тупого, хотя и героического преодоления трудностей. Нет, я не пытался сделать хоть что-либо кому бы то ни было назло.

Я полагал, что после преодоления сложного маршрута приятно придти в уже готовое, комфортное, нагретое жильё, снять шмотки, поесть тёплой пищи и лечь в приготовленную постель. Я думал, что живой цветок розы в снегах на высоте нескольких километров – это романтичный и красивый подарок. Не угадал...

Все сто килограммов груза полагалось тащить самому. Проводники – для слабаков. Разбивка лагеря – коллективное священнодействие, в котором должны участвовать все. Ужин готовят дежурные. А цветок – вообще пошлость и глупость.

Разодранная роза осыпалась и была затоптана в тот самый снег на высоте нескольких километров...

Признаться честно, первой моей мыслью было свернуть лагерь и со всеми ста килограммами груза ломануться вниз, в одинокий ночной спуск. Но я слишком рационален для таких резких решений. Зря я, что ли, старался? Да и рассвет над миром посмотреть охота. Поэтому я пожал плечами, извинился и пригласил в свой вместительный тёплый домик девчонок тургруппы. На ужин и ночлег.

Ужин оказался весёлым, а уж ночлег...

Разумеется, ничего такого я не планировал. Просто увидел, что несколько девчушек вымотаны донельзя, замёрзли и мысленно проклиная затею с доказательством самим себе собственной моральной крутизны. Мой тёплый домик манил их комфортом и возможностью немедленного отдыха. Отколовшись от основной группы, три предательницы воспользовались моим радушием, не обращая внимания на грозные заявления остальных о слабости духа. И пока остальные корячились с растяжками и обустройством простейшего палаточного быта, девчонки успели поесть и отдохнуть.

Да, я знаю, что такое команда, и как важно быть сплоченной командой перед лицом многих трудностей. Да, я знаю, что такое предательство, и насколько слабость одного может стать крахом всей команды.

Нет, я не понимаю, почему разумный выбор комфортных условий – предательство остальных. Нет, я не знаю, почему человеку, не рассчитавшему своих сил, стёршему ноги и плечи, уставшему до полуобморочного состояния, нельзя воспользоваться возможностью быстрого отдыха и восстановления сил. Нет, я не вижу никакой необходимости в проявлении ненужной стойкости в весьма заурядном походе. Тяжело в учении – это да, но вот в бой те уставшие девчонки не собирались вовсе.

Мне сложно объяснить даже самому себе, как всё случилось.

Но могу похвастаться (да, я помню, что обещал этого не делать, но всё же): у меня был секс сразу с тремя девчонками. Хорошенькими, сексапильными и разумными девчонками, каждая из которых мучительно завидовала той, что затоптала розу в снег. У каждой была своя история крушения любви, каждая надеялась, что где-то за очередным житейским поворотом её ждет принц, способный принести домик и розу на высоту нескольких километров. Каждая старалась утешить меня, смягчить боль, затуманить реальность красивыми словами и страстными объятиями.

За хвастовством следует признаться, что миловаться в палатке, высоко в горах, в условиях минуса на улице и ограниченной возможности раздеться внутри – занятие то ещё. Но экстремальность условий возбуждает как ничто другое. Я снёс крышу всем трём красоткам. Я был Зевсом, обращаясь то в облако, то в дождь, то в лебедя. Я сочинил три оды размером с «Одиссею». Я верил, что являюсь богом, и я внушил эту веру своим великим богиням. Наверное, это был мой вариант горной болезни. Приступ гипоксии. Ничего подобного я не переживал ни до, ни после.

Кто-то в космосе оказался впечатлён моим желанием покорить и горы, и женщин. Невероятный рассвет, который устроили для нас небеса, остался в моей памяти одним из самых удивительных и впечатляющих зрелищ, которые я когда-либо видел.

Основная группа восход великого Гелиоса проспала. Но свернулась и ушла, пока мы досыпали сладкие утренние сны. Моим богиням волей-неволей пришлось вернуться на базу вместе со мной. Но, кажется, ни одна из них об этом не пожалела.

Одна из богинь позже вышла замуж за того проводника, которого не ждала девчонка за перевалом. Спустя пару лет после нашего общего спуска они встретились

на... Барбадосе. Жаль, я не видел этой сцены. К эффектной блондинке подваливает смуглый горец и на ломаном русском заявляет: «Я помню твою постель». Счастливые люди. Недавно они прислали мне сообщение о рождении у них близнецов. И кто после этого скажет, что в том восхождении мной не руководило божественное провидение?

Но я отвлёкся.

После возвращения восстановить хотя бы дружеские отношения с Тики-таки мне не удалось. По правде сказать, я и не старался. Так, разок приехал на тусовку, разок позвонил, да и переключился на другой роман. Знаю только, что история с цветком мгновенно обросла домыслами и легендами, полностью потеряв изначальный смысл. А сама тусовка вскоре распалась из-за ссоры двух «отцов-основателей», не поделивших какую-то очередную экстремалку.

Муж моей кухни, зарабатывающий кусочек хлеба с маслом и икоркой тем, что объясняет разным болезным прописные истины вроде того, что «солнце – тёплое», «правильный снег – белый», «нельзя тыкать палкой в спящую маму», выдвинул версию, что у Тики-таки есть серьёзное психологическое расстройство по типу нарциссизма. А я с грацией самца-гиппопотама нанёс ей крайне болезненный удар, поставив под сомнение её значимость и исключительность.

Может и так, но у меня не было желания это проверять. Вскоре я вляпался в афёру с танкерами, а заодно в такую экстремальность, что все забавы людей с палатками и верёвками стали казаться мне детскими и бессмысленными.

Через несколько месяцев на одной из сравнительно невысоких вершин команду Тики-таки застиг снежный буран. Часть палаток и припасов была потеряна, разбить лагерь не удалось. Спуститься ребята смогли только через двое суток, и к этому моменту у всех был обморожены руки, ноги, лица. В действительности, им здорово повезло. Такие истории не так уж редко заканчиваются трагически.

Тики-таки спаслась. Но её античная красота осталась в прошлом. Обморожение навсегда лишило её нежной белой кожи и «украсило» её лоб грубой полосой шрама. Её руки без нескольких фаланг пальцев похожи на уродливые лапки неведомого зверька. Куцые уши она прячет за волосами. И Тики-таки потеряла голос. Она глухо и низко говорит, и уже мало кто помнит её весёлый журчащий голосок.

Теперь она не ходит в походы и не покоряет горы. Она попросту живёт в горах, потому что вышла замуж за инструктора горнолыжной базы. Но видя её искалеченное лицо на экране, я не могу избавиться от мысли, что чего-то не понял в красавице, что исчезла на той проклятой вершине. А не поняв – не смог помочь, чего-то важного не сделал и не сказал. Может, мне удалось бы остановить её?

Эффектная красивая женщина так отчаянно бросалась в экстремальные приключения – ради того, чтобы доказать свою исключительность? Или ради того, чтобы расстаться с тем, о чём мечтают миллионы других женщин?

Скажи, Тики-таки, ты любила меня? Или только себя?

Зеро

Я не играю в карты. Потому что один мой приятель молодости – профессиональный шулер. Он запоминает расположение карт в колоде, а потом может полчаса тасовать эту колоду, не глядя на неё, и периодически прося кого-нибудь сдвинуть карты, но в итоге карты будут лежать так, как он запомнил. Пару раз я видел, как он обманирует дурачков, после чего навсегда утратил веру в карточное везение.

Зеро тоже умеет много чего делать с картами.

Узнал я это совершенно случайно. Я не играю в рулетку и прочие игровые автоматы. Знаю, что все эти штуки – лишь приспособления для облапошивания тех, кто верит в сказки. Мои азартные игры далеки от мира казино, но иногда и я оказываюсь в странной атмосфере, насыщенной желанием людей избавиться от денег.

Я отлавливал (другого слова и не скажешь) одного вредного промышленника, причём по ряду причин мне и моим партнёрам не хотелось поручать такое занятие каким-нибудь наёмным детективам. И мы впятером слонялись по известным точкам «причала» беглеца, надеясь на его тупость.

Три вечера в одно и то же время я сидел на одном и том же месте в одном и том же казино. Три вечера я наблюдал, как талантливый актёр душит ленивых охранников заведения. Три вечера я видел, как Зеро абсолютно равнодушно раскладывает карты, а потом из кассы заведения уплывают приличные суммы. За её столиком выигрывал мужчина. Невысокий, пожилой, с тросточкой. Потом молодой, крепкий, спортивный. Ещё потом интеллигентный толстячок в очках. Выигрывал мужик не так, чтобы переполошить службу безопасности. Но многие за такие суммы на работу ходят каждый день и месяцами.

Сдавать сообщников службе безопасности я не собирался, не моё это дело, радеть за тех, кто наживается на слабости людских характеров. Двое моих партнёров заловили тупого беглеца, из-за которого я торчал в казино, и я распрощался с бессмысленным досугом.

Вскоре я оказался на одном из мутных празднеств в новорусской усадьбе высокопоставленного чиновника. Помимо бильярдной и курительной комнаты в усадьбе была предусмотрена «игровая», но ассоциации с настольным хоккеем или пинболом будут неуместны. В комнате был стол для рулетки, стол для покера, и уголок для игры в «очко».

Честно говоря, я не обратил никакого внимания на крупье за покерным столом, но у Зеро феноменальная память на лица. Я не знаю, что она замышляла в тот вечер, но знаю, что она отказалась от своих планов из-за того, что узнала меня.

На следующий день я был изрядно изумлён, когда у моего подъезда меня встретила высокая и стройная девушка с аппетитной грудью, тонкой талией и крутыми бёдрами, изгиб которых сразу хотелось проверить тактильно. Она представилась, и мне потребовалось время, чтобы соотнести образ строгой крупье с пучком и в дурацкой блузке с той красоткой, что стояла передо мной. А она без каких-либо увёрток предложила мне нехилую сумму за информацию о том, кто и зачем нанял меня для того, чтобы следить за ней.

Я довольно долго смеялся. А потом предложил подняться и пропустить по рюмашке. Мы пропустили по рюмашке, и я разрешил ей себя соблазнить. Это было здорово, потому что в соблазнении она была не очень опытна, а привычка жить исключительно головой приводила к тому, что каждый шаг следования инстинкту она проверяла мозгами. Получалось медленно и неуклюже, а меня не надо было соблазнять. Достаточно было пальчиком поманить.

Очередным подарком мне стало её искреннее изумление, когда я заставил её всё же потерять голову. И опять же, она была странно неопытна: смущалась собственного возбуждения и произвольных движений тела, хотя не было никаких сомнений, что ей это всё не в новинку. Очарованный красавицей, я удержал её у себя до утра.

Я люблю смотреть на спящих женщин. Особенно на спящих в моей постели. Они такие славные, такие милые, такие беспомощные. А Зеро была ещё и очень хорошенькой. Не хотелось её отпускать. И я расстарался с завтраком на подносе и срочной доставкой букета. Но она убежала. Так и не притронувшись к завтраку, не забрав букета, она быстро собралась, стараясь не смотреть на меня, и ушла, начисто забыв, зачем приходила.

Я узнал, когда будет её смена в казино, и был восхищён выдержкой Зеро, на мгновение даже засомневавшись, а не приснилось ли мне то ночное приключение.

Девушка никак не отреагировала на моё появление за своим столом. Просто делала свою работу.

Ко мне она пришла ещё через три дня. Строгая, сосредоточенная и в глухом брючном костюме. Это она типа настроилась на деловые переговоры. Выяснить, что мне надо, и за сколько денег меня купили какие-то неведомые враги. Выяснения затянулись до полуночи, а потом и до утра. А утром Зеро неожиданно расплакалась. По-детски, горько, без истерии, свойственной взрослым бабам.

Она не хотела изменять своему парню. Родившись в цирковой семье, она с детства умела манипулировать предметами и показывать разные карточные фокусы, она научилась мошенничать раньше, чем читать, и точно также с детства впитала неприязнь к сексуальной свободе, которую исповедовала её мать, не стеснявшаяся изменять мужу только что не в его присутствии. Но возлюбленный Зеро придерживался той точки зрения, что ей не то, что можно, а и нужно изменять ему, если за этой изменой маячит что-нибудь стоящее. Моё соблазнение было его идеей, но теперь Зеро, не первый раз оказавшаяся в неприглядной роли проданной невесты, раскаивалась в том, что со мной эта роль так ей понравилась.

Я утешил бедную девочку, как мог. Мы позавтракали, и я ещё немного её поутешал. До обеда. И до ужина. Но потом она снова убежала.

Третья наша ночь растянулась на четыре дня. Зеро перестала смущаться, перестала расстраиваться и даже рассказала мне несколько забавных историй из детства, которые позволили мне позже точно установить её настоящее имя.

Я попытался объяснить ей три вещи. Что ей надо самой решать всё за себя, без оглядки на парней и комплексы родителей. Что парень, способный продать девчонку неважно за что, не кто иной, как сутенёр, и от таких надо бежать, потому что однажды он продаст девчонку на ту роль, которая ей не только не понравится, но может и вообще убить. Что если Зеро хочет играть с огнём, то играть надо по-крупному, не размениваясь на мелкое обмисливание казино, но играть так, чтобы не обжигаться (особенно до состояния кремационного пепла).

Зеро улыбалась, мои рассказы о некоторых абсолютно законных бизнес-афёрах её веселили, и она, в свою очередь, дала мне пару советов, абсолютно, увы, неприменимых в условиях моей обычной жизни. Она обещала позвонить, покидая меня, но через неделю уволилась из казино и исчезла.

Ходили слухи, что красивая русская мошенница обманула одно из дорогих итальянских казино. Что загадочная русская красавица обыграла в карты боссов мексиканской мафии. Что на яхте, захваченной сомалийскими пиратами, случайно оказалась дерзкая русская бандитка, которая в какой-то азартной игре отыграла у главаря группировки яхту обратно. Каждый раз, слыша про какие-то удачные авантюрные похождения русских девчонок, я думаю, что, может быть, это была Зеро. Потом одёргиваю себя: мало ли подобных слухов ходит о наших бабах?

Где бы ты ни была, Зеро, удачи тебе.

Оранж

В конце каждой книги полагается размещать если не совсем хеппи-энд, то хотя бы морализаторство какого-нибудь второстепенного персонажа на костях вымерших основных героев. Вместо всего это я расскажу об Оранж. Об умной женщине, которая однажды будет править нашим миром.

Я люблю умных женщин. И женский ум для меня – это не зазубренные решения дифференциальных уравнений и не якобы глубокомысленный словесный понос на тему философии или литературы. Умная женщина – та, которая умеет понимать себя и разумно

относится к своим потребностям и желаниям, достаточно объективно оценивая свои возможности и таланты. Она не позволяет другим манипулировать собой, и в то же время не переходит черту, отделяющую сильный характер от фанатизма. Разумеется, она любопытна и готова на определённый риск в познании себя и мира, но она не будет идти наперекор своей природе.

И дальше можно заливать соловьём на эту тему ещё энное количество страниц... Перейдём к сути.

Конечно, напрашивается мысль о том, что Оранж – рыжая, веснушчатая, весёлая и разбитная девчонка, но моё имя никак не отражает её внешности. Оранж – это характер. Это сила воли и целеустремлённость, перед которой пасуют не то, что другие девчонки, а и битые жизнью взрослые мужики.

Оранж спокойно красива, и это та красота, которая не покоряет с первого взгляда, но заставляет замирать мужские сердца с первого слова, с первого жеста и движения женщины. Оранж сама создала свою красоту, однажды решив, что хочет быть красавицей. Ей не потребовались для этого ухищрения пластических хирургов. Она провела ряд экспериментов, выяснила, какие причёски, цвета и стили одежды максимально подходят именно ей. Она занялась танцами и гимнастикой, чтобы добиться грациозности в ходьбе и жестах. Она два года мучила себя странными упражнениями для губ и языка, чтобы избавиться от огрехов в произношении. Однажды эта маленькая королева решила, что ей надо многое узнать, и принялась учиться. И вовсе не по программам средней школы. Это было изучение широчайшего охвата гуманитарных и технических тем с целью научиться поверхностному пониманию, о чем идёт речь. И я не знаю равных Оранж женщин, кто способен так легко трепаться почти на любые темы, создавая о себе впечатление интеллектуалки и в то же время очень милой, совсем не заносчивой девушки.

Но когда я впервые увидел Оранж, ничто в ней не предвещало столь яркого и блистательного расцвета. Это был худой и кричащий младенец с синюшными ручками и ножками. Из всех виденных мною за жизнь младенцев, пожалуй, именно Оранж была самым уродливым. Хотя, возможно, это было лишь субъективным восприятием подростка, вдруг воочию увидевшего, к чему приводят те самые занимательные игры с девочками.

Мамой Оранж была нищая студентка из провинции, ухитрившаяся залететь прямо в первые пару дней сдачи вступительных экзаменов. К чести отца девочки, он не стал прятаться в кусты, а честно разделил с соседкой по общежитию все тяготы студенческого быта, обременённого ещё и младенцем. У Оранж не было заботливых бабушек, которые водили бы её по музыкальным школам и бассейнам, зато были смеющиеся и улыбающиеся множественные дяди и тётки, обычно куда-то спешащие. Время от добрых дяди и тётки приносили «дочери курса» что-нибудь вкусное или привозили игрушки, которые не могли купить ей родители.

Это было весело, но после получения дипломов студенческий брак родителей быстро рухнул. И они начали делить малыша с яростным остервенением людей, которые отчаянно любят друг друга, но не могут и никогда не смогут простить друг другу сиюминутного отступничества, жажды попробовать что-то новое, элементарного любопытства по отношению к самому себе и своим сексуальным желаниям. Гордость оказалась важнее любви. Банальные и ничего не значащие измены оказались важнее нескольких лет выживания, взаимной поддержки, дружбы и того самого деления на двоих всех горестей и радостей. Взросление мужчины и женщины не привело к взрослению любви, а сокрушило её, ударив по самой незащитной и беспомощной цели.

В итоге войны за ребёнка мама Оранж улетела в Германию, папа – в Италию, а сама девочка осталась на родине – запертой в детском доме. На тот момент ей исполнилось десять. В одиннадцать она попыталась покончить с собой, поскольку во время первых месячных решила, что умирает. В двенадцать она поранила ножом

десятиклассника, который если и не пытался её изнасиловать (а я всё же полагаю, что пытался), то сам напросился на жёсткий отпор, затолкав девочку в мужской туалет, содрав с неё часть одежды и свалив на пол. В четырнадцать Оранж решила, что вытащит себя из болота, и это не стало отчаянной борьбой против всего мира, это стало умной программой воспитания и обучения самой себя.

Когда Оранж исполнилось шестнадцать, одна из добрых однокурсниц родителей девочки в силу сложного жизненного коллапса решила «спасти гадкого утёнка». «Утёнок» ей больше года вежливо писал письма, как писал ещё тридцати разным знакомым и родственникам родителей. Это было частью программы Оранж – писать, не ожидая ответа, но и не давая забыть о себе. Это сработало. Оранж вырвалась из провинциального детдома и оказалась в шикарной столичной квартире музейной работницы, чей студенческий брак тоже рухнул – но на этапе обретения её мужем значительного состояния.

Я вновь увидел Оранж на одном из глупых сборищ по случаю какого-то праздника. Публика триндела, ела, плясала, я скучал, поскольку делать было нечего, а до вечера было далеко. А потом я увидел маленькую королеву. Очаровательную, милую, прелестную и подчиняющую себе всех. Что меня совсем уж восхитило, королевские манеры явно были результатом воспитания и стремления к совершенству. Я запросто подошёл и спросил у королевы, какую аристократическую фамилию она носит. Выяснив правду, я понял, что к восхищению нужно добавить серьёзное уважение – я не знаю других детей, сумевших так блестяще и целеустремлённо справиться с непростыми жизненными обстоятельствами.

Конечно, я ей помог. Я забрал Оранж из царства плача по неверным мужчинам и поселил вместе с двумя хорошими студентками (одна из них являлась дочерью одной из своих сотрудниц, так что для студенток я был просто начальник мамы). Я устроил Оранж в довольно престижный институт – вне конкурса, по благу. Я сумел организовать встречу Оранж с родителями, которая позволила ей прояснить для себя какие-то вопросы, и в итоге перестать мучиться размышлениями на тему «Почему меня бросили?». (Удобно было, вот и бросили.)

Конечно, я её приодел и познакомил с кучей интересных людей, до поры до времени не позволяя хоть кому-либо стать для неё слишком близким. Причём это касалось не только мужчин – женское влияние может быть асексуальным, но деструктивным.

Конечно, я стал первым любовником Оранж. И иногда надеюсь, что войду в историю лет через двести-триста упоминанием в каком-нибудь художественном романе. Что-нибудь вроде: «по некоторым сведениям фаворитом королевы Оранж в то стародавнее время был некий кавалер, имя которого не сохранилось».

Оранж и к сексу отнеслась как к своеобразной ступени взросления. Для неё секс был прежде всего уроком, а уже потом удовольствием. Для меня на первом месте было вождение, а правильные слова я произносил уже потом, отдавая явное предпочтение нашим практическим занятиям. Оранж приучила себя начинать день с лёгкой физической разминки, в основном состоящей из упражнений на растяжку, и регулярные занятия привели её тело к совершенным формам. А здоровое тело жаждало регулярных и совершенных сексуальных реакций. Оранж быстро стала отличной любовницей, хотя и чуть-чуть шаблонной. Отвлечь Оранж от мыслей о самосовершенствовании было невозможно даже во время самого бурного и иступлённого секса. Она всегда хоть уголком сознания, но помнила о своей «королевской» программе. И прошло довольно много времени, прежде чем это стало меня раздражать. Поначалу я просто наслаждался молодым телом, к которому ещё и прилагались мозги, способные развлечь, повеселить, занять умной беседой или легкомысленными словесными играми.

Мне удалось развратить маленькую королеву, но мне не удалось влюбить её в себя. Поначалу я этого и не хотел, но постепенно оказался увлечён извечной игрой между мужчиной и женщиной, когда каждому хочется быть охотником, но не добычей.

Любовь может нагрять нечаянно. Но очень часто в нашем мире любовь – всего лишь результат долгой и отчасти вынужденной притирки людей друг к другу. Учились вместе, работали вместе, сидели рядом, стояли друг напротив друга, а потом оказалось, что привыкли друг к другу настолько, что расстаться кажется сложным.

Любовь может быть и сознательным внушением взрослого партнёра – менее опытному или юному. Взрослому мужчине намного легче произвести впечатление на молодую девушку, опытной женщине ничего не стоит влюбить в себя молодого парня. Восхищаешься, осыпаешь комплиментами, подарками, приглашаешь куда-либо, зачастую даже не заикаясь о сексуальной подоплёке своего интереса. Убедившись, что добыча привыкла к тебе, к твоему восхищению и постоянному присутствию в жизни, так или иначе провоцируешь охлаждение, толику ревности, чувство неуверенности в себе. Обеспокоенная добыча пытается выяснить причины перемен, и, в зависимости от ситуаций и персонажей в этом театре, можно или уже закрывать финальный занавес после сцены решительного объяснения в любви, или повторить всё то же самое эн раз.

С Оранж не сработало. В ней я нашёл великолепного партнёра по замечательной игре в лавирование и манипулирование друг другом. Причём в какой-то момент игра стала явной для нас обоих, отчего потеряла большую часть смысла, но мы всё равно придумывали хитроумные ходы и внезапные изменения правил, что очень долго держало наши отношения в определённом тонусе.

А потом рациональная, умная, целеустремлённая королева встретила плохого мальчика. Вообще, отношения хороших девочек и совершенно неподходящих им плохих парней предусмотрены природой. В качестве обеспечения генетического равновесия всего вида. Если хорошие девчонки не будут давать плохим парням, мы быстро выродимся, потому что окажемся неспособны на выживание. Там, где вопрос стоит о жизни или смерти, плохие парни делают шокирующий гуманистов выбор, благодаря которому человечество спасается. С другой стороны, хорошие девочки способны сохранить жизни даже погибающих представителей вида, обеспечив следующим поколениям мало-мальское генетическое разнообразие.

В теории я мастер, однако на практике влюблённость Оранж в беспринципного мошенника со сроком за плечами, склонностью к хроническому алкоголизму и лубочной православной верой повергла меня в мрачное недоумение. Чёрт уже с ним, с видом этим человеческим. Верните мне мою хорошую девочку!

Но что девочке было за дело до моих взрослых и взвешенных суждений?

Решительно бросив налаженную жизнь, Оранж переехала в конуру своего избранника и взялась спасать его с присущей ей последовательностью и непреклонностью. Плохой мальчик, совершенно обалдев от того, что за ним вдруг стала ухаживать такая офигенно умная и красивая девчонка, быстро и бесповоротно оказался полностью под её влиянием. И, что невероятно меня изумило, действительно начал «спасаться».

Исчезли маленькие иконки, развешанные там и сям «от сглаза». Испарились подозрительного вида собутыльники. Появились книги. И компьютер. Выяснилось, что мошенник окончил радиотехнический техникум и отлично разбирается в разной электронной лабуде. Собственно, и сидел он за соучастие в какой-то афёре, где был техническим мозгом. Так что на превращение уголовника во вполне приличного молодого человека Оранж потратила четыре месяца.

И было бы всем счастье, но у бывшего плохого мальчика обнаружился лучший дружок – уж совсем отвратный мальчик. Этот плохиш поначалу крайне агрессивно отнёсся к влиянию Оранж на его друга-плохиша, но, как это часто бывает, за неприязнью таилась банальная ревность и обида – ну как же королева могла предпочесть конкретного лоха ему, супер-мачо и героическому герою?

Факторы супер-геройства для Оранж значимы не были, и какое-то время отношения в троице носили характер войны за влияние на «лоха». Но потом Оранж вдруг увидела в плохише того заблудшего барана, которого тоже можно спасти. А «лох» к тому моменту уже выбрался из трясины пороков, так что о нём можно было не беспокоиться.

Оранж переехала к плохишу. И парни поменялись ролями.

А потом поменялись ещё раз.

А ещё потом этот странный треугольник стал жить вместе. Поначалу меня это здорово встревожило, но парни время от времени били только друг друга, саму королеву нежно обожая. Такое вот спасение получилась.

Однажды Оранж мне позвонила и честно призналась, что совсем запуталась, что не знает, что делать. Что ощущает, как с каждым днём что-то важное в ней тает, исчезает, ускользает. Болото спасения других засосало её саму в трясину чужих бед.

Оранж просила моей помощи – не кривляясь, ничего не придумывая, и в этом не лавируя и не манипулируя. Умные женщины умеют признавать, что оказались в тупике. И умеют позвать на помощь так, чтобы и гордость не пострадала, и рыцарю было приятно, что о нём вспомнили.

Я забрал её. Приехал, перекинул через плечо и увёз. Два следующих месяца она прожила в другом городе, в полупустом пансионате, где улыбаться ей могли лишь деды-инфарктники. Потом я свозил её за границу – ещё немного развеяться.

Пока мы предавались изучению некоторых вариантов аристократического разврата абсолютистской Франции, используя в качестве подсказок весьма подробные описания туристических каталогов, один из плохих мальчиков был убит, а второй взят под стражу за совершение этого убийства. Позже ему дали пятнадцать лет. И на процессе не было сказано ни слова о причине ссоры друзей. Просто убийство по пьянке.

От первого плохиша у Оранж осталось три пухлых тетради пронзительных, чувственных, нервных стихов, большая часть которых посвящена любви, верности, семье и прекрасному будущему. Издать эти стихи, увы, не представляется возможным. Слишком много нелитературной лексики и запредельной откровенности.

Второй плохиш уже после суда прислал Оранж диск с печальными импровизациями на электронном пианино. Оказалось, он окончил музыкальную школу и подавал большие надежды, но им не суждено было сбыться.

Мои отношения с Оранж после поездки стали носить характер редких эпизодических встреч. Она бросилась в учёбу, занялась серьёзным проектом подруги по институту, нашла интересную подработку. Сексуальных приключений ей хватало и без меня, хотя она предпочитала мимоходом меня обманывать в том, что я – единственный, а встречи редки, потому что ей много и не надо. Я научил её врать более тонко, чувствуя себя подрывником, подносящим спичку к запалу бомбы, находящейся прямо под стулом. И я продолжал следить за жизнью Оранж, испытывая смутное тревожное чувство, которому сложно дать рациональное объяснение.

Прошёл год. И Оранж снова встретила плохого мальчика. А потом и его друга, тоже плохого мальчика. Эти не были связаны с откровенным криминалом. Просто воровали деньги у сирот, используя сеть благотворительных фондов и общественных организаций. Красивые, импозантные мужики, у которых было буквально всё,

судьбоносную встречу с Оранж вряд ли восприняли всерьёз. Они ведь достаточно королев видели на своём веку.

А вот Оранж ощутила знакомый зуд спасения. Её существу органически требовалось вытащить кого-нибудь из болота. Вынести из горящей избы. Вывести из тьмы заблуждений разума. И за право быть спасёнными этой хорошей девочкой плохие мальчишки – друзья детства и названные братья – схлестнулись насмерть.

Я не знаю, как она добивается такого эффекта. Почему мужики так жаждут отнять её не просто у друга, а у самого верного и надёжного друга, проверенного в самых разных и часто куда более опасных и критических обстоятельствах. Найти этому какого-то разумного объяснения не могу. Мне самому уводить подружек у друзей доводилось, но чтобы воевать из-за чьих-то красивых глаз и сисек? Да в мире миллиарды глаз и сисек!

И всё же Оранж встала именно между друзьями. Два плохиша увидели в ней единственный смысл своих жалких жизней, а почувствовав в друге соперника, принялись грызть его с остервенением дикого зверя.

На этот раз хорошая девочка, наученная горьким опытом, уже не поддавалась опасному порыву разделить все бытовые и житейские проблемы со своими избранниками. Она просто сломала их обоих. Первый постригся в монастырь и живёт в одиноком ските вдали от цивилизации без удобств и электричества. Второй свёл счёты с жизнью, упав с тридцатого этажа фешенебельного заграничного отеля.

Оранж изредка перелистывает альбом с фантастическими пейзажами первого. И любит скульптуру обнажённой женщины, для которой сама стала моделью. Во втором плохише отечественная культура явно не досчиталась мощного и самобытного ваятеля.

Потом были банкир и его первый заместитель. Очень плохие мальчишки, прошедшие вместе огонь, воду и медные трубы. Я не знаю, сколько было реальных жертв в войне, развязанной из-за Оранж этими друзьями навек. Знаю, что первый быстро спивается в своём роскошном загородном доме. В полном одиночестве. Второй тоже довольно быстро умирает от осложнений после встречи с внезапно выскочившим на него грузовиком.

Оранж очень любит плюшевую собачку, подаренную первым, и периодически она даже с ней спит, нежно и трогательно прижимая к себе. Также трогательно она ухаживает за деревцем, которое посадил в городском скверике второй.

Я полагаю, что после некоторой паузы в сердечке хорошей девочки снова забьётся импульс спасти каких-нибудь плохих ребят. Методом стравливания их между собой. И никакие обереги, заговоры, талисманы и молитвы не спасут плохишей от суровой любви маленькой королевы. Нет от этой беды никакого спасения.

Но пока у Оранж период рациональности. Она учится только на отлично, работает, создаёт себе имя и репутацию. Она очень разумно распорядилась всеми знакомствами, что я ей устроил. И всеми теми, что ей организовали все её мальчиши-плохиши. Работа приносит ей приличный доход, позволяющий не чувствовать себя бедной провинциалкой.

Ещё у Оранж есть хороший парень. Талантливый юноша с правильными мыслями. Единственный сын известного и богатого человека. Оранж и хороший мальчик встречаются. Пока без секса. Ведь у него строгая мама, которая не потерпит разных там вертихвосток. Так что с «этим» они подождут до свадьбы. То есть до весны. И, разумеется, Оранж – дева несравненной чистоты, которая хранит себя до торжественного момента обмана хорошего мальчика, совсем не разбирающегося в некоторых особенностях женской физиологии.

Для юноши уже подготовлено хлебное и ненапряжное место высокопоставленного руководителя в госкорпорации. После свадьбы Оранж окажется в компании правящей верхушки и, несомненно, она произведёт на многих из этой компании самое

благоприятное впечатление. Ей не потребуется много времени, чтобы обрести рычаги влияния и составить благоприятные для себя дружеские или любовные альянсы. Она будет править этим миром. И периодически спасать плохих мальчиков.

Любуясь цветущей красотой Оранж, лаская её безупречную грудь, целуя её сочные губки, слушая её страстные стоны, я гоню от себя мысль о том, что как бы мы, мужчины, не разбирались в женских уловках и придумках, как бы не были искушены и умны, как бы не кичились знаниями и заслугами, женщины всё равно делают из нас идиотов. Это такой закон природы.

Вот, пожалуй, и всё.

Вместо эпилога

Что я люблю в тебе, моя милая?

Твои волосы, уложенные или рассыпанные по плечам. Обожаю перебирать их и зарываться в них носом. А еще люблю портить уже готовые укладки, заставляя тебя снова и снова причесываться.

Внимательный взгляд, обращенный на меня с лаской и желанием сделать меня счастливей. Почаще бы ты так на меня смотрела – мир был бы лучше.

Четкие выразительные губы. Часто я не понимаю, о чём ты говоришь. Движение твоих губ меня завораживает. Что-то в них есть, отвлекающее меня от интеллектуальных игр. Прости, дорогая, я с тобой полностью согласен. Давай займёмся кое-чем поинтереснее бесплодных споров?

Стройную фигуру с выраженной талией. Так приятно собственнически положить свою тяжёлую ладонь на эту талию. Особенно на глазах других мужчин и женщин. Мы красивая пара, привлекаем внимание. Это приятно и повышает нашу самооценку. Каждого по отдельности и обоих вместе.

Упругие высокие груди с изящными вишнёвыми сосками. Эти волшебные соски, просвечивающие сквозь одежду или просто выпирающие из-под облегающих свитеров, заставляют мое сердце биться чаще. Даже когда я просто вспоминаю о них. И даже когда пишу эти строки.

Крепкую попку. Ты даже не представляешь, на что я способен, когда вижу, как ты танцуешь, вырисовывая своей попкой неизвестные письмена в воздухе.

Прямые ножки. Их сложно назвать хрупкими, скорее они крепкие, сильные и уверенно держат тебя в твоём шестивии по этой планете. Но твоя гимнастическая растяжка позволяет крутить их в любые стороны. Это сводит меня с ума.

Ты очень красива, моя любимая. Но это ещё не все.

Я люблю твоё здоровое чувство юмора. И то, как ты смеёшься над всем миром.

Я люблю твоё желание учиться. Ты умница, и я немного завидую твоей непосредственности в восприятии всего нового.

Я люблю твой оптимизм и веру в лучшее завтра. Это заставляет смотреть на мир сквозь розовые очки. А что ещё нужно такому безнадёжному эгоисту и цинику, как я?

Я ведь победил? Сознайся в этом, моя дорогая.

Иди ко мне, я тебя поцелую.

Москва
2011- 2012